

СТИВЕН КИНГ

Страна радости

●

-

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***
_____

***

***

***

***

***
_____

***

[illegible]

- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [***](#)

- [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)

- [notes](#)

- [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
-

ДЖОЙЛЕНД
Стивен Кинг

Машина у меня была, но осенью семьдесят третьего я почти всегда шел в Джойленд из пансиона миссис Шоплоу в прибрежном городке Хэвенс-Бэй пешком. Мне казалось, что так правильней.

Собственно, мне казалось, что иначе вообще нельзя. К началу сентября пляж в Хэвене почти опустел, что вполне подходило моему настроению. То была самая прекрасная осень в моей жизни. Могу подтвердить это даже сейчас, сорок лет спустя. И никогда в жизни я не был так несчастен, как в ту осень — в этом я тоже могу признаться.

Считается, что первая любовь чудесна, а чудесней всего — когда рвется эта первая связь. Вы наверняка слышали тысячу попсовых песенок на эту тему: опять какому-то дураку разбили сердце. Но первая сердечная рана всегда сильнее всего болит, дольше всего затягивается и оставляет самый заметный шрам. Что уж тут чудесного?

Весь сентябрь и даже в октябре небо над Северной Каролиной оставалось безоблачным, и в семь утра, когда я спускался из своей комнаты на втором этаже по наружной лестнице, было уже тепло. Если я выходил в легкой куртке, то она оказывалась завязанной у меня вокруг пояса раньше, чем я проходил половину из трех миль, отделявших город от парка развлечений.

Первую остановку я делал в "Булочной Бетти", где брал парочку еще теплых круассанов. Моя тень ползла за мной по песку — футов двадцать длиной, не меньше. Полные надежд чайки, чуя круассаны даже сквозь вощеную бумагу, кружили над головой. А когда я возвращался, обычно около пяти (хотя иногда задерживался и дольше — в Хэвенс-Бэй, городке, впадшем в спячку с завершением лета, меня не ждало ничего интересного), тень сопровождала меня по воде. Если в это время был прилив, она дрожала на поверхности волн, словно танцуя танец хула.

Мне кажется — хотя и не поручусь в этом — что я увидел мальчика, женщину и их собаку во время первой же прогулки по пляжу. По всему побережью от городка до развеселого, сверкающего, лязгающего Джойленда выстроились летние домики. Многие из них были дорогие, и большинство наглухо закрыто после Дня труда.

Но только не самый большой, похожий на зеленый деревянный замок. Дорожка вела от его широкого заднего двора туда, где морская трава сменялась мелким белым песком. В конце дорожки стоял стол для пикников под сенью ярко-зеленого пляжного зонта. В его тени сидел мальчик в своем инвалидном кресле, в бейсбольной кепке, всегда укрытый до талии одеялом, — даже ближе к вечеру, когда температура поднималась далеко за двадцать градусов. На вид ему было лет пять, уж точно не больше семи. Собака, Джек-Рассел-терьер, лежала рядом с ним или сидела у его ног. Женщина сидела на одной из скамеек у стола и иногда читала книгу, а чаще просто смотрела на воду. Она была очень красива.

По дороге туда и обратно я всегда махал им рукой, и мальчик отвечал на приветствие. Она — нет, по крайней мере, в первое время. 1973 год был годом нефтяного эмбарго ОПЕК; годом, когда Ричард Никсон объявил, что он не мошенник; годом, когда умерли Эдвард Г. Робинсон и Ноэль Кауард. Потерянный год для Девина Джонса. Я был девственником двадцати одного года от роду с литературными амбициями; за душой у меня имелись три пары синих джинсов, четыре пары трусов, раздолбанный форд (с хорошим радио), изредка посещавшие меня мысли о самоубийстве и разбитое сердце.

Чудесно, да?

Ее звали Венди Кигэн, и она меня не заслуживала. Долгие годы я шел к этому выводу, но вы же знаете старую поговорку: лучше поздно, чем никогда. Ее родиной был Портсмут, что в Нью-Гэмпшире, моей – Саут-Бервик, штат Мэн.

Это фактически превращало нас в соседей. Мы начали "гулять вместе" (как тогда говорили) на первом курсе университета — вообще говоря, мы познакомились на "посвящении в студенты". Чудесно, правда? Как в одной из тех песенок.

Мы были неразлучны на протяжении двух лет — везде ходили и все делали вместе. Все, кроме "этого".

И она, и я подрабатывали в университете: она — в библиотеке, я — в местной столовой. Когда пришла пора летних каникул 1972 года, нам предложили остаться на наших рабочих местах... и мы с радостью приняли это предложение. Большие деньги нам не светили, но возможность быть вместе казалась нам гораздо ценнее. Я рассчитывал, что мы точно так же проведем и лето 1973-го, пока Венди не объявила, что ее подруга Рене нашла им обеим новую работу в одном из универмагов Филена в Бостоне.

— А мне как быть? — спросил я.

— Ты всегда сможешь приехать, — ответила Венди. — Я буду безумно скучать по тебе, но, Дев, нам, наверное, лучше провести некоторое время порознь.

Фраза, которая часто звучит как поминальный звон. Должно быть, Венди прочитала мои мысли, потому что тут же встала на цыпочки и поцеловала. "Расставание лишь укрепляет любовь в наших сердцах, — сказала она. — Кроме того, у меня там будет свой угол, и ты сможешь оставаться". Но при этом Венди прятала взгляд, и то, о чем она говорила, так никогда и не произошло.

Слишком много соседей по комнате. Слишком мало свободного времени. Разумеется, все эти проблемы были решаемы — но мы с ними справиться не смогли, и это должно было натолкнуть меня на кое-какие мысли. В ретроспективе это говорит мне о многом.

Несколько раз мы довольно близко подошли к "этому", но "этого" не случилось. Она всякий раз отстранялась, а я не настаивал.

Бог свидетель, я был вежлив и терпелив. Впоследствии я часто задавался вопросом, как бы все повернулось — к добру ли, к худу — веди я себя иначе.

Что я могу сказать наверняка — если парень хочет затащить девушку в постель, вежливость и терпение ему в этом помогают редко.

Можете записать это на табличке и повесить у себя на кухне.

Мысль о том, чтобы еще одно лето мыть столовские полы и загружать грязные тарелки в старые посудомоечные машины, меня не слишком прельщала, учитывая, что Венди будет наслаждаться яркими огнями Бостона в семидесяти милях к югу. И все же это была работа; работа была мне нужна, а других возможностей не намечалось. Но в конце февраля возможность буквально приплыла ко мне по конвейеру с грязными тарелками.

Кто-то читал "Каролина Ливинг", поедая комплексный обед — в тот день это были бургеры "мексикали" и картофель фри "карамба" — а потом оставил журнал на подносе, и я забрал его вместе с тарелками. Хотел было выбросить, но передумал. Бесплатное чтение, в конце концов, есть бесплатное чтение (не забывайте, что мне приходилось подрабатывать). Я сунул журнал в задний карман и забыл о нем до самого возвращения в общежитие. Там он упал на пол и раскрылся на разделе объявлений, когда я переодевал штаны.

Владелец журнала обвел в кружок несколько вакансий в Джойленде... хотя в итоге, видимо, решил, что они ему не подходят — иначе "Каролина Ливинг" не оказалась бы на конвейере. В самом низу страницы было объявление, которое привлекло мое внимание, хоть и не было обведено. Первая строка, набранная жирным шрифтом, гласила: РАБОТА. ВБЛИЗИ ОТ ХЭВЕНА. Какой студент-филолог не ухватился бы за такую возможность ^[1]? И какого мрачного юношу двадцати одного года, охваченного страхом потерять свою подругу, не привлекла бы идея поработать в месте под названием Джойленд ^[2]?

В объявлении был номер телефона, и, поддавшись порыву, я позвонил. Неделью спустя в моем почтовом ящике обнаружился бланк заявления о приеме на работу.

В прилагаемом письме говорилось, что если я хочу получить работу на все лето (а я хотел), то мне придется выполнять много разных обязанностей, в основном по обслуживанию, но не только. Мне нужно было иметь действующие водительские права и пройти собеседование — например, на грядущих весенних каникулах, вместо поездки домой в Мэн на неделю. Но я собирался по крайней мере часть этой недели провести с Венди. Кто знает, может, дошло бы и до "этого".

— Езжай на собеседование, — сразу же сказала Венди. Не размышляла ни секунды. — Это будет настоящее приключение.

— У нас с тобой могло бы быть настоящее приключение, — возразил я.

— На это у нас будет куча времени в следующем году. — Она встала на цыпочки и поцеловала меня (она всегда вставала на цыпочки). Встречалась ли она уже тогда с другим парнем? Наверное, нет, но наверняка успела его заметить, потому что оба посещали спецкурс по социологии.

Рене Сент-Клер должна была это знать, и, скорее всего, выболтала бы мне все, если бы я только спросил (болтать Рене обожала; держу пари, она выматывала священника до полусмерти своими исповедями), но есть вещи, которые просто не хочется знать. Например, почему девушка, которую ты любил всем сердцем, все время говорила тебе "нет", но улеглась в постель с новым парнем почти при первой же возможности. Я не думаю, что можно полностью оправиться от первой любви, и эта боль еще не утихла. Где-то в глубине души я и сейчас хочу знать, что же во мне было не так. Чего во мне не доставало. Мне за шестьдесят, я посидел и пережил рак простаты, но я все еще хочу знать, чем не угодил Венди Кигэн.

Из Бостона я добрался до Северной Каролины на поезде под названием «Южанин» (не бог весть какое приключение, зато дешево), а уже в Вилмингтоне пересел на автобус до Хэвенс-Бэй. Собеседование проводил Фред Дин, который, помимо прочих своих обязанностей, заведовал в Джойленде кадрами. Заняло оно пятнадцать минут, после чего Фред заглянул в мое водительское удостоверение, проверил аттестат об окончании курсов первой помощи и вручил мне пластиковый бейджик с надписью "ПОСЕТИТЕЛЬ", датой и нарисованной голубоглазой овчаркой. Овчарка улыбалась и чем-то напоминала известного мультяшного сыщика, Скуби-Ду.

— Теперь можешь осмотреться, — сказал Дин. — Прокатись на "Каролинском колесе", если хочешь. Оно, в отличие от других аттракционов, уже работает. Скажешь Лэйну, я разрешил. Я дал тебе дневной пропуск, но хочу, чтобы ты вернулся... — он посмотрел на часы, — допустим, к часу дня. Вот тогда и скажешь, согласен ты или нет. Мне осталось заполнить пять вакансий, но все они по большому счету одинаковы — Добрые Помощники.

— Спасибо, сэр.

Он улыбнулся и кивнул.

— Не знаю, что ты думаешь об этом месте, но мне оно нравится. Да, старовато и слегка обветшало, но это только придает ему обаяния. Одно время я работал в Диснейленде — не понравилось. Слишком уж он... не знаю...

— Деловой? — подсказал я.

— Точно. Слишком деловой. Весь такой огромный и блестящий. Вот пару лет назад я и вернулся в Джойленд и ни разу не пожалел. Мы тут скорее импровизируем, действуем с привкусом старых добрых ярмарок. Так что осматривайся. Пойми, что ты думаешь об этом месте. А еще важнее — что чувствуешь.

— Можно сначала вопрос?

— Конечно.

Я прикоснулся к пропуску.

— Что это за пес?

Улыбка стала шире.

— А, это Гови, Пес-Симпатия, наш талисман. Пес отца-основателя Джойленда, Брэдли Истербрука, был самым первым Гови. Он уже давно умер, но видеть ты его будешь часто, если согласишься работать у нас летом.

Я видел... и не видел. Загадка простенькая, но с ответом придется подождать.

Джойленд был меньше парка "Шесть флагов" и уж точно не шел ни в какое сравнение с Диснейуорлдом — но все равно впечатлял, особенно двумя своими главными аллеями — Джойленд-авеню и Песьей тропой (последняя, практически пустая, была шириной с восьмиполосную магистраль). Жужжали мотопилы, повсюду трудились рабочие — самая многочисленная бригада облепила "Шаровую молнию", одну из двух американских горок Джойленда — но посетителей не было, потому что парк планировали открыть не раньше пятнадцатого мая. Впрочем, несколько киосков торговали едой, чтобы рабочие могли перекусить, а еще пожилая дама из разрисованной звездами будки предсказаний как-то подозрительно на меня пялилась — но все остальное, за одним исключением, не работало.

Исключением было "Каролинское колесо". Оно возвышалось над землей на сто семьдесят футов (как я выяснил позже) и едва заметно вращалось.

На входе стоял крепко сбитый мускулистый мужик в выцветших джинсах, грязных замшевых ботинках и майке.

На угольного цвета волосах сидел котелок. За ухом торчала сигарета без фильтра. Он походил на мультяшного ярмарочного зазывалу, сошедшего со страниц старых газет. Рядом на ящике из-под апельсинов стояли открытый ящик с инструментами и большой переносной радиоприемник. "Фэйсез" исполняли "Будь рядом". Мужик подтанцовывал в ритм музыке — руки в задних карманах, бедра покачиваются из стороны в сторону. Я вдруг поймал себя на абсурдной, но совершенно ясной мысли: *когда вырасту, хочу быть похожим на него.*

Он указал на пропуск.

— Тебя послал Фредди Дин, верно? Сказал, что все закрыто, но прокатиться на "Каролине" можно.

— Да, сэр.

— Поездка на колесе означает, что ты принят. Фредди редко позволяет новичку осмотреть парк с воздуха. Так ты будешь тут работать?

— Думаю, да.

Он протянул мне ладонь.

— Я — Лэйн Харди. Добро пожаловать на борт, приятель.

Мы пожали руки.

— Девин Джонс.

— Рад познакомиться.

Он поднялся по ведущему к колесу пандусу и дернул за длинный рычаг, похожий на рукоятку переключения передач в автомобиле. Колесо медленно остановилось. Одна из ярко разукрашенных кабин (на каждой красовалось изображение Гови, Пса-Симпатяги) покачивалась у посадочной площадки.

— Давай, двигай туда, Джонси. Я запущу тебя наверх — маршрут опасен, но вид прекрасен.

Я забрался в кабинку и закрыл за собой дверь. Лэйн проверил, надежно ли она заперта, опустил перекладину безопасности и вернулся к своим примитивным приборам управления.

— Готов к взлету, капитан?

— Думаю, да.

— У тебя глаза на лоб полезут, вот увидишь.

Он подмигнул и толкнул рычаг. Колесо начало вращаться, и вот уже Лэйн смотрит на меня снизу вверх. Как и пожилая дама из палатки предсказаний: вытянув шею и рукой прикрыв

глаза от солнца. Я помахал ей. Она не ответила.

И вот я уже парю над парком (лишь причудливые изгибы "Шаровой молнии" поднимались еще выше) в холодном воздухе ранней весны, а все мои проблемы, как ни странно, остались там, на земле.

Джойленд не был тематическим парком — то есть состоял из самых разных аттракционов. В нем были еще одни американские горки под названием "Мозготряс" и водный парк "Брызги и визги капитана Немо". В западной части парка находилась площадка для малышни под названием "Деревня "Туда-Сюда". Еще был концертный зал, где по большей части (и это я тоже узнал чуть позже) выступали кантри-музыканты и рокеры, чей пик славы пришелся на пятидесятые или шестидесятые. Помню, как-то раз там давали совместное выступление Джонни Отис и Биг Джо Тернер. Мне пришлось спросить Бренду Рафферти, нашего главного бухгалтера и своего рода покровительницу Голливудских Девчонок, кто они такие. Бренда посчитала меня невеждой; я посчитал ее старухой. Наверное, мы оба были правы.

Лэйн Харди поднял меня на самый верх и остановил колесо. Я сидел в раскачивающейся кабинке, вцепившись в перекладину, и смотрел на новый мир. На западе лежали равнины Северной Каролины — неправдоподобно зеленые для парня из Новой Англии, который искренне считал март грязным и холодным предвестником настоящей весны. На востоке раскинулся океан, отливающий металлической синевой и взбивающий кремовую пену на пляже, где я на протяжении нескольких следующих месяцев буду нагружать свою сердечную мышцу. Подо мной находился добродушно-суматошный Джойленд — большие аттракционы, маленькие аттракционы, концертный зал и павильоны с едой, сувенирные лавки и "Автобус Пса-Симпатяги", который доставлял посетителей к ближайшим мотелям и, конечно же, на пляж. К северу расположился Хэвенс-Бэй. Отсюда город казался нагромождением детских кубиков, из которого по четырем основным сторонам света возвышались шпили четырех церквей.

Колесо вновь пришло в движение. Я спускался, ощущая себя персонажем сказки Редьярда Киплинга на конце слоновьего хобота.

Лэйн Харди подвел кабинку к посадочной площадке, но дверь открывать не стал — в конце концов, мы были почти коллегами.

— Ну как?

— Здорово.

— Да, неплохо для стариковской карусельки, — он сдвинул котелок на затылок и бросил на меня оценивающий взгляд.

— Какого ты роста? Шесть и три? (6' 3" = 1m 90cm, прим. пер.)

— Шесть и четыре.

— Угу. Ну вот и посмотрим, как ты будешь выглядеть со своими шестью футами и четырьмя дюймами на этом колесе в середине июля, когда будешь распевать в мехах "С днем рождения тебя" какому-нибудь сопляку со сладкой ватой в одной руке и тающим мороженым в другой.

— В каких мехах?

Но Лэйн лишь вернулся к рычагу, так и не ответив на мой вопрос.

Может, он просто не услышал меня из-за радио, которое теперь выкрикивало "Крокодиловый рок". А может, хотел, чтобы роль одного из Псов-Симпатяг Джойленда стала для меня сюрпризом.

До встречи с Фредом Дином оставался еще целый час, вот я и направился по Песьей тропе к вагончику-кафешке, дела у которого шли очень даже неплохо. В Джойленде в собачьем стиле было оформлено не всё, но многое, включая и эту закусочную. Называлась она "Лайское наслаждение". Бюджет поджимал, но все-таки я мог потратить пару баксов на чили-дог и картошку фри.

Около своей палатки дорогу мне преградила мадам Фортуна. То есть, не совсем: мадам Фортуной она была с пятнадцатого мая и до Дня труда. В течение этих шестнадцати недель она надевала длинные юбки, воздушные многослойные блузки и украшенные каббалистическими знаками шали. В ее ушах красовались золотые серьги-обручи, такие тяжелые, что оттягивали мочки. Говорила она с тяжелым цыганским акцентом, словно персонаж ужастиков тридцатых годов, в которых замки обязательно окутывает туман, а вокруг воют волки.

В остальное же время эта бруклинская вдова собирала фарфоровые статуэтки и смотрела фильмы (чем слезливее — тем лучше, желательно с красиво умирающими от рака девушками). Сегодня она надела черный брючный костюм и туфли на низком каблуке. Общую строгость слегка разбавлял розовый шарфик. В образе Фортуны она щеголяла буйными седыми кудрями, но то был парик, который сейчас покоился под стеклянным колпаком в ее хэвенском доме. Свои же волосы она стригла коротко и красила в черный цвет. Любительница мелодрам из Бруклина и Фортуна-провидица сходились лишь в одном: обе воображали себя медиумами.

— Над тобой простерлась тень, молодой человек, — объявила она.

Осмотревшись, я понял, что Фортуна права: я стоял в тени "Каролинского колеса". Да и она тоже.

— Я не о том, дурачок. Я о твоём будущем. Тебя постигнет голод.

На самом деле уже постиг, но в "Лайском наслаждении" мне помогут.

— Очень интересно, миссис... м-м-м...

— Розалинда Голд, — подсказала она и протянула руку. — Но ты можешь звать меня Роззи. Все так делают. А вот в ярмарочный сезон... — она вошла в образ (то есть заговорила как Бела Лугоши, будь у того титьки). — В я-армарочный сезо-он я-а-а... Фортуна!

Мы пожали руки. Если бы наряд сегодня соответствовал образу, то на ее запястье зазвенела бы дюжина золотых браслетов.

— Рад с вами познакомиться, — сказал я и уже с акцентом добавил: — А я-а-а... Девин!

Роззи даже не улыбнулась.

— Ирландское имя?

— Точно.

— Ирландцы полны скорби, и у многих есть дар видения. Не знаю, есть ли он у тебя, но такого человека ты встретишь.

Вообще-то я был полон радости... и горел желанием затолкать себе в глотку побольше "лайской" стряпни. Вот уж приключение так приключение. Я подумал, что чистка туалетов после бурного дня и смывание блевотины с сидений "Чашек-Вертушек" слегка его омрачат. Но в тот день всё казалось безупречным.

— Входите в образ?

Она вытянулась на все свои пять футов и два дюйма.

— Не образ это, мой мальчик. Евреи — лучшие в мире медиумы. Все это знают. — И уже без акцента: — К тому же, работать в Джойленде куда лучше, чем хиромантировать на Второй авеню. В общем, скорбный или нет, ты мне нравишься. От тебя исходят хорошие флюиды.

— Одна из моих любимых песен "Бич Бойз"^[3].

— Но в будущем тебя ждет великая скорбь, — и, запнувшись, с чувством добавила:

— Может, даже опасность.

— А темноволосой красавицы вы в моем будущем не видите?

Темноволосой красавицей была Венди.

— Нет, — ответила Роззи, а следующие ее слова меня просто огорошили:

— Она в твоём прошлом.

— Л-ладно.

Я обошел Роззи и направился к "Лайскому наслаждению". При этом старался до нее не дотрагиваться. Она, конечно, шарлатанка, но все равно касаться ее в ту минуту мне очень не хотелось.

— В твоём будущем есть маленькие девочка и мальчик. У мальчика собака.

— Пес-Симпатяга — зуб даю. По кличке Гови.

Та и бровью не повела.

— У девочки на голове красная кепка, а в руках — кукла. У одного из детей дар видения. У кого — мне неизвестно.

На эту часть ее болтовни я почти не обратил внимания. Я все еще был под впечатлением предыдущей фразы, произнесенной с ровным бруклинским акцентом: она в твоём прошлом.

Как я узнал позже, мадам Фортуна во многом ошибалась, но кое в чем оказывалась права. В день моего собеседования она была в ударе.

На работу меня взяли. Мистеру Дину особенно понравилось мое удостоверение спасателя от Красного креста, которое я получил в YMCA тем летом, когда мне исполнилось шестнадцать. Я называл его "Лето Большой скуки".

В последующие годы я понял, что скука — не такая уж плохая вещь.

Я сказал мистеру Дину, когда у меня заканчивается сессия, и пообещал, что два дня спустя прибуду в Джойленд на распределение по бригадам и обучение. Мы пожали друг другу руки, и он поздравил меня с вступлением в команду. На секунду я подумал, что сейчас он предложит мне вместе с ним издать Лай Пса-Симпатяги или что-нибудь в этом роде, но он только пожелал мне всего доброго и вышел из офиса вместе со мной — маленький человечек с острым взглядом и упругой походкой.

Стоя на бетонном крылечке отдела кадров, слушая шум прибоя и вдыхая соленый морской воздух, я снова ощутил предвкушение лета и пожелал, чтобы весна поскорее закончилась.

— Вы теперь работаете в индустрии развлечений, юный мистер Джонс, — сказал мой новый босс. — Не в ярмарочном бизнесе: теперь дела ведутся иначе; но не так уж далеко мы от него ушли. Ты знаешь, что значит работать в индустрии развлечений?

— Нет, сэр, не вполне.

Глаза его были серьезны, но на губах витала тень усмешки.

— Это значит, что лохи должны уходить от нас с улыбкой на лице. Кстати, если я услышу, что ты называешь посетителей лохами, — вылетишь отсюда впереди собственного визга. Я могу так говорить, потому что работаю в этом деле с тех пор, как начал бриться. Они-то, конечно, лохи. Такие же, как деревенщины из Оклахомы и Арканзаса, которые разевали рты на всех ярмарках, где я поработал после Второй мировой. Пусть у тех, кто приезжает в Джойленд, одежда получше и водят они минибусы — "форды" да "фольксвагены", а не фармолловские пикапы, но парк превращает их в лохов с разинутыми ртами. А если нет, значит, мы плохо работаем. Но для тебя они — кроли. Если *они* услышат это слово, то подумают, что речь о королях. Но мы-то знаем правду. Они кролики, мистер Джонс, хорошенькие пухленькие кролики, любящие повеселиться, прыгающие от аттракциона к аттракциону, словно из норы в нору.

Он подмигнул и сжал мое плечо.

— Кроли должны уходить довольными, иначе это место засохнет и скукожится. Мне приходилось такое видеть, и если уж такое случается, то конец наступает очень быстро. Это парк развлечений, юный мистер Джонс, так что мы ублажаем кролей и только совсем чуть-чуть, осторожненько тянем их за уши. Другими словами, развлекаем их.

— Понял, — сказал я, хотя мне было неясно, как я должен развлекать посетителей, полируя «Дьявольские машины» (местную версию автодрома) или разъезжая на мусоросборщике по Песьей тропе после закрытия.

— И не вздумай меня подвести. Приезжай в назначенный день, за пять минут до назначенного времени.

— Хорошо.

— В шоу-бизнесе есть два важных правила, малыш: всегда помни, где твой бумажник... и *не прогуливай*.

Когда я вышел из большой арки с выключенной сейчас неоновой надписью "Добро пожаловать в Джойленд" на почти пустую парковку, Лэйн Харди стоял, прислонившись к одной из закрытых касс, и курил сигарету, которая прежде торчала у него за ухом.

— На территории теперь не курят, — сказал он. — Новое правило. Мистер Истербрук говорит, что мы первый такой парк в Америке, но не последний. Взяли тебя?

— Да.

— Поздравляю. Фредди толкал речь про ярмарочников?

— Типа того.

— Учил обхаживать кроликов?

— Ага.

— Иногда он доставучий, как черт, но он человек старой школы, повидал все на свете, а многое — дважды, и он прав. Я думаю, ты справишься. Что-то в тебе есть от ярмарочника.

Он махнул рукой в сторону парка и аттракционов, вырисовывавшихся на фоне безоблачно-синего неба: «Шаровая молния», «Мозготряс», запутанные извивы водных горок в «Брызгах и визгах» и, конечно, «Каролинское колесо».

— Кто знает, может, это твое будущее.

— Может быть, — сказал я, точно зная, какое будущее меня ждет: писать романы и рассказы того рода, какие печатают в "Нью-Йоркере". У меня все было спланировано. Конечно, женитьба на Венди Кигэн у меня тоже была спланирована, и как мы родим пару детишек после тридцати. В двадцать один год жизнь лежит перед тобой, как карта. И только годам к двадцати пяти начинаешь подозревать, что смотришь на карту вверх ногами, а к сорока окончательно в этом убеждаешься. А к шестидесяти, уж поверьте, вы узнаете, что безнадежно заблудились.

— Роззи Голд выдала тебе свою обычную порцию Фортуно-лапши?

— Э-э-э...

Лэйн усмехнулся.

— Можно было не спрашивать. Ты, главное, помни, что девяносто процентов того, что она городит, — лапша. Остальные десять... Скажем так, иногда она такое людям говорит, что буквально с ног их сбивает.

— А вы? — спросил я. — Вас она с ног не сбивала?

Он оскалится.

— В тот день, когда я позволю Роззи погадать мне по руке, я вернусь на дорогу, скитаться по балаганам. Сынок миссис Харди не связывается со спиритизмом и хрустальными шарами.

"А темноволосой красавицы вы в моем будущем не видите?", спросил тогда я. "Нет. Она в твоём прошлом".

Он внимательно смотрел на меня.

— Что с тобой? Муху проглотил?

— Ничего.

— Кончай, сынок. Чем она тебя угостила — правдой или лапшой? Натурпродукт или фальшивка? Скажи папаше правду.

— Лапшой, конечно. — Я взглянул на часы. — Мне надо уехать пятичасовым автобусом, чтобы успеть на семичасовой поезд в Бостон. Пойду, пожалуй.

— Времени еще навалом. Где ты будешь жить летом?

— Я об этом еще не думал.

— Мой тебе совет, зайди к миссис Шоплоу по дороге на автостанцию. В Хэвенс-Бэй многие сдают жилье летним рабочим, но она лучше всех. У нее перебывало много Добрых Помощников. Ее легко найти — в конце Мэйн-стрит, там, где начинается пляж. Ты увидишь вывеску над крыльцом. Ее нельзя не заметить, потому что она из ракушек, и они вечно отваливаются. ПЛЯЖНЫЙ ПАНСИОН МИССИС ШОПЛОУ. Скажи ей, что ты от меня.

— Так и сделаю. Спасибо.

— Если снимешь у нее комнату, сможешь ходить сюда пешком по пляжу и экономить на бензине. А деньги потратишь на что-нибудь поважнее — например, на то, чтобы куда-нибудь сходить в выходной. И потом, хорошо начинать день с прогулки по пляжу. Удачи. Рад буду поработать с тобой.

Он протянул мне руку. Я пожал ее и снова поблагодарил.

Раз уж он подкинул мне эту идею, я решил дойти до города по пляжу. Таким образом, мне не пришлось бы двадцать минут ждать такси, которое я, в общем-то, не мог себе позволить. Я почти дошел до ведущей к берегу деревянной лестницы, когда он меня окликнул.

— Эй, Джонси! Сказать тебе кое-что, чего не скажет Роззи?

— Конечно.

— У нас есть комната ужасов, называется «Дом страха». Старушка Роз-ола к нему и на пятьдесят ярдов не подходит. Она ненавидит выскакивающие манекены, камеру пыток и записи с воплями ужаса, но на самом деле просто боится, что там и в самом деле живет призрак.

— Да?

— Да. И не только она. С полдюжину наших ребят уверяют, что видели ее.

— Вы серьезно?

Но это был один из тех вопросов, которые задают просто от растерянности. Я видел, что серьезно.

— Я бы тебе рассказал, но перерыв кончается. Мне надо заменить шесты на "Дьявольских машинках", да еще инспекторы по технике безопасности в три часа придут проверять "Шаровую молнию". Ох, до чего ж они занудные. Спроси Шоплоу. Про Джойленд Эммалина Шоплоу знает больше меня. Можно сказать, она историк этого места. Я по сравнению с ней новичок.

— А это не розыгрыш? Типа резиновой курицы, которую швыряют всем новеньким?

— Похоже, что я шучу?

Он не шутил, но выглядел так, будто прекрасно проводит время. Даже подмигнул мне.

— В каждом уважающем себя парке развлечений должно быть привидение. Может, ты сам ее увидишь. Лохи ее не видят, это точно. А теперь беги, малыш. Застолби комнату, прежде чем вернешься в Вилмингтон. Потом сам мне спасибо скажешь.

Женщину с именем Эммалина Шоплоу легко было представить эдакой розовощекой диккенсовской хозяйшкой, грудастой и шумной. Она то и дело будет приговаривать "батюшки мои" и потчевать чаем с булочками своих чудаковатых и добродушных постояльцев. Может, она даже ущипнет меня за щеку, когда мы вместе будем жарить каштаны на огне.

Но в нашем мире ожидания оправдываются редко: открывшая мне дверь женщина оказалась высокой и плоскогрудой. Лет ей было под пятьдесят, а по бледности она могла сравниться с заиндевелым зимним окошком. В одной руке она держала старомодного вида пепельницу, в другой — сигарету. Крупные локоны мышиного цвета закрывали ей уши. Они делали ее похожей на стареющую принцессу из сказки братьев Гримм. Я объяснил, зачем пожаловал.

— Будете работать в Джойленде, а? Что ж, входите. Рекомендации у вас есть?

— Живу я в студенческой общаге, поэтому рекомендаций от хозяев у меня нет. Зато у меня есть рекомендации от моего босса по столовке, то есть, по столовой Нью-Гэмпширского университета, где я...

— Все понятно. Я, может, и темная, но не до такой степени.

Она провела меня в гостиную, обставленную разномастной мебелью и с большим телевизором на столике.

— Цветной, — указала на него миссис Шоплоу. — Постояльцам можно пользоваться гостиной и телевизором до десяти вечера по будням и до полуночи по выходным. Иногда я смотрю с молодняком какой-нибудь фильм или субботний бейсбольный матч. Заказываем пиццу или делаем попкорн. Очень недурно.

Звучало и правда весьма неплохо.

— Скажите-ка, мистер Джонс, может, вы пьющий или шумный? Я такое поведение считаю хамским, хотя многие со мной не согласятся.

— Нет, мэм. — Пил я редко, а шумел при этом еще реже. Обычно, пара банок пива вгоняли меня в сон.

— Я даже не спрашиваю, употребляете ли вы наркотики, ведь вы в любом случае ответите "нет", правда? Но, конечно, скрывать такую пакость долго не получается, и когда она себя проявляет, я говорю подобным постояльцам искать себе новое место. Даже травка запрещена, понятно?

— Да.

— На травокура вы не похожи, — вынесла она вердикт после беглого осмотра.

— Так и есть.

— Я сдаю четыре места, одно из которых уже заняла мисс Акерли, библиотекарь. Да, на каждого приходится по одной комнате, но они гораздо лучше номеров в мотеле. Для вас у меня на примете комната на втором этаже. С отдельным душем и туалетом, чем комнаты на третьем этаже похвастаться не могут. Есть еще наружная лестница, что очень удобно, если у вас есть девушка. Против подружек я ничего не имею. Есть у вас подружка, мистер Джонс?

— Да, но она этим летом работает в Бостоне.

— Что ж, может, встретите кого-нибудь тут. Знаете ведь, как поется в песне: любовь — она повсюду.

Я лишь улыбнулся. Весной 73-го я и помыслить не мог о том, чтобы любить кого-то, кроме Венди Кигэн.

— У вас, я так понимаю, будет машина. За домом есть только два парковочных места,

поэтому тут уж кто успел — тот и съел. Вы успели, и вы мне подходите. А если вдруг подходить перестанете — пойдете на все четыре стороны. Ну как, честная сделка?

— Да, мэм.

— Вот и отлично, потому что другой не будет. Аренду за первый и последний месяц заплатите вперед. Плюс залог на случай порчи имущества.

Сумму она назвала справедливую, но даже такая обратит в руины мой счет в "Нью-Гэмпширском Трастовом".

— Чек примете?

— А он не вернется?

— Нет, мэм, вряд ли.

Миссис Шоплоу откинула голову и расхохоталась.

— Тогда приму, если, конечно, вам понравится комната. — Она затушила сигарету и встала. — Кстати, наверху курить нельзя из-за страховки. Да и здесь тоже, когда постояльцы дома. Из вежливости, так сказать. Вы уже знаете, что старик Истербрук запретил курить внутри парка?

— Слышал. Наверное, отпугнет клиентов.

— Поначалу, возможно. А потом привлечет. Я бы не ставила против Брэда. Он мужик головастый, дважды ярмарочник.

Я хотел спросить, что это значит, но не успел.

— Пойдем посмотреть комнату? — спросила она.

Едва увидев комнату, я понял, что она мне подходит. Большая кровать, окно с видом на океан — что может быть лучше? Ванная, правда, была такой малюсенькой, что когда я сяду на толчок, мои ноги окажутся в душевой кабинке. Но студентам, у которых в денежном буфете одни лишь крошки, не пристало капризничать. Все, конечно же, решил вид из окна. Вряд ли хозяева летних домов на пляже могли похвастаться лучшим. В моих грезах я уже привел сюда Венди. Мы наслаждаемся видом, а потом... в большой кровати, под шорох волн за окном...

Свершится "это".

— Беру, — сказал я и покраснел. Я ведь имел в виду не только комнату.

— Вижу. У вас все на лице написано. — Миссис Шоплоу словно бы знала, о чем я думал, а, может, и правда знала. Она широко улыбнулась и снова напомнила мне о героинях Диккенса, несмотря на плоскую грудь и бледную кожу. — У вас будет собственное гнездышко. Не Версальский дворец, конечно, зато свое. Уж точно лучше, чем комната в общежитии, пусть и на одного?

— Да, — ответил я. Думал я сейчас о том, как буду уламывать отца положить пятьсот баксов на мой банковский счет, чтобы удержаться на плаву до первой зарплаты. Поворчит, конечно, но согласится. Просто я надеялся, что не придется разыгрывать карту Умершей Матери. Умерла она четыре года назад, но отец по-прежнему носил в бумажнике полдюжины ее фотографий, так и не сняв обручального кольца.

— Работа и гнездышко, — как-то мечтательно произнесла миссис Шоплоу. — Это же прекрасно, Девин. Можно вас так называть?

— Можно Девом и на "ты".

— Ладно. — Миссис Шоплоу окинула взглядом комнатку с ее наклонным потолком (она находилась прямо под свесом крыши) и вздохнула. — Возбуждение длится недолго, но чувствовать его приятно. Ощущение свободы. Думаю, тебе тут понравится. Есть в тебе что-то от ярмарочника.

— Мне уже сегодня это говорили. — Тут я вспомнил о разговоре с Лэйном Харди на стоянке. — Даже дважды.

— Готова спорить, я знаю, кто эти двое. Показать что-нибудь еще? Ванная крохотная, но лучше так, чем сидеть на унитазе в общажном туалете и слушать, как мальчишки у раковин пукают и брешут о девчонках, с которыми они обжимались прошлой ночью.

Я расхохотался, а Эммалина Шоплоу меня поддержала.

Мы спустились по наружной лестнице.

— Как там Лэйн Харди? — спросила она внизу. — Все в той же дурацкой шапочке?

— По-моему, это котелок.

Она пожала плечами.

— Котелок, шапочка... Какая разница?

— С ним все в порядке. Но он кое-что мне рассказал...

Она смотрела на меня, склонив голову, почти с улыбкой. Но только почти.

— Он сказал, что в джойлендской комнате страха — в «Доме страха», так он ее называл, — есть привидение. Я спросил, не разыгрывает ли он меня, и он сказал, что нет. Говорит, что вы в курсе.

— Так и сказал?

— Да. Он говорит, что про Джойленд вы знаете побольше, чем он.

— Ну что ж, — сказала она, вытаскивая из кармана брюк пачку "винстона". — Я и правда знаю немало. Мой муж был там главным инженером, пока не умер от инфаркта. Когда выяснилось, что страховка у него была паршивая, и к тому же он назанимал под нее выше крыши, то я начала сдавать два верхних этажа. А что мне еще оставалось? У нас всего одна дочь, и сейчас она в Нью-Йорке, работает в рекламном агентстве.

Она закурила, вдохнула дым и выдохнула со смешком.

— Заодно она работает над тем, чтобы избавиться от южного акцента, но то другая история. Этот дом-переросток был любимой игрушкой Хови, и я никогда его за это не попрекала. По крайней мере, за него все выплачено. И мне нравится поддерживать связь с парком. Чувствую, что через него я поддерживаю связь с мужем. Ты понимаешь, о чем я?

— Конечно.

Она задумчиво посмотрела на меня сквозь завесу табачного дыма, улыбнулась и покачала головой.

— Да нет. Ты просто вежливый мальчик, но слишком молод, чтобы понять.

— Я потерял маму четыре года назад. Отец до сих пор о ней горюет. Он говорит, что не зря слова "жена" и "жизнь" начинаются с одной буквы. У меня, по крайней мере, есть учеба и моя девушка. А папа слоняется по дому к северу от Киттери, который для него одного слишком велик. Он знает, что надо его продать и купить другой, поменьше и поближе к его работе — мы оба это знаем, — но остается там. Так что я знаю, о чем вы говорите.

— Мои соболезнования, — сказала миссис Шоплоу. — Когда-нибудь я споткнусь о свой длинный язык. Твой автобус, он ведь в пять-десять уходит?

— Да.

— Тогда пойдем на кухню. Я сделаю тебе сэндвич с плавленым сыром и разогрею в микроволновке томатный суп. Времени у тебя хватит. А пока будешь есть, я расскажу тебе о джойлендском призраке, если хочешь.

— О настоящем призраке?

— Я никогда не была в той чертовой комнате страха, так что не знаю. Зато настоящее убийство я гарантировать могу.

Суп оказался обычным баночным "кэмпбеллом", зато плавленый сыр — моим любимым божественным "Мюнстером". Миссис Шоплоу заставила меня выпить стакан молока — растущему организму надо хорошо питаться, сказала она. Усевшись напротив меня с тарелкой супа, но без сэндвича ("Мне надо следить за девичьей фигурой!"), хозяйка пансиона рассказала мне всю историю. Кое-что она узнала из газет и теленовостей. Но самые вкусные кусочки были добыты через связи в Джойленде, которых у нее хватало.

— Это случилось четыре года назад — примерно тогда же, когда умерла твоя мать, как я понимаю. Знаешь, что первым приходит мне в голову, когда я об этом думаю? Его рубашка. И перчатки. От мысли о них у меня мурашки по коже. Потому что это означает, что он все спланировал заранее.

— Вы, похоже, начали с середины, — сказал я.

Миссис Шоплоу рассмеялась.

— Похоже, что да. Твое предполагаемое привидение звали Линда Грей, и она была из Флоренса. Это в Южной Каролине. Она со своим парнем — если, конечно, он был ее парнем; копы изучили ее прошлое вдоль и поперек и не нашли никаких его следов, — провела свою последнюю ночь в гостинице "Луна-Инн", в полумиле к югу отсюда по побережью. Они вошли в ворота Джойленда около одиннадцати утра на следующий день. Он купил дневные пропуска за наличные. Они прокатились на нескольких аттракционах, пообедали в "Лобстере", ресторане морских блюд возле концертного зала. Где-то после часа дня. Ты, наверное, знаешь, как устанавливают время смерти... По содержимому желудка и так далее.

— Угу.

Я уже покончил с бутербродом и сосредоточился на супе. Рассказ миссис Шоплоу нисколько не умерил мой аппетит. Не забывайте: мне был двадцать один год, и я пребывал в уверенности, что никогда не умру, хотя вряд ли бы в этом признался. Даже смерть матери не поколебала этой убежденности.

— Он покормил ее, потом повел на "Каролинское колесо" — спокойный аттракцион, не вредящий пищеварению, — а потом в "Дом страха". Вошли они туда вдвоем, а вышел он один. Примерно в середине поездки, длиной около девяти минут, он перерезал ей глотку и сбросил под монорельс, по которому ездят вагончики. Выбросил, как мусор. Он, наверное, знал, что крови будет много, потому что надел две рубашки и желтые рабочие перчатки. Верхнюю рубашку — ту, которая впитала большую часть крови — нашли через сто ярдов от тела. Перчатки — еще дальше.

Я словно увидел все это: сначала тело, еще теплое и пульсирующее, потом рубашка, потом перчатки. Убийца тем временем спокойно сидит в вагончике и завершает поездку. Миссис Шоплоу была права: настоящая жуть.

— Когда поездка закончилась, этот щукин сын как ни в чем не бывало вылез из вагончика и ушел. Он вытер вагончик изнутри — рубашка была вся пропитана кровью, но кое-что осталось. Один из Помощников заметил кровь на сиденье перед следующим кругом и вытер. Он не придал этому значения. Следы крови в парке развлечений — обычное дело; чаще всего это какой-нибудь ребенок перевозбудился и у него пошла носом кровь. Скоро сам убедишься. Только не забывай надевать перчатки, когда будешь ее убирать: мало ли чем можно заразиться. Перчатки есть в пунктах первой помощи, которые разбросаны по всему парку.

— Никто не заметил, что он вышел из вагончика без своей девушки?

— Нет. Была середина июля, разгар сезона, и в парке был настоящий сумасшедший дом.

Тело нашли только в час ночи, когда парк давно закрылся, и в "Доме страха" включили свет. Для ночной смены. У тебя будет шанс в ней побывать: все Добрые Помощники одну неделю в месяц отрабатывают в команде уборщиков; и советую выспаться заранее, потому что эти ночные смены — сущий кошмар.

— Люди ездили мимо нее до закрытия парка и ничего не заметили?

— Если и заметили, то приняли за часть аттракциона. Но скорее всего ее никто не видел. Не забывай, "Дом страха" — темный аттракцион. Единственный в Джойленде, кстати сказать. В других парках их больше.

Темный аттракцион. Звучало это жутковато, но недостаточно жутко, чтобы помешать мне доесть суп.

— А как насчет его словесного портрета? Может, от тех, кто его обслуживал в ресторане?

— У полиции было кое-что получше: фотографии. И уж они позаботились, чтобы снимки появились на телевидении и в газетах.

— Откуда они взялись?

— Голливудские Девушки, — объяснила миссис Шоплоу. — В пик сезона в парке их обычно работает с полдесятка. В Джойленде никогда не было ничего похожего на "массажный салон", но старик Истербрук не зря столько лет работал на ярмарках. Он знает, что публика любит, чтобы к каруселям и корн-догам прилагалось немножко сексапила. В каждой бригаде Помощников есть Голливудская Девушка. У вас она тоже будет, и вы с ребятами должны будете за ней присматривать, как старшие братья, на случай, если кто-нибудь начнет к ней приставать. Они бегают по парку в коротеньких зеленых платьях, зеленых туфлях на высоком каблуке и хорошеньких шапочках, которые мне всегда напоминали Робина Гуда и его Веселых Парней. Только они — Веселые Девицы. Носят с собой камеры "Спид График" — как в старых фильмах — и фотографируют лохов. — Она запнулась. — Хотя лично я тебе не советую так называть посетителей.

— Мистер Дин меня уже предупредил, — сказал я.

— Еще бы. Так вот, Голливудским Девушкам говорят, чтобы они выбирали семьи или парочки, которым больше двадцати одного года. Тех, кто помладше, обычно не интересуют фото на память; они предпочитают тратить деньги на еду и игровые автоматы. Девушки сначала фотографируют, а потом подходят к посетителю. — Она заговорила с придыханием, в духе Мэрилин Монро, — "Здравствуйте, добро пожаловать в Джойленд, меня зовут Карен. Если хотите получить свою фотографию, которую я только что сделала, продиктуйте мне ваше имя и подойдите к "Голливудской фотостудии" на Песьей тропе, когда будете уходить из парка". Примерно так. Одна из них сняла Линду Грей и ее парня в тире Энни Оукли, но когда подошла к ним, парень ее послал. Довольно грубо. Позже она сказала копам, что у него был такой вид, будто он вырвал бы у нее камеру и разбил, если бы думал, что ему это сойдет с рук. И добавила, что от его взгляда у нее побежали мурашки по коже. Тяжелый взгляд серых глаз — так она сказала.

Миссис Шоплоу улыбнулась и пожала плечами.

— Только вот оказалось, что он был в темных очках. Знаешь, некоторые девушки любят все драматизировать.

Да, это я знал. Подруга Венди, Рене, способна была обычный визит к зубному превратить в сценарий фильма ужасов.

— То был самый четкий снимок, но не единственный. Копы просмотрели все фотографии Голливудских Девушек за тот день и обнаружили Грей с ее другом на заднем плане еще, по крайней мере, на четырех из них. На лучшей из них они стоят в очереди на "Чашки-

вертушки", и он положил руку ей на задницу. Довольно фамильярный жест для парня, которого никогда не видели ее друзья и родные.

— Жаль, что там нет видеокамер наблюдения, — сказал я. — Моя подруга устроилась на лето работать в бостонском "Филене", и она говорит, что там есть несколько штук, и они собираются поставить еще. Борются с воровством.

— Настанет время, когда они будут везде, — сказала она. — Как в той фантастической книжке про полицию мыслей. И не могу сказать, что жду — не дождусь того времени. Но на таких аттракционах, как "Дом страха", их не поставят никогда. Даже инфракрасных, которые видят в темноте.

— Нет?

— Нет. В Джойленде нет "Туннеля любви", но "Дом Страх" — это, безусловно, "Туннель обжиманий". Муж мне как-то сказал, что если вечерняя смена уборщиков не находит возле рельсов по крайней мере три пары трусиков — считай, день прошел зря. Но все же один хороший снимок того парня есть. В тире. Он стоит бок о бок с ней и показывает, как держать винтовку, как обычно делают мужчины. Это фото, наверное, видел каждый житель обеих Каролин. Она улыбается, зато он абсолютно серьезен.

— И все это время у него в карманах лежали перчатки и нож, — сказал я, ошеломленный этой мыслью.

— Бритва.

— Что?

— Он воспользовался опасной бритвой или чем-то в этом роде; так сказал судебный эксперт. Так вот, у них было несколько фото, включая одно очень хорошее, и знаешь что? Ни на одном нельзя было разглядеть его лица.

— Из-за темных очков.

— Не только. Подбородок его закрывала эспаньолка, а бейсболка с длинным козырьком затеняла ту часть лица, которую еще было видно из-под очков и бороды. Это мог быть кто угодно. Хотя бы и ты, будь ты блондином, а не брюнетом, и имей на руке татуировку в виде птичьей головы. У того парня она была. Орел или, может быть, ястреб. На фото в тире она вышла очень четко. В газетах пять дней подряд печатали увеличенное изображение татуировки в надежде, что ее кто-нибудь опознает. Но этого не случилось.

— И никаких улик в гостинице, где они ночевали?

— Нет. Он зарегистрировался по правам, выданным в Южной Каролине, но они оказались украденными за год до того. А ее вообще никто не видел: наверно, ждала в машине. Ее не могли опознать почти целую неделю, но полиция опубликовала ее портрет. На нем она выглядела так, будто просто спит, а не лежит мертвая с перерезанной глоткой. Кто-то увидел портрет и узнал Линду — кажется, подружка по медучилищу. Она сообщила ее родителям. Представляю, что они чувствовали, когда ехали сюда в своей машине, надеясь против всякой вероятности, что в морге обнаружат любимое дитя каких-то других людей, а не свое.

Она медленно покачала головой.

— Иметь детей — это такой риск, Дев. Тебе это не приходило в голову?

— Ну, наверное...

— Значит, не приходило. А я... Если бы я увидела под откинутым углом простыни лицо своей дочери, то сошла бы с ума.

— Но вы ведь не думаете, что привидение Линды Грей и правда живет в комнате ужасов?

— Не знаю, потому что у меня нет определенного мнения по поводу загробной жизни. Я считаю, что все увижу, когда сама туда попаду, и мне этого достаточно. Я знаю только, что многие работники Джойленда уверяют, что видели, как она стоит у рельсов в той одежде, в

которой ее нашли: синяя юбка и синяя блузка без рукавов. Никто из них не мог увидеть на фотографиях, какого они цвета, потому что "спид-графики" Голливудских Девушек снимают только на черно-белую пленку. Наверно, ее проще и дешевле проявлять.

— Может, про цвет одежды упоминали в газетах.

Она пожала плечами.

— Может быть. Но несколько человек упоминали еще, что в волосах девушки, стоявшей возле рельсов, была синяя лента, а об этом точно нигде не писали. Полиция скрывала эту информацию почти год, надеясь использовать, когда появится подозреваемый.

— Лэйн сказал, что лохи никогда ее не видят.

— Да, она появляется только после закрытия. В основном ее видят Помощники из ночной смены, но я знаю как минимум одного инспектора из Роли, который тоже уверяет, что она ему явилась. Мы с ним выпили по рюмочке в "Песчаном долларе". Он сказал, что она просто стояла там, когда он ехал мимо. Он думал, что это новый манекен, пока она не протянула к нему руки — вот так.

Миссис Шоплоу вытянула руки ладонями вверх, словно умоляя о чем то.

— Он сказал, что при этом вокруг словно похолодало на несколько градусов. "Карман холода", так он это назвал. А когда он оглянулся, ее уже не было.

Я вспомнил Лэйна — в тесных джинсах, обшарпанных ботинках, в лихом котелке набекрень. "Правда или лапша? — спросил он. — Натурпродукт или фальшивка?"

Я думал, что призрак Линды Грей — почти наверняка лапша, но надеялся, что это не так. И что я ее увижу. Здорово было бы рассказать об этом Венди, а в те дни все мои мысли вели к ней. Если я куплю эту рубашку, понравится ли она Венди? Если я напишу рассказ о девушке и ее первом поцелуе на прогулке верхом, оценит ли его Венди? Если я увижу привидение убитой девушки, будет ли Венди потрясена? Может быть, даже захочет приехать, чтобы увидеть ее своими глазами?

— Где-то через полгода после убийства в чарльстонской газете "Ньюс энд курьер" вышла статья в продолжение темы, — сказала миссис Шоплоу. — Оказывается, начиная с 1961 года, было четыре аналогичных убийства в Джорджии и обеих Каролинах. Все жертвы — молодые девушки. Одну закололи, трем перерезали горло. Репортер нашел по крайней мере одного копа, который сказал, что всех их мог убить тот же парень, что и Линду Грей.

— Берегитесь "Убийцы из "Дома страха"! — возвестил я голосом телевизионного диктора.

— Так его и называли в газетах. Похоже, ты и правда был голодный. Все подмел, только тарелку оставил. А теперь выпиши мне чек и вперед, на автостанцию, а то как бы не пришлось ночевать у меня на диване.

Диван на вид был довольно удобный, но я спешил обратно, на север. Оставалось еще два дня каникул, а потом я вернусь в колледж в обнимку с Венди Кигэн.

Я вытащил чековую книжку, нацарапал в ней все, что нужно, и обеспечил себе однокомнатные апартаменты с видом на океан, которым Венди Кигэн, моя подруга, так и не полюбовалась. В этой комнате я сидел ночами и, убавив громкость, слушал записи Джимми Хендрикса и "Дорз", иногда подумывая о самоубийстве. Это была скорее хандра второкурсника, чем серьезные мысли; просто фантазии молодого человека с разбитым сердцем, наделенного излишком воображения... или это сейчас, столько лет спустя, мне просто хочется так думать. Кто знает?

Когда речь о нашем прошлом, мы все становимся беллетристами.

Я попытался дозвониться до Венди на автобусной станции, но ее мачеха сказала, что она куда-то ушла с Рене. В Вилмингтоне попробовал еще раз, но Венди до сих пор не вернулась. Я спросил Надин — мачеху — знает ли она, куда ушли девушки.

Надин ответила, что не знает, да таким тоном, будто собеседника скучнее ей сегодня не попадалось. Может, и за весь год. Или за всю жизнь. С отцом Венди я ладил неплохо, а вот Надин Кигэн в ряды моих фанатов так и не вступила.

И наконец — уже в Бостоне — я дозвонился. Венди казалась сонной, хотя часы показывали лишь одиннадцать вечера, самый что ни на есть час пик для студентов на каникулах. Я сказал, что работу получил.

— Ура-ура, — ответила она. — Ты уже домой едешь?

— Да, вот только заберу машину. — Если у той не спустило колесо.

В те дни я ездил на полустертых покрышках, и каждую минуту любая из них рисковала отдать концы. А как же запаска, спросите вы? Три ха-ха, сеньор.

— По дороге домой я могу заночевать в Портсмуте, а завтра подъехать к тебе, если...

— Плохая идея. У меня Рене, а ты ведь знаешь, что для Надин один гость — уже много.

Смотря какой. Я вспомнил, с каким ажиотажем Надин и Рене обсуждали за бесконечными чашками кофе своих любимых кинозвезд. Прямо как лучшие подружки. Но вряд ли стоило высказывать все это сейчас.

— Я бы с удовольствием с тобой поболтала, Дев, но я уже ложусь. У нас с Рене был бурный день. Набегались по магазинам и... всё такое.

Точнее она не выразилась, а спрашивать мне почему-то не захотелось. Еще один тревожный звоночек.

— Я люблю тебя, Венди.

— А я тебя, — прозвучало не пылко, а скорее небрежно.

Она просто устала, сказал я себе.

Я вырулил из Бостона и поехал на север. На душе скребли кошки.

Может, мне не понравился ее тон? Безразличие? Я не знал, да и вряд ли хотел знать. Но я раздумывал. Даже теперь, после стольких лет, я все еще над этим раздумываю.

Сегодня она уже мало что значит для меня. О ней напоминает лишь шрам на сердце, какие иногда оставляют девушки у юношей. Девушка из другой жизни. И все равно я не могу не раздумывать над тем, где она была в тот день. И обо "всём таком".

И правда ли она провела тот день с Рене Сент-Клер.

Самую жуткую строчку в поп-музыке можно выбирать до посинения. По мне так это ранние "Битлз" — а именно Джон Леннон — поющий "пусть лучше ты умрешь, девчонка, чем уйдешь с другим". Я мог бы вам сказать, что после разрыва с Венди ни о чем таком не думал, но врать не буду. Думал ли я о ней со злобой хотя бы изредка после нашего разрыва? Да. Долгими бессонными ночами я представлял себе, как с ней приключается что-то плохое — даже очень плохое — за ту боль, которую она мне причинила. Да, я сам себе ужасался, но поделаться ничем не мог. А потом я думал о мужчине в двух рубашках, который вошел в "Дом страха" в обнимку с Линдой Грей. О мужчине с птицей на руке и опасной бритвой в кармане.

Весной 1973 года — последней весной моего детства, как я теперь понимаю — мне представлялось, что Венди Кигэн в будущем станет Венди Джонс... или Венди Кигэн-Джонс, если согласно модному веянию она пожелала бы сохранить девичью фамилию после замужества. Я рисовал себе дом на берегу озера где-нибудь в Мэне или Нью-Гэмпшире (или, может быть, в западном Массачусетсе), полный гомона маленьких кигэн-джонсиков. Дом, где я бы писал книги — пусть и не бестселлеры, но достаточно популярные, чтобы обеспечить нам безбедное существование, и благосклонно (что немаловажно) принятые критикой.

Венди осуществила бы свою мечту и открыла небольшой модный бутик (и он бы тоже снискал успех у критиков). Время от времени я бы вел семинары по писательскому мастерству, за право участвовать в которых дрались бы между собой самые одаренные студенты. Разумеется, ничего этого не произошло, и то, что последний раз в качестве пары мы встретились в кабинете профессора Джорджа Нако — человека, который никогда не существовал — стало весьма символичным.

Осенью 1968 года студенты, вернувшиеся в университет Нью-Гэмпшира после каникул, обнаружили этот "кабинет" в подвале здания Гамильтона-Смита, прямо под лестницей. Он был увешан фальшивыми дипломами и причудливыми акварелями с пометками "Албанская живопись", а на плане аудитории обнаружились места Элизабет Тейлор, Роберта Циммермана и Линдона Джонсона. Еще там были рефераты вымышленных студентов (один, как я помню, назывался "Секс-звезды Востока"; другой — "Ранняя поэзия Ктулху: анализ") и три напольных пепельницы. На изнанке лестницы висела табличка: "У профессора Нако курительный фонарь не гаснет никогда!" (курительный фонарь — специальная лампа на морских судах, зажигавшаяся в часы, отведенные для курения — прим. пер.) Кроме того, в "кабинете" стояли несколько обшарпанных кресел и выдавший виды диван — самое то для студентов в поисках укромного местечка для обжиманий.

Среда перед моим последним экзаменом выдалась не по сезону жаркой и влажной. Около часа пополудни стали собираться первые тучи, а к четырем, когда мы с Венди условились встретиться в подпольном "кабинете" Джорджа Нако, небеса разверзлись, и полил дождь. Я пришел первым. Венди появилась пять минут спустя, промокшая до нитки, но в отличном настроении.

Капли дождя сверкали в ее волосах. Она бросилась ко мне и, смеясь, обвила руками. Грянул гром, лампочки в подвале коротко мигнули.

— Обними меня, обними меня скорее! — сказала она. — Дождь такой холодный.

Я согрел ее, и она согрела меня. Довольно скоро мы уже лежали на старом диване — левой рукой я ласкал ее грудь (бюстгальтера на Венди не было), а правой забрался под юбку и исследовал нижнее белье. Так продолжалось минуту или две, после чего она отстранилась, села и поправила прическу.

— Хватит, — строго сказала Венди. — Вдруг зайдет профессор Нако?

— Это вряд ли, тебе не кажется?

Я улыбался, но ниже пояса ощущал знакомую пульсацию. Иногда Венди помогала ее снять (она вообще довольно быстро стала специалистом в том, что мы называли "джинсовкой"), но я подумал, что сегодня "джинсовки" мне не светит.

— Ну, тогда один из его студентов с "хвостами", — предположила она. — "Пожалуйста, профессор Нако, пожалуйста-пожалуйста, я сделаю все, что скажете".

Тоже вряд ли, но Венди была права: нам действительно могли помешать. Студенты

постоянно наведывались сюда, желая добавить новый реферат или очередной образец албанского искусства. Диван к обжиманиям располагал, а вот сам "кабинет" — уже не очень, особенно с тех пор как этот укромный уголок стал настоящим объектом паломничества студентов.

— Как твой экзамен по социологии? — спросил я.

— Сомневаюсь, что сдала на пятерку, но точно сдала, и это меня устраивает. Особенно учитывая, что этот экзамен был последним.

Она потянулась, коснувшись пальцами лестницы над нами, при этом грудь ее изящно приподнялась.

— Меня здесь не будет... — она бросила взгляд на часы, — ровно через один час и десять минут.

— Едешь с Рене? — я не испытывал особой симпатии к соседке Венди, но знал, что лучше этого не говорить. Как-то раз я сказал, и мы поругались: Венди обвинила меня в том, что я пытаюсь управлять ее жизнью.

— Так точно, сэр. Она подбросит меня до дома отца и мачехи. А через неделю мы обе станем официальными сотрудницами "Филена"!

Прозвучало так, точно они получили работу в Белом доме, но и на этот раз я предпочел держать язык за зубами. Меня беспокоило другое.

— Но в субботу ты же приедешь в Бервик, так?

План был прост: утром Венди приезжает, мы вместе проводим день, и она остается на ночь. Она, конечно, остановится в комнате для гостей, но ведь это всего лишь в дюжине шагов по коридору. А если вспомнить, что мы, вероятно, не увидимся до осени, то вероятность "этого" повышалась в разы. Да, дети верят в Санта-Клауса, а первогодки нашего университета иногда на протяжении целого семестра пребывали в уверенности, что профессор Нако действительно преподает английский язык.

— Само собой, — она осмотрелась, никого не увидела и положила руку мне на бедро. Рука заскользила вверх, добралась до молнии на джинсах и нежно сжала то, что находилось под ней. — Иди-ка сюда.

Так что, в конце концов, свою "джинсовку" я получил. Медленная и ритмичная, она стала вершиной исполнительского мастерства Венди. Раздался очередной раскат грома, и вот уже шелест проливного дождя сменился барабанной дробью града. Рука Венди сжалась, продлевая и усиливая мой оргазм.

— Прогуляйся под дождем, прежде чем вернешься в общагу, а то все узнают, чем мы тут занимались, — она поднялась. — Дев, мне пора. Мне еще надо сумки собрать.

— Ну, тогда до субботы. На ужин отец готовит свою фирменную курицу.

И она снова ответила "само собой". Как и поцелуй на цыпочках, это было фирменной чертой Венди Кигэн. Да вот только вечером в пятницу она позвонила мне сказать, что у Рене изменились планы, и они уезжают в Бостон на два дня раньше.

— Прости, Дев, но она — мой водитель.

— Всегда можно поехать на автобусе, — сказал я, прекрасно понимая, что это ничего не изменит.

— Милый, я ей пообещала. Отец Рене достал нам билеты на мюзикл "Пиппин". Такой вот сюрприз.

Она запнулась.

— Порадуйся за меня. У тебя впереди Северная Каролина, и я за тебя рада.

— Порадоваться, — сказал я. — Понял, будет сделано.

— Уже лучше, — она понизила голос и заговорщицки добавила: — В следующий раз,

когда мы встретимся, я сделаю тебе подарок. Обещаю.

Обещания своего она не исполнила, но и нарушать его ей не пришлось. После той встречи в "кабинете" профессора Нако Венди Кигэн я больше не увидел. Не было даже прощального звонка со слезами и обвинениями — так посоветовал Том Кеннеди (о нем чуть позже), и, вероятно, это было хорошей идеей. Венди, наверное, ожидала такого звонка — может, даже хотела, чтобы я позвонил. Если так, то ее ждало разочарование.

По крайней мере, мне бы этого хотелось. Даже сейчас, спустя многие годы, когда все эти сердечные метания остались в далеком прошлом, я надеюсь, что так и было.

Любовь оставляет шрамы.

Никаких обласканных критикой полубестселлеров я так и не написал, но, тем не менее, писательство приносит мне вполне приличный доход, за что я бесконечно благодарен судьбе. Тысячам других писателей повезло гораздо меньше. Медленно, но верно я поднимался по карьерной лестнице до моей нынешней должности в журнале "Коммерческий рейс", о котором вы наверняка и слыхом не слыхивали.

Спустя год после моего назначения главным редактором, я снова оказался в Нью-Гэмпширском университете: там проходил двухдневный симпозиум на тему перспектив отраслевых журналов в двадцать первом веке. На второй день, во время перерыва, мне вздумалось пойти в здание Гамильтона-Смита, спуститься в подвальный этаж и заглянуть под лестницу. Никаких шуточных сочинений, планов рассадки со знаменитостями и произведений "албанского" искусства там не оказалось. Стулья, диван и напольные пепельницы тоже исчезли. Но кто-то все же помнил: на изнанке лестницы — на месте вывески о курительном фонаре — приклеили листок бумаги. На листке напечатали всего одну строчку, да таким мелким шрифтом, что мне пришлось встать на цыпочки и чуть ли не прижаться к нему носом, чтобы хоть что-нибудь разглядеть: "Профессор Нако теперь преподает в Хогвартской Школе Чародейства и Волшебства".

А почему бы и нет?

Почему бы и нет, мать вашу?

А что стало с Венди, спросите вы? Тут я знаю не больше вашего. Я мог бы спросить у гугла, этого всевидящего ока двадцать первого века, где она теперь, и исполнилась ли ее мечта о маленьком эксклюзивном бутике, но зачем?

Что было, то прошло. А после моей недолгой работы в Джойленде (который, не будем забывать, находился недалеко от городка Хэвенс-Бэй), мое разбитое сердце волновало меня гораздо меньше. Во многом благодаря Майку и Энни Росс.

В итоге мы с папой съели его знаменитую курицу вдвоем, что, скорее всего, не сильно огорчило Тимоти Джонса; хотя он и старался скрыть это из уважения ко мне, я знал, что он относится к Венди примерно так же, как я к ее подруге Рене. В то время я считал, что это потому, что он немного ревнует к той роли, которую Венди играла в моей жизни.

Теперь я думаю, что он видел ее более ясно, чем я. Но точно не знаю — мы с ним никогда этого не обсуждали. Я вообще не уверен, что мужчины умеют нормально обсуждать женщин.

Доев и помыв посуду, мы уселись на диван с пивом и попкорном смотреть фильм с Джином Хэкменом в роли крутого копа — ножного фетишиста. Я скучал по Венди, которая сейчас, наверное, слушала, как Пиппин и компания расппевают "Поделись лучиком солнца", — но в компании двух мужчин есть свои преимущества. Например, можно рыгать и пердеть без всякого стеснения.

На следующий день — мой последний день дома — мы пошли гулять вдоль заброшенных железнодорожных путей в леске за домом, где я вырос. Мама строго-настрога запрещала мне ходить с друзьями к этим путям. Последний грузовой поезд прошел по ним лет за десять до того, и между ржавых рельсов росли сорняки, но маму это не убеждало. Она была уверена, что если мы будем там играть, то самый последний поезд (назовем его "Экспресс — Пожиратель детей") стрелой пронесется по рельсам, превращая нас в кашу. Да вот только это как раз ее сшиб поезд, следующий не по расписанию — рак груди с метастазами в сорок семь лет. Такой вот блядский экспресс.

— Этим летом мне будет тебя не хватать, — сказал отец.

— Да и мне тебя.

— О! Пока не забыл.

Он полез в нагрудный карман и вытащил чек.

— Первым делом открой счет и переведи на него деньги. Попроси их ускорить, если можно, проверку чека.

Я взглянул на сумму. Не пятьсот долларов, о которых я просил, а вся тысяча.

— Пап, а ты точно можешь себе это позволить?

— Да. В основном потому, что ты работал в своей столовой, и мне не пришлось тебе помогать. Считай, что это премия.

Я поцеловал его в щеку. Колбочую — этим утром он не брился.

— Спасибо.

— Большое-пребольшое пожалуйста.

Он вытащил носовой платок и вытер глаза — спокойно, без смущения.

— Извини, что открыл кран. Трудно, когда дети уезжают. Когда-нибудь ты и сам это поймешь, но надеюсь, что рядом с тобой будет хорошая женщина, которая составит тебе компанию после их отъезда.

Я вспомнил слова миссис Шоплоу: "Дети — это такой риск".

— Пап, с тобой точно все будет в порядке?

Он засунул платок обратно в карман и улыбнулся мне — искренней, не вымученной улыбкой.

— Позванивай время от времени, и все будет в порядке. Ну и смотри, чтобы тебя не заставили лазать по их чертовым американским горкам.

Вообще-то это было бы интересно, но я пообещал ему, что до такого не дойдет.

— И...

Но я так и не узнал, что должно было последовать за этим — совет или предостережение. Он указал на что-то рукой.

— Ты только взгляни!

В пятидесяти ярдах от нас из лесу вышла лань.

Она изящно ступила на ржавые рельсы и встала между ними, туда, где высоченная трава и золотарник доставали до ее боков. Она замерла, спокойно глядя на нас, насторожив уши. Чем мне запомнился этот миг — так это тишиной. Ни одна птица не пела, ни один самолет не жужжал в небе. Если бы мама была с нами, ее камера точно была бы при ней, и она бы щелкала ей как сумасшедшая. Эта мысль вызвала у меня такую тоску по ней, какой я не чувствовал многие годы.

Я коротко, с силой обнял отца.

— Я люблю тебя, папа.

— Знаю, сказал он. — Знаю.

Когда я оглянулся, олениха уже исчезла. А на следующий день уехал и я.

Когда я вернулся к большому серому дому на окраине Мэйн-стрит в Хэвенс-Бэй, вывески из ракушек уже не было — свободные места у миссис Шоплоу закончились. Я еще раз мысленно поблагодарил Лэйна Харди за совет: в городе высадился летний десант, и все пансионеры городка оказались забиты под завязку.

Моей соседкой по второму этажу стала библиотекарь по имени Тина Акерли.

На третьем этаже поселились стройная рыжеволосая студентка факультета искусств Эрин Кук и коренастый студент Том Кеннеди. Эрин, занимавшаяся фотографией и в средней школе, и в Барде, стала одной из Голливудских Девушек. Что же касается Тома и меня...

— Добрый Помощник, — сказал он. — Разнорабочий, короче говоря. Вот что Фред Дин написал на моем заявлении. А ты?

— То же самое, — ответил я. — Думаю, мы будем кем-то вроде уборщиков.

— Сомневаюсь.

— Да? Почему?

— Мы же белые, — ответил он, и, хотя иногда мы и занимались уборкой, в целом, как выяснилось, он был прав.

Настоящие уборщики — двадцать мужчин и более тридцати женщин, одетых в комбинезоны с вышитым на нагрудных карманах Псом-Симпатягой — были гаитянами и доминиканцами, зачастую безо всяких документов. Они жили в отдельном поселении в десяти милях вглубь материка, откуда их привозили на работу и куда отвозили по окончании смены два списанных школьных автобуса. Том и я получали по четыре доллара в час, Эрин — чуть больше. Сколько получали уборщики, я не знаю... но, конечно, их труд нещадно эксплуатировался. Можно сказать, что на всем южном побережье работали нелегалы, которым приходилось гораздо тяжелее, но это нельзя назвать оправданием. Как и то, что происходило это сорок лет назад. С другой стороны, уборщикам не нужно было носить меха. Эрин — тоже.

А вот мы с Томом носили.

Вечером накануне нашего первого рабочего дня мы втроем сидели в гостиной особняка Шоплоу и болтали — пытались узнать друг друга получше, обсуждали грядущее лето. Пока мы разговаривали, над Атлантикой поднялась луна — такая же безмятежно прекрасная, как самка оленя, которую мы видели с отцом на старых железнодорожных путях.

— Это же парк развлечений, господа, — сказала Эрин. — Что тут может быть трудного?

— Тебе легко говорить, — ответил Том. — Тебе-то не придется отмывать из шланга обед каждого бойскаута, которого стошнит на "Чашках-вертушках".

— Если надо будет — отмою, — сказала она. — Блевотина так блевотина. Мне нужна эта работа. У меня аспирантура в следующем году, а я и так на мели.

— Мы должны постараться попасть в одну бригаду, — сказал Том. Так и вышло. У каждой рабочей бригады в Джойленде было свое "собачье" название. Наша называлась Гончей.

Тут в гостиную вошла Эммалина Шоплоу с подносом, на котором стояло пять фужеров. Следом за ней с бутылкой в руке вошла длинная как жердь мисс Акерли — в огромных очках, которые делали ее похожей на Джойс Кэрол Оутс. Том Кеннеди просиял.

— Неужели это французская шипучка? Выглядит слишком изящно для пойла из супермаркета.

— Шампанское, — ответила миссис Шоплоу. — Впрочем, если ты рассчитываешь на "Моэт э Шадо", юный мистер Кеннеди, вынуждена тебя разочаровать. Это, конечно, не "Колд Дак"^[4], но и не сокровище из элитных погребов.

— Не скажу за своих новых коллег, — ответил Том, — но я, чье нёбо воспитывалось на "Эппл Зэппл", точно не буду разочарован.

Миссис Шоплоу улыбнулась.

— Так я всегда отмечаю начало лета, на удачу. Похоже, это работает. Во всяком случае, до сих пор у меня не было проблем с сезонной сдачей комнат. Возьмите по фужеру, пожалуйста.

Мы так и сделали.

— Тина, разольете?

Когда фужеры наполнились, миссис Шоплоу подняла свой, и мы последовали ее примеру.

— За Эрин, Тома и Девина, — провозгласила она. — Пусть у них будет чудесное лето, а меха придется носить лишь когда температура опустится ниже восьмидесяти градусов^[5].

Мы звякнули фужерами и выпили шампанское. Оно, может, и не оказалось сокровищем элитных погребов, но все равно было чертовски хорошим, а содержимого бутылки хватило еще на один тост. Его на этот раз произнес Том.

— За миссис Шоплоу, давшую нам укрытие от бури!

— О, спасибо, Том, это очень мило. Но скидки по арендной плате все равно не дождешься.

Мы выпили. Я опустил фужер, чувствуя легкое головокружение.

— Так что там насчет мехов? — спросил я.

Миссис Шоплоу и мисс Акерли обменялись взглядами и заулыбались. Ответила библиотекарь, хотя сложно было назвать это ответом.

— Еще узнаете, — сказала она.

— Не засиживайтесь допоздна, — посоветовала миссис Шоплоу. — Вам рано вставать. Карьера в шоу-бизнесе ждет.

Назначено нам было на семь утра, а два часа спустя парк должен был открыть ворота летнему сезону. Втроем мы шли вдоль берега и разговаривали. То есть, в основном говорил Том. Рот у него не закрывался.

Том был таким бодрым и смешным, что его бесконечная болтовня не утомляла. Эрин (она шла по линии прибоя, в левой руке у нее болтались на шнурках кроссовки) смотрела на него такими глазами, что я понял сразу: она очарована. Как же я ему завидовал: коренастый и довольно некрасивый, но зато очень энергичный и с хорошо подвешенным языком, чего мне так не хватало. Помните старую шутку о старлетке, которая была такой душой, что переспала со сценаристом?

— Как думаете, сколько надо заколачивать, что купить такие хоромы? — спросил Том, указав на один из пляжных домов. Мы как раз проходили мимо огромного, походившего на зеленый замок, особняка, но в тот день ни женщины, ни мальчика в кресле-коляске видно не было. Энни и Майк Росс появятся позже.

— Наверное, миллионы, — ответила Эрин. — Конечно, это не Хэмптоны^[6], но и не чизбургеры, как говорит папа.

— Наверное, близость к парку развлечений снижает цены на недвижимость, — сказал я, глядя на три джойлендские высотки на фоне утренней синевы: "Шаровую молнию", "Мозготряс" и "Каролинское колесо".

— Да нет, ты просто не понимаешь, как мыслят богатеи, — сказал Том. — У них ведь как: встречается им на улице нищий бродяга, а они словно его и не видят. Бродяга? Какой бродяга? Так же и с парком. Парк? Какой парк? Хозяева таких домов живут как бы в другом измерении. — Он остановился, прикрыл рукой глаза от солнца и посмотрел на построенный в колониальном стиле зеленый особняк, которому предстоит сыграть этой осенью такую значительную роль в моей жизни. К тому времени Эрин Кук и Том Кеннеди, новоиспеченная парочка, уже вернутся к учебе. — Когда-нибудь он станет моим. И произойдет это... ммм... первого июня, 1987-го.

— Шампанское за мной, — сказала Эрин и мы дружно рассмеялись.

Тем утром джойлендский летний коллектив собрался в полном составе в первый и последний раз. Нас загнали в Морскую аудиторию, концертный зал, в котором выступали второсортные кантри-музыканты и стареющие рокеры. Набралось человек двести, в основном таких же, как мы, студентов, готовых работать за гроши. Некоторые постоянные работники тоже пришли. Я заметил Роззи Голд в цыганском наряде и огромных серьгах. Лэйн Харди стоял на сцене и устанавливал трибунный микрофон, изредка постукивая по нему пальцем. Котелок никуда не делся и все так же лихо сидел у него на голове. Уж не знаю, как он меня заметил в толпе молодняка, но он приложил два пальца к котелку и шутливо мне отсалютовал. Я ответил тем же.

Закончив настраивать микрофон, Лэйн прыгнул со сцены и уселся рядом с Роззи. Из-за кулис вышел Фред Дин.

— Пожалуйста, займите свои места. Перед тем как вас распределят по командам, владелец Джойленда — и ваш работодатель — хочет сказать пару слов. Поприветствуйте мистера Брэдли Истербрука.

Мы так и сделали, и из-за кулис показался старик. Его осторожная и слегка рваная походка говорила о болях в ногах или спине. Черный костюм делал этого поразительно худого человека похожим скорее на гробовщика, чем на хозяина парка развлечений. Его длинное, бледное и бугристое лицо сплошь покрывали родинки. Наверное, бритье превращалось для него в пытку, но выбрит он был чисто. Черные как смоль волосы (явно крашенные) были зачесаны назад от иссеченного глубокими морщинами лба. Около трибуны он остановился, сложив перед собой свои огромные руки (казалось, они сплошь состояли из одних костяшек). Под глубоко запавшими глазами висели мешки.

Старость взглядом осадила молодость, заставив аплодисменты стихнуть. Не знаю, чего мы ожидали; возможно, некий трубный глас, который возвестит о том, что нас всех поглотит Красная смерть. Но старик улыбнулся, и лицо его тут же посветлело. По залу пронесся едва слышный вздох облегчения. Позже я узнал, что тем летом Брэдли Истербруку стукнуло девяносто три.

— Ребятки, — начала он, — добро пожаловать в Джойленд. И тут, перед тем как встать за трибуну, он поклонился. Некоторое время он возился с микрофоном, вызвав серию резких писков. При этом его впалые глаза не отрывались от нас ни на секунду.

— Я вижу много знакомых лиц, и меня это радует. Для новеньких же, я надеюсь, это лето окажется лучшим в их жизни, эталоном, с которым они будут сравнивать все будущие рабочие места. Чудно, конечно, на такое рассчитывать, но всякий, кто из года в год руководит подобным местом, должен быть немножко чудаком. Одно я знаю наверняка: такой работы вам больше не попадетсЯ.

Он снова окинул нас взглядом, выгнув поудобнее шейку несчастного микрофона. — Через пару минут мистер Дин и миссис Бренда Рафферти, королева нашей канцелярии, распределят вас по бригадам. В каждой бригаде вас будет семеро, и вам придется научиться действовать, как единое целое. Бригадир определяет задания, которые меняются от недели к неделе, а иногда и каждый день. Если разнообразие придает жизни остроту, то следующие три месяца будут для вас весьма и весьма острыми. И я хочу, чтобы вы накрепко запомнили одну главную мысль, леди и джентльмены. Согласны?

Он сделал паузу, словно ожидая ответа, но никто не проронил ни звука. Мы лишь

смотрели во все глаза на этого человека в черном костюме и белой рубашке с открытым воротником. Когда он продолжил, то поначалу казалось, что заговорил он сам с собой.

— Наш мир безмерно порочен и полон войн, жестокости и бессмысленных страданий. На каждого живущего в нем выпадает своя доля несчастий и бессонных ночей. Если кто-то из вас еще этого не знает, то узнает обязательно. Принимая во внимание такой порядок вещей, этим летом вам достался бесценный подарок: продавать людям веселье. В обмен на каждый заработанный тяжким трудом доллар вы будете отвешивать счастье вашим клиентам. По ночам детям будет сниться то, что они видели и делали здесь. Помните об этом, когда работа окажется особенно тяжелой или когда почувствуете, что все ваши усилия идут насмарку. У нас тут совершенно другой мир, со своими обычаями и языком, который мы так и называем: Язык. Изучать его вы начнете сегодня же. А изучая — научитесь дело делать. Объяснять не буду, потому что объяснить такое невозможно — надо всё почувствовать самому.

Том наклонился ко мне и прошептал:

— Учить язык? Учиться дело делать? Мы что, на встрече "Анонимных алкоголиков"?

Я на него шикнул. Я-то думал, что нам выдадут список заповедей вроде "не делай того, не делай сего", а вместо этого получил что-то вроде грубой поэзии, чему несказанно обрадовался. Брэдли Истербрук окинул нас взглядом и снова улыбнулся, показав лошадиные зубы. Да так широко, что, казалось, проглотит весь мир. Эрин Кук глаз с него не сводила, как и остальные летние работники. Так студенты смотрят на лектора, который предложил им взглянуть на жизнь под новым чудесным углом.

— Надеюсь, работа вам понравится, но в тяжелые минуты, например, когда приходит ваша очередь носить меха, постарайтесь напомнить себе, как вам повезло. В нашем скорбном и мрачном мире мы создали маленький островок счастья. Многие из вас уже построили планы на дальнейшую жизнь, в надежде стать врачами, адвокатами или — я не знаю — политиками...

— Боже, только не политиками! — выкрикнул кто-то ко всеобщему хохоту.

Кажется, улыбнуться шире Истербрук уже не мог, но у него получилось. Том все еще качал головой, хотя и он уже начинал сдаваться.

— Да, теперь я понял, — прошептал он мне на ухо. — Этот дядька вроде как Иисус-Весельчак.

— У всех вас будет интересная и плодотворная жизнь, мои юные друзья, полная чудесных впечатлений. Но я надеюсь, что Джойленд займет в вашем сердце особое место. Мы не торгуем мебелью. Мы не торгуем автомобилями. Мы не торгуем землей, домами или облигациями. Мы далеки от политики. Мы торгуем весельем. Никогда не забывайте об этом. Спасибо за внимание и в добрый путь.

Он отошел от трибуны, отвесил еще один поклон и направился за кулисы все той же болезненной, резкой походкой. Его уход утонул в громе аплодисментов. Я в жизни не слышал лучшей речи, ведь то была правда, а не лапша. Вы только послушайте: ну сколько лохов могут написать в своем резюме "в 1973-м я три месяца торговал весельем"?

Все бригадиры давно работали в Джойленде, а большая их часть состояла в Комитете по парковым службам — это означало, что они имели дело с местными и федеральными законами (и те, и другие в 1973 году были весьма либеральными) и разбирали жалобы клиентов. В этом году большая часть жалоб касалась новой политики по борьбе с курением.

Нашим бригадиром был невысокий энергичный старичок, которого звали Гэри Аллен. Ему перевалило за семьдесят, и он управлял "Тиром Энни Оукли".

Правда, уже на второй день между собой — на Языке — мы называли тир "пиф-паф-шалманом", а Гэри — "пиф-паф-шалмачом". Мы, семеро членов "Гончей бригады", встретили его в павильоне, где он раскладывал винтовки. Нашей с Эрин, Томом и еще четырьмя ребятами первой трудовой задачей стало раскладывание призов по полкам. Самые почетные места отводились большим мягким игрушкам, которые редко кому удавалось выиграть... хотя, как сказал Гэри, он старался сделать так, чтобы каждый вечер, когда льется основной поток чаевых, хотя бы одна такая игрушка кому-нибудь доставалась.

— Я люблю посетительниц, — сказал Гэри. — Очень люблю. А больше всего люблю цыпочек, то есть миленьких девчонок. Особенно цыпочек в открытых топах, которые при стрельбе наклоняются вот так.

Он взял в руки винтовку 22 калибра, модифицированную под пневматику (и издающую громкий приятный хлопок при каждом выстреле), и наклонился вперед.

— Когда так делает парень, я говорю ему, что он заступил за черту. Но цыпочкам — никогда.

Ронни Хьюстон, нервный паренек в очках и кепке Флоридского университета, возразил:

— Но я не вижу тут никакой черты, мистер Аллен.

Гэри взглянул на него, уперев кулаки в несуществующие бока. Джинсы, похоже, держались на нем вопреки силе притяжения.

— Слушай сюда, сынок. У меня для тебя три новости. Готов?

Ронни кивнул. У него был такой вид, будто он хочет законспектировать то, что ему сейчас скажут. А еще такой, словно он с удовольствием бы спрятался за нашими спинами.

— Первое. Можешь звать меня Гэри, или "папаша", или "эй, иди сюда, старый хрен" — но я не учитель и никакой не мистер. Второе. Чтоб я никогда больше не видел у тебя на голове эту школьную тряпку, ясно? Третье. Черта проходит там, где я скажу. Все потому, что она у меня в го-ло-ве, — он постучал пальцем по глубокому, испещренному венами виску, чтобы до всех наверняка дошло, о чем речь. Затем он обвел рукой полки с призами, мишени и стойку, у которой останавливались кролики, то есть лохи. — Шалман у меня в башке, ты меня понял?

Ронни не понял, но энергично закивал.

— А теперьними свою идиотскую школьную шапочку. Одень джойлендскую кепку или пёсболку. Пусть это будет твоим Заданием Номер Один.

Ронни с готовностью сорвал с себя шапочку и засунул ее в задний карман. Чуть позже — думаю, уже через час — на нем была кепка Пса-Симпатяги, известная на Языке как пёсболка.

После трех дней насмешек и обращений "эй, салага" Ронни отнес свою пёсболку на парковку и некоторое время втаптывал ее в грязную лужицу. Когда он снова надел ее, пёсболка выглядела как надо. Ну, почти. Ронни Хьюстон никогда не выглядел как надо на сто процентов — некоторые люди всю свою жизнь обречены оставаться "салагами". Помню, Том как-то раз посоветовал Ронни пописать на пёсболку в качестве последнего штриха, который значит так много. Когда же Том понял, что Ронни готов всерьез внять этому совету, то пошел на попятный

и добавил, что полоскание кепки в океане принесет тот же эффект.

Папаша, тем временем, продолжал с нами знакомиться.

— И, коль уж мы заговорили о милых дамах — похоже, среди нас есть одна такая.

Эрин скромно улыбнулась.

— Голливудская Девушка, родная?

— Да, мистер Дин сказал мне, что я буду одной из них.

— Тогда тебе нужно поговорить с Брендой Рафферти. Она — второй человек во всем парке и покровительница Девушек. Поможет подобрать тебе одно из этих прелестных зеленых платьиц. Скажешь ей, что хочешь платьице покороче.

— Черта с два, старый развратник, — ответил Эрин и присоединилась к Гэри, когда тот запрокинул голову и зашелся смехом.

— Дерзкая и нахальная, как раз по мне! Кстати, в свободное от фотографирования кроликов время можешь заглядывать сюда — у папаши всегда найдется какая-нибудь работенка. Только не забывай переодеться — опилки и грязь униформу не красят. Ясно?

— Да, — ответила Эрин. Она снова взяла деловой тон.

Папаша Аллен посмотрел на свои часы.

— Парк открывается через час, так что учиться придется на ходу. Начните с аттракционов, — он указал на каждого из нас пальцем, произнося при этом название аттракциона. Мне досталось "Каролинское колесо", что меня обрадовало. — Готов ответить на парочку вопросов, но не больше. Есть вопросы — или вперед и с песней?

Я поднял руку. Он кивнул и спросил, как меня зовут.

— Девин Джонс, сэр.

— Еще раз назовешь меня сэром — и ты уволен, приятель.

— Девин Джонс, папаша. — Мне не хотелось звать его старым хреном — по крайней мере, пока. Может, позже, когда узнаем друг друга получше.

— Другое дело, — кивнул он. — Что у тебя на уме, Джонси? Кроме той прелестной рыжей головки?

— Что значит "дважды ярмарочник"?

— Это значит, что ты похож на старика Истербрука. Его отец работал на ярмарках еще во времена Пыльного котла^[71], а отец его отца — и того раньше: на шоу с липовыми индейцами, одним из которых был Великий Вождь Йоулатча.

— Да вы шутите! — почти ликуяще воскликнул Том.

Папаша осадил Тома холодным взглядом — что сделать было не так просто.

— Сынок, ты знаешь, что такое "история"?

— Эээ... что-то, случившееся в прошлом?

— Нет, — ответил он, завязывая на поясе ремень с кармашками для сдачи. — История — это сумма испражнений человечества, огромная и постоянно растущая в размерах куча дерьма. Сейчас мы стоим на вершине, но совсем скоро окажемся полностью погребены в этой куче усилиями грядущих поколений. Вот почему одежда ваших родителей выглядит такой смешной на старых фотографиях, если вам нужен пример. И как тот, кому суждено быть погребенным в дерьме собственных детей и внуков, ты, как мне кажется, должен научиться быть чуть более снисходительным.

Том открыл рот — возможно, в попытке найти остроумный ответ — но тут же благоразумно его закрыл.

Заговорил Джордж Престон, еще один член "Гончей бригады".

— Вы — дважды ярмарочник?

— Нет. Мой отец разводил рогатый скот на ранчо в Орегоне, сейчас его дело продолжают

мои братья. Я — белая ворона в семье, и чертовски этим горжусь. Что ж, если больше ни у кого вопросов нет, пора закончить заниматься ерундой и приступить к делу.

— Могу я спросить кое-что? — спросила Эрин.

— Только потому, что ты миленькая.

— Что значить "носить меха"?

Папаша Аллен улыбнулся и положил руки на полку, где стояла его шалманская касса.

— Скажи мне, милое дитя, у тебя есть мысли, что бы это могло значить?

— Ну... да.

Улыбка превратилась оскал, который обнажил пожелтевшие клыки нашего бригадира.

— Значит, скорее всего, ты права.

Что я делал в Джойленде тем летом? Все подряд. Продавал билеты. Вozил тележку с попкорном. Торговал "тортиками из мясорубки" — сладкой ватой; продал не меньше пердильона хот-догов (у нас они назывались "собачья радость", как вы, наверно, уже догадались). Именно из-за "собачьей радости" мое фото попало в газету, хотя ту сосиску как раз продал не я, а Джордж Престон. Я работал спасателем, и на пляже, и на Веселом озере, которым заканчивалась водная горка в "Брызгах и визгах". Я танцевал конгу в Деревне "Туда-Сюда" вместе с другими членами "Гончей Бригады" под "Птичий бит", "Выдыхается ли жвачка, если на ночь прилепить ее к кровати", "Риппи-раппи, зиппи-заппи" и десяток других бессмысленных песенок. Также я провел немало часов — в основном счастливых — в роли нелегализованной няни. В "Туда-Сюда" при виде рыдающего малыша полагалось издавать боевой клич "Ну-ка, слезки вытирай и со мною поиграй!" Именно в "Туда-Сюда" я решил, что завести детей когда-нибудь в будущем — это и правда Хорошая Идея, а не навеянное Венди наваждение.

Я — как и другие Добрые Помощники — научился мигом попадать из одного конца Джойленда в другой либо по аллеикам позади будок, шалманов, аттракционов и ларьков, либо по одному из трех служебных туннелей, прозванных Джойлендская Подземка, Песья Подземка и Бульвар. Я тоннами вывозил мусор, обычно — на электрокаре по Бульвару, тенистому и зловещему проходу, освещенному древними флуоресцентными лампами, которые мигали и трещали. Несколько раз я даже исполнял роль гастрольного менеджера и таскал усилки и мониторы для исполнителей, приезжавших с опозданием и без технических работников.

Я научился говорить на Языке. Некоторые термины (например, "выход" — бесплатное представление, или "рухлядь" — сломанный аттракцион) происходили из сленга ярмарочников, древнего как мир. Другие ("цыпочки" — миленькие девушки или "пинчеры" — любители пожаловаться) были чисто джойлендским изобретением. Наверное, в других парках имеются свои версии Языка, но в основе их всегда лежит ярмарочный жаргон. "Яйцедав" — это кролик (обычно пинчер), который жалуется на длинные очереди. Последний час работы (в Джойленде — с десяти до одиннадцати) — это "выхлоп". Кролик, который проигрывает в шалмане и требует свои бабки обратно — "бабкодав". "Сратва" — это туалет, например: "Эй, Джонси, давай мухой в сратву возле "Лунной ракеты", там какой-то чертов пинчер наблевал в умывальник".

Торговля в ларьках (они же будки) большинству из нас давалась легко: каждый, кто в состоянии правильно дать сдачу, может возить тележку с попкорном или стоять за прилавком сувенирного магазинчика.

Управлять аттракционами было не намного сложнее, но поначалу — страшиновато, потому что от нас зависели жизни людей, в основном — маленьких детей.

— Учиться пришел? — спросил меня Лэйн Харди, когда я присоединился к нему у "Каролинского колеса". — Отлично. Как раз вовремя — парк открывается через двадцать минут. Учиться будешь по флотскому методу: посмотри, попробуй, научи друга. Как раз сейчас тот коренастый парень, рядом с которым ты стоял...

— Том Кеннеди.

— Окей. Как раз сейчас Том осваивает "Дьявольские машинки". Когда-нибудь — может, уже сегодня — он тебя научит ими управлять, а ты его научишь управлять "Колесом". Оно, кстати, вращается против часовой стрелки, поэтому его еще называют австралийским.

— А это важно?

— Да нет, — ответил Лэйн, — просто интересно. Таких в Штатах всего несколько, а скорости у них две: медленная и очень медленная.

— Ну да, ведь это каруселька для старушек.

— Точняк. — И он мне показал с помощью рычага, который я уже видел в день собеседования. Потом настала моя очередь встать к рычагу и взяться за рукоять в форме велосипедного руля.

— Чувствуешь щелчок, когда меняется передача?

— Ага.

— А останавливают его вот так. — Он положил руку поверх моей и потянул рычаг до упора. Послышался громкий щелчок, и колесо тут же остановилось, заставив кабинки закачаться.

— До сих пор сечешь?

— Вроде бы да. Слушайте, а разве не нужно какое-нибудь разрешение или удостоверение, чтобы управлять такой штукой?

— А у тебя что, нет удостоверения?

— У меня есть мэньские водительские права, но...

— В Северной Каролине большего и не надо. Когда-нибудь власти введут дополнительные ограничения — они это любят — а пока что можешь смело работать. Теперь смотри в оба, потому что мы подошли к самому главному. Видишь вон ту желтую полосу?

Я видел. Она шла вдоль пандуса по направлению к "Колесу".

— На каждой кабинке есть изображение Пса-Симпатяги. Когда ты видишь, что Пес поравнялся с желтой полосой, ты переводишь рычаг в положение "СТОП". — Лэйн снова отжал рычаг до упора. — Понял?

Я ответил, что да.

— И так пока "Колесо" не нашруруется...

— Чего?

— Пока не загрузится. Нашуроваться значит загрузиться. Уж не знаю, почему. Так вот, пока Колесо не нашруруется, ты переводишь рычаг из супермедленной передачи в положение "СТОП" и обратно. Когда аттракцион загрузится под завязку — а так оно и будет, если выдастся хороший сезон — ты переводишь на обычную медленную скорость. Поездка длится четыре минуты. — Тут Лэйн указал на свое радио. — Это моя шарманка, но правило такое: кто у рычага — тот заказывает музыку. Только не надо оглушительного рок-н-ролла — всяких там "Зе Ху", "Зеппелинов" и "Роллинг Стоунс" — с ними придется подождать до захода солнца. Ясно?

— Да. А как мне их выпускать?

— Точно так же. Супермедленная — "СТОП", супермедленная — "СТОП". Останавливай,

как только Пес поравняется с желтой полосой, и тогда кабинка подъедет прямо к пандусу. У тебя должно выходить десять оборотов в час. Если каждый раз загрузка будет полной, то это получается больше семисот клиентов, с которых мы поимеем полкартонки.

— А на нормальном языке?

— Пятьсот баксов.

Я неуверенно посмотрел на Лэйна и спросил:

— Мне же не придется им управлять, правда? То есть, я к тому, что это ведь ваш аттракцион.

— Не мой, а Брэда Истербрука, пацан. Как и все остальные. А я всего лишь обычный работник, хоть здесь уже и не первый год. Да, в основном управлять этой колымагой буду я, но не всегда. Да ладно тебе, расслабься. В некоторых парках ей управляют полупьяные, исколотые с ног до головы байкеры. А если могут они, то сможешь и ты.

— Как скажете.

— Всё, мы открылись. Кролики валят потоком. Значит, первые три захода ты побудешь со мной. Потом обучишь свою бригаду, включая Голливудскую Девчонку. Хорошо?

Хорошо, да не очень: мне предстояло запускать людей на сто семьдесят футов ввысь после жалкого пятиминутного инструктажа.

Безумие какое-то.

Лэйн пожал мне плечо:

— Все будет нормально, Джонси. Поэтому оставь свои "как скажете" и скажи, что все путем.

— Все путем, — сказал я.

— Молодца. — Он включил радио, и из высоко подвешенной на "Колесе" колонки заиграла музыка. "Холлиз" исполняли "Высокую женщину в черном". Из заднего кармана джинсов Лэйн достал пару перчаток из сыромятной кожи.

— Тебе такие тоже понадобятся. И поработай над речевкой. — Выудив микрофон, Лэйн поставил ногу на ящик из-под апельсинов и принялся обрабатывать толпу.

— Эй, ребятки, поспешите, к "Колесу" толпой бегите! Лето скоро пролетит, надо вверх вам воспарить! Сверху много чего видно, все сюда, а то будет обидно!

Опустив микрофон, он мне подмигнул.

— Примерно так. После пары стаканчиков будет еще лучше. А ты придумай свою.

Когда я впервые управлял "Колесом" самостоятельно, у меня от страха руки тряслись, но к концу первой недели я уже стал профессионалом (правда, Лэйн сказал, что моя речевка нуждается в серьезной доработке).

Я также научился управлять "Чашками-вертушками" и "Дьявольскими машинками". С последними только и требовалось, что нажимать на кнопки "СТАРТ" и "СТОП" да растаскивать машинки, когда лохи после столкновений не могли разъехаться. За каждый четырехминутный заезд (которые требовалось называть веселухами) такое случалось минимум четыре раза.

Я выучил Язык; я выучил географию парка (надземную и подземную); я научился заведовать шалманами и награждать цыпочек плюшевыми игрушками. Все это я выучил где-то за неделю, а уже через две начал осваиваться по-настоящему. Что значит "носить меха" я понял в середине моего первого рабочего дня, и так уж получилось, что именно тогда в "Деревне "Туда-Сюда" обедал мистер Истербрук. Он сидел на скамейке и ел бобовые ростки с тофу. Не самая обычная еда для парка развлечений, но не будем забывать, что пищеварительная система старика поизносилась уже во времена Сухого закона.

После моего дебюта в роли Гови, Пса-Симпатяги, меха я носил часто. Дело в том, что у меня это очень хорошо получалось.

И мистер Истербрук тоже это знал. Носил я меха и месяц спустя, когда повстречал на Джойленд-авеню маленькую девочку в красной кепке.

В первый день и правда был настоящий дурдом. До десяти утра я запускал "Каролинское колесо" с Лэйном, потом — один в течение полутора часов, пока он бегал по парку и гасил костры в честь дня открытия. К тому времени я уже не думал, что колесо вдруг сломается и закрутится как бешеное, как та карусель в хичкоковском фильме. Больше всего меня пугало то, как люди мне доверяли. Ни один отец с детишками на буксире не завернул к моему пульту спросить, знаю ли я, что делаю. Я сделал меньше оборотов, чем следовало: так таращился на эту чертову желтую полосу, что у меня голова разболелась; но каждый раз колесо было нашуровано только в путь.

Один раз к "Колесу" подошла Эрин, хорошенькая как картинка в своем зеленом платье Голливудской Девушки, и сфотографировала несколько семей, ждущих в очереди. Она и меня сняла — где-то до сих пор валяется это фото. Когда колесо снова тронулось в путь, она схватила меня за руку. Лоб ее был в бисеринках пота, на губах улыбка, глаза сияли.

— Ну правда же, здорово? — спросила она.

— Лишь бы только я никого не угробил, — ответил я.

— Если какой-нибудь малыш вылетит из кабинки, уж постарайся его поймать.

И, подкинув мне новую тему для беспокойства, она умчалась в поисках новых объектов для фото. Недостатка в желающих попозировать для рыжеволосой красотки этим летним утром не наблюдалось. И она на самом деле была права. Все это было довольно здорово.

Где-то в половине двенадцатого вернулся Лэйн. К тому времени я уже так наострился управлять нехитрыми рычагами "Колеса", что вернул ему бразды с некоторой неохотой.

— Кто твой бригадир, Джонси? Гэри Аллен?

— Он самый.

— Тогда иди к нему в пиф-паф-шалман и спроси, что делать дальше. Если повезет, то он отправит тебя на свалку на обед.

— Что за свалка?

— Место, где сидит обслуга, когда есть свободное время. На большинстве ярмарок это просто парковка или площадка за фургонами, но Джойленд у нас класса люкс. Там, где Бульвар сходитсся с Песьей подземкой, есть приличная комната отдыха. По лестнице между прилавком с шариками и метателями ножей. Тебе там понравится. Но ты можешь идти на обед, только если Папаша разрешит. Я не собираюсь лезть в дела старого ублюдка. У него своя бригада, у меня своя. Ты взял тормозок?

— Не знал, что надо было.

Он ухмыльнулся.

— Ничего, научишься. А сегодня забеги к Эрни, который торгует жареными курами. У него на киоске большой пластмассовый петух. Покажи ему свой джойлендский пропуск, и он даст тебе скидку как сотруднику.

В конце концов я поел жареную курицу у Эдди, но только после двух часов. У Папаши были на меня другие планы.

— Иди в костюмерную — это трейлер между конторой паркового обслуживания и столярной мастерской. Скажешь Дотти Лассен, что я тебя прислал. Чертова тетка там уже лифчик на себе рвет.

— Может, сперва помочь вам перезарядить?

Тир тоже был забит под завязку. У стойки толпились старшеклассники, мечтающие выиграть одну из неуловимых плюшевых игрушек. За каждым стрелком стояла очередь не

меньше чем из трех лохов (как я их уже мысленно называл). Пока Папаша Аллен со мной разговаривал, руки его ни на секунду не прекращали работы.

— Нет уж, давай седлай своего пони и вперед. Я этим делом занимался, когда ты еще не родился. Ты, кстати, кто — Джонси или Кеннеди? Я знаю, что ты не тот придурок в пижонской кепке, но не больше.

— Я Джонси.

— Ну, Джонси, тебе предстоит благословенный час в "Туда-Сюда". По крайней мере, благословенный для детишек. Для тебя-то, может, и нет.

Он обнажил желтые клыки в фирменной ухмылке Папаши Аллена, делавшей его похожим на пожилую акулу.

— Надеюсь, меховой костюм тебе понравится.

Костюмерная тоже оказалась дурдомом, битком набитым снующими туда-сюда женщинами. Дотти Лассен, тощая дамочка, которой лифчик был нужен так же, как мне — туфли на платформе, набросилась на меня в ту же секунду, как я вошел. Она вцепилась своими ногтями мне в подмышку и поволокла мимо клоунских нарядов и гигантского костюма дядюшки Сэма (рядом к стене были приставлены ходули). Мимо платьев для принцесс и стойки с платьями Голливудских Девушек, мимо старомодных купальных костюмов в стиле веселых 1890-ых... в которых, как выяснилось позже, мы должны будем нести вахту спасателей. На задворках этой маленькой костюмной империи лежала дюжина собак, похожих на спущенные покрышки. Все они были точной копией Пса-Симпатяги: та же туповатая, но милая ухмылка, те же большие голубые глаза, те же стоящие торчком уши. На задней стороне костюма, от шеи и до хвоста, виднелась застежка-молния.

— Господи, ну ты и дылда, — сказала Дотти. — Слава богу, на прошлой неделе из починки вернулся один как раз твоего размера. Парень, который носил костюм до тебя, порвал его подмышками. И под хвостом тоже — должно быть, злоупотреблял мексиканскими блюдами.

Она сняла одного из псов с вешалки и швырнула мне. Его хвост обвился о мою ногу, точно питон.

— Короче, идешь в "Деревню "Туда-Сюда" — и когда я говорю "идешь", я имею в виду "несешься, мать твою, со всех ног". Этим должен был заняться Батч Хедли из Бригады Корги, но он сказал, что отправил всех своих ребят за ключами от центральной аллеи (ярмарочный аналог посылаания за ведром компрессии, прим. пер.).

Я понятия не имел, о чем она толкует, а Дотти не дала возможности уточнить. Она закатила глаза — то ли в шутку, то ли в припадке сумасшествия — и продолжила.

— Ты спросишь — ну и что тут такого? Я тебе отвечу, что тут такого, салага: мистер Истербрук обычно там обедает, а в первый день сезона он там обедает всегда. И если он не увидит поблизости Гови, то очень расстроится.

— В смысле, захочет кого-нибудь уволить?

— В смысле, ОЧЕНЬ расстроится. Со временем ты поймешь, насколько это хреново. Никто не хочет его разочаровывать, потому что он — великий человек. Что, наверное, уже неплохо, но гораздо важнее то, что он — человек хороший. А в этом бизнесе хороших людей меньше, чем зубов у курицы.

Она посмотрела на меня и издала звук, который издают мелкие животные, угодившие лапой в капкан.

— Ох, ну ты и дылда. Да к тому же совсем еще зеленый... но тут уж ничего не поделаешь.

У меня была куча вопросов, но язык словно отморозился. Я только и мог, что молчаливо пялиться на скукоженного Гови. А он в ответ пялился на меня. Знаете, кем я тогда себя чувствовал? Джеймсом Бондом, которого привязали к работающему тренажеру в том фильме. "Вы думаете, что я заговорю?" — спросил он Голдфингера, а тот с леденящим душу юмором ответил: "Нет, мистер Бонд. Я думаю, что вы умрете". Только меня привязали не к тренажеру, а к Машине Счастья, но суть осталась той же. Как бы быстро я не бежал в свой первый рабочий день, чертова Машина все равно была быстрее.

— Тащи это на свалку, парень. Ради бога, скажи мне, что ты знаешь, где это.

— Знаю. — Слава богу, Лэйн мне про нее рассказал.

— Что ж, очко в твою пользу. Когда доберешься туда, разденься до трусов. Если на тебе будет еще что-то, то в мехах ты просто зажаришься. И еще одно... тебя уже познакомили с

Первым правилом ярмарочника?

Кажется, да, но я решил, что разумнее будет промолчать.

— Всегда помни, где твой бумажник. У нас тут с этим, слава богу, не так хреново, как там, где я работала на заре своей юности, но все же правило есть правило. Давай сюда, я сберегу его для тебя.

Я без возражений протянул свой бумажник.

— А теперь дуй. Но прежде, чем разденешься, напейся воды — да не пару глотков, а пока живот не разбухнет. И не вздумай ничего есть — хочешь ты того или нет. На моей памяти были случаи, когда ребята получали тепловой удар и блевали прямо в костюм. Картина нелицеприятная, поверь — почти все костюмы после такого приходится выбрасывать. Короче говоря: напьешься воды, разденешься, наденешь меха, попросишь кого-нибудь застегнуть "молнию" и через Бульвар отправишься в Деревню. Там будет знак, не пропустишь.

Я с сомнением посмотрел в голубые глаза Гови.

— Глаза сетчатые, — сказала Дотти. — Не переживай, вслепую ходить не придется.

— Но что мне нужно делать?

Она бросила на меня взгляд, поначалу оставаясь серьезной. А потом ее лицо — не только губы и глаза, а все лицо целиком — вдруг превратилось в улыбку. Она засмеялась странным гудящим смехом, который, казалось, исходил у нее из носа.

— Все будет нормально, — сказала она. Мне все время это говорили. — Система Станиславского, парень. Просто отыщи в себе своего внутреннего пса.

На свалке обедали дюжина новичков и парочка старожилов. Среди салаг были две Голливудские Девчонки, но на стыд времени у меня уже не осталось. Напившись до отвала воды из питьевого фонтанчика, я разделся до трусов, вступил в костюм и постарался просунуть до упора ноги в задние лапы Гови.

— Меха, — крикнул один из старожилов и стукнул кулаком по столу. — Ме-ха! Ме-ха! Ме-ха!

К нему присоединились остальные. Я же стоял перед ними в одних трусах, а в ногах у меня безжизненной лужей растекся Гови. Я словно бы оказался посреди тюремного бунта. Чувствовал себя полным дураком... и одновременно героем. У нас тут все-таки шоу-бизнес, а я пришел подменить товарища. На мгновение я даже забыл о том, что понятие не имею, что творю.

— Ме-ха! Ме-ха! МЕ-ХА! МЕ-ХА!

— Да застегните уже мне молнию, — крикнул я. — Мне давно пора быть в "Туда-Сюда"!

Откликнулась одна из девушек, и вот тут я понял, почему носить меха считалось таким большим делом. Свалка — как и вся Песья подземка — кондиционировалась, но я уже весь вспотел.

Один из старожилов похлопал меня — то есть, уже Гови — по голове.

— Я тебя подвезу, сынок, — сказал он. — Прыгай в тележку.

— Спасибо, — глухо поблагодарил я.

— Гав-гав! — вставил кто-то, и все расхохотались.

Мы ехали по Бульвару под жутковатым, неровным светом люминесцентных ламп. Та еще парочка: за рулем старикан-уборщик в зеленой униформе, а рядом — огромная голубоглазая овчарка. Когда мы подъехали к обозначенным стрелкой ступенькам с надписью "Туда-Сюда", старик сказал:

— Не разговаривай. Гови не разговаривает, а только обнимает детишек и гладит их по головке. Всё, удачи, а если вдруг станет дурно, сразу же сваливай. Вряд ли им понравится, если Гови хватит тепловой удар.

— Я понятия не имею, что я должен делать, — сказал я. — Никто мне не объяснил.

Не знаю, был ли уборщик потомственным ярмарочником, но он кое-что знал о Джойленде.

— Ерунда. Детишки любят Гови. Они знают, что делать.

Я выбрался из тележки, едва не споткнувшись о свой собственный хвост (пришлось дернуть за шнурок в левой передней лапе, чтобы убрать чертову штуковину с дороги) и поднялся по ступенькам к двери. С засовом пришлось немного повозиться. Из-за двери доносилась музыка, что-то смутно знакомое из детства. Наконец, ручка поддалась. Дверь открылась, и сквозь сетчатые глаза Гови полился яркий июньский свет, который моментально меня ослепил.

Музыка стала громче (играла она из подвешенных наверху колонок). "Хоки-Поки", — вспомнил я, — вечный детсадовский хит. Я увидел качели, горки, доски-качалки, всевозможные лестницы и перекладины, которыми заправлял салага с кроличьими ушами на голове и кроличьим же хвостиком на джинсах. Мимо пронесся Трясун Чух-Чух, маленький паровозик, способный достигать астрономической скорости в четыре мили в час. Детишки на паровозике прилежно махали, позируя родителям. За тьмой снующих туда-сюда малышей присматривало несколько летних работников плюс двое постоянных, судя по всему, дипломированных

воспитателей.

На последних — мужчине и женщине — были футболки с надписью "Мы любим счастливых детей". Прямо впереди стоял "Ковбойский Корраль", помещение, в котором родители могли оставить детей на попечение парковых работников.

Я увидел мистера Истербрука: все еще в своем похоронном костюме, он обедал на лавочке под парковым зонтиком. Поначалу он меня не заметил, потому что смотрел на вереницу детей, которых двое салаг вели в "Корраль".

Как я потом узнал, малышей можно было оставлять в "Коррале" максимум на два часа, пока родители катают детей постарше на больших аттракционах или обедают в "Лобстере", парковом ресторане.

Также я узнал, что "Корраль" предназначался для малышей от трех до шести лет. Многие дети вели себя спокойно, видимо, потому, что им было не привыкать оставаться с посторонними, пока мама и папа работают. Другие справлялись хуже. Может, поначалу они еще держались, когда мама и папа говорили, что вернутся через час или два (словно бы четырехлетнему карапузу было знакомо само понятие "час"), но теперь они остались одни в шумном, непонятном и полном чужаков месте, а мама с папой исчезли. Некоторые уже плакали. Под покровом своего костюма, глядя сквозь сетчатые глаза и потея как свинья, я подумал, что наблюдаю за неким, чисто американским, издевательством над детьми. Ну зачем приводить ребенка — ваше, заметьте, любимое чадо — в шумный и огромный парк развлечений только для того, чтобы сдать его на попечение незнакомых сиделок, пусть и на короткое время?

Салаги уже видели слезы в глазах малышей (слезы переходят от одного малыша к другому со скоростью заразной болезни, например, кори), но как их остановить они понятия не имели. Да и откуда? В первый же рабочий день их бросили в самую гущу событий, совсем как меня, когда Лэйн Харди ушел и оставил меня одного управляться с чертовым колесом. Мне тогда еще повезло: дети младше восьми катались на "Колесе" только в сопровождении взрослых. Эти же малявки остались совсем одни.

Что делать я тоже не знал, но чувствовал, что надо попытаться.

Я пошел к детишкам, подняв вверх лапы и размахивая хвостом как сумасшедший (хвоста я не видел, но чувствовал прекрасно).

И как только двое или трое малышей меня увидели и стали показывать пальцем, на меня снизошло вдохновение. Музыка. Я остановился на пересечении Конфетной и Леденцовой улиц, прямо под двумя орущими колонками. Росту во мне было футов семь, от лап и до меховых вздернутых ушей, и зрелище и представлял впечатляющее. Я поклонился детям, которые стояли теперь раскрытыми ртами и широко распахнутыми глазами. Они смотрели, а я принялся танцевать "Хоки-Поки".

Вся грусть и тоска по родителям тут же были забыты, хотя бы на время. Малыши — у некоторых на щеках еще не высохли слезы — начали смеяться. Они потянулись ко мне, но, пока я исполнял свой неуклюжий танец, подойти вплотную не решались.

Им было интересно, а не страшно. Они все знали Гови; жители Каролин видели его по телевизору, но даже обитатели таких экзотических мест как Сент-Луис или Омаха видели брошюры и рекламу во время утренних мультиков по субботам. Они понимали, что Гови хоть и большой, но добрый. Он не кусается. Он их друг.

Левую ногу вперед; левую ногу назад; левую ногу вперед и попойкой повилять. Я сделал Хоки-Поки и покрутился на месте, потому что — как знает каждый американский ребенок — трюка легче нет. Я забыл про жару и дискомфорт. Я не думал о застрявших в заднице трусах. Позже у меня будет жуткая вызванная жарой головная боль, но в ту минуту я чувствовал себя неплохо. Даже хорошо.

И знаете, что? Я даже ни разу не подумал о Венди Кигэн.

Когда "Хоки-Поки" сменила мелодия из "Улицы Сезам", я закончил танец, упал на одно колено и протянул руки а-ля Эл Джолсон.

— Говииии! — выкрикнула одна малышка, и даже столько лет спустя я прекрасно помню восторг в ее голосе.

Она ринулась вперед. Розовая юбочка била ее по пухлым коленкам.

И тут парной шеренге пришел конец.

Дети знают, что делать, сказал тогда старожил, и как же он был прав. Детишки зароились вокруг меня, потом сбили с ног, а потом обступили со всех сторон и принялись со смехом обнимать.

Малышка в розовой юбочке не переставая целовала меня в морду с криками "Гови, Гови, Гови!".

Несколько затесавшихся в "Туда-Сюда" родителей с фотокамерами тоже направились ко мне. На их лицах читался не меньший восторг. Я помахал лапами, чтобы все расступились, перевернулся на живот и встал до того, как они меня снова сокрушат своей любовью. Хотя в те минуты я тоже их любил. Да, я чуть ли не варился заживо, но как же было здорово.

Я не увидел, как мистер Истербрук достал из своего похоронного пиджака рацию и что-то коротко в нее сказал. Знаю только, что мелодия из "Улицы Сезам" внезапно прервалась, а вместо нее снова заиграла "Хоки-Поки". Правую ногу вперед, правую ногу назад. Малышня тут же включилась в танец, ни на мгновение не спуская с меня глаз, чтобы не пропустить следующее движение и не отстать от остальных.

И вот опять мы все исполняем "Хоки-Поки" на перекрестке Конфетной и Леденцовой улиц. Салаги-бэйбиситтеры к нам присоединились. И будь я проклят, если к нам не присоединились некоторые родители. Я даже вильнул хвостом в такт музыке.

Бешено хохоча, детишки сделали то же самое воображаемыми хвостиками.

Когда песня закончилась, я лихо взмахнул левой лапой, мол, "за мной, ребятки!" (при этом я нечаянно так дернул хвостом, что чертова хреновина чуть не отвалилась) и повел детишек в "Корраль". Они последовали за мной с такой же охотой, с какой дети города Гамельна последовали за крысоловом. Никто уже не плакал. И это, кстати, был еще не самый лучший день моей блестящей карьеры в роли Гови, Пса-Симпатяги, хотя явно один из лучших.

Когда дети благополучно добрались до "Ковбойского Корраля" (девчушка в розовой юбочке задержалась в дверях, чтобы помахать мне на прощанье), я развернулся кругом, но мир вокруг меня, казалось, не остановился вместе со мной. Пот заливал мне глаза, заставляя двоиться "Деревню Туда-Сюда" со всем содержимым. Я закачался на задних лапах. Все представление, от первых па "Хоки-Поки" до прощального взмаха девочки в розовом, заняло минут семь — максимум девять, но я полностью вышел из строя. Не зная, что делать дальше, я затрусил обратно той дорогой, которой пришел.

— Сынок! — услышал я. — Сюда.

Это был мистер Истербрук. Он придерживал для меня заднюю дверь закуской "Колодец Желаний". Возможно, через эту дверь я и пришел — скорее всего так, но волнение помешало мне это заметить.

Он жестом пригласил меня войти, закрыл за нами дверь и расстегнул молнию на спине моего костюма. На удивление тяжелая голова Гови свалилась с моей собственной, и меня овеяла благословенная прохлада кондиционера. По моей незагорелой коже (недолго ей было суждено такой оставаться) побежали мурашки. Я сделал несколько глубоких вдохов.

— Присядь на ступеньки, — сказал он. — Через минуту я попрошу прислать за тобой кар, но сперва тебе надо отдышаться. Первые несколько выходов в роли Гови всегда трудно даются, а твое выступление было особенно утомительным. А также — совершенно выдающимся.

— Спасибо, — с трудом выдавил я. До того, как оказаться в тени-прохладе, я не осознавал, насколько близко подошел к пределу своих сил.

— Большое спасибо.

— Опusti голову, если чувствуешь, что теряешь сознание.

— Нет. Но голова у меня болит.

Я вытащил из Гови одну руку и вытер залитое потом лицо.

— Вы меня вроде как спасли.

— Максимальное время пребывания в костюме Гови в жаркий день — я говорю об июле и августе, при высокой влажности и температуре за девяносто (90f = 32c, прим. пер.), — пятнадцать минут, — сказал мистер Истербрук. — Если кто-нибудь скажет тебе что-то другое, отправляй его ко мне. И было бы неплохо, если бы ты съел пару таблеток соли. Мы хотим, чтобы летние сотрудники вкалывали как следует, но убивать вас не собираемся.

Он вытащил рацию и что-то быстро и тихо в нее проговорил.

Пять минут спустя старик снова появился в своем каре с парой таблеток анацина и бутылкой божественно холодной воды. А пока мы его ждали, мистер Истербрук опустился рядом со мной на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей к Бульвару, с такой осторожностью, что я слегка занервничал.

— Как тебя зовут, сынок?

— Девин Джонс, сэр.

— Тебя называют Джонси?

Он не стал дожидаться ответа.

— Конечно, называют. Так принято на ярмарках, а Джойленд, по сути, и есть слегка замаскированная ярмарка. Такие парки долго не заживутся. Диснейленды и Кноттс-Берри-Фармы захватят мир парков развлечений, ну разве что за исключением южной глубинки. Скажи-ка, если забыть про жару, как тебе понравился твой первый выход в мехах?

— Понравился.
— Потому что?..
— Наверно, потому, что некоторые из них плакали.

Он улыбнулся.

— И?

— Еще немного, и ревели бы уже все, но я этого не допустил.

— Да. Ты сплясал "Хоки-Поки". Гениальный ход. Откуда ты знал, что это поможет?

— А я и не знал.

Но на самом деле... знал. На каком-то уровне я это знал.

Он улыбнулся.

— Мы в Джойленде бросаем в бой новичков — наших салаг — практически без подготовки, потому что в некоторых людей, талантливых людей, это побуждает к импровизации, которую так ценим и мы, и наши посетители. Ты сейчас что-то узнал о самом себе?

— Господи, даже не знаю. Может быть. Но... Можно я кое-что скажу, сэр?

— Конечно.

Я поколебался, но решил поймать его на слове.

— Сдавать этих малышей в детскую комнату — в детскую комнату в парке развлечений — по-моему, это как-то... ну не знаю, жестоко. — И торопливо добавил, — Хотя "Деревня Туда-Сюда" вроде бы хорошее место для малышни. Им там весело.

— Ты пойми вот что, сынок. Джойленд в финансовом плюсе вот настолько. — Он чуть раздвинул указательный и большой пальцы. — Когда родители знают, что за их малышами присмотрят, хотя бы пару часов, они едут сюда всей семьей. Если бы им пришлось нанимать няню, они бы, может быть, вообще не приехали, и прощай наша рентабельность. Я понимаю, о чем ты, но у меня тоже есть свои соображения. Большинство из этих малышей раньше не бывали в таких местах. Они запомнят наш парк так же, как свой первый фильм или первый день в школе. Благодаря тебе они будут помнить не то, как рыдали, ненадолго оставленные родителями, а то, как танцевали "Хоки-Поки" с Гови, Псом-Симпатягой, появившимся как по волшебству.

— Да, наверное.

Он протянул руку — не ко мне, а к Гови. И, поглаживая мех своими скрюченными пальцами, продолжил:

— В Диснеевских парках все по сценарию, а я это ненавижу. Просто ненавижу. Я считаю, что то, что они делают там, в Орlando, — это проституирование развлечений. Я большой поклонник импровизации, и иногда я вижу настоящего гения-импровизатора. Возможно, ты тоже из них. Пока рано говорить, но да, это возможно.

Он упер руки в поясницу и потянулся. Я услышал подозрительно громкий треск.

— Подвезешь меня на каре до свалки? На сегодня я уже достаточно насиделся на солнце.

— Мой кар — ваш кар.

Поскольку Джойленд принадлежал ему, то это была чистая правда.

— Я думаю, этим летом ты часто будешь носить меха. Для большинства молодых людей это обуза, даже наказание. Но не думаю, что ты так же к этому отнесешься. Я прав?

Он был прав. С тех пор я побывал на многих работах, и мое теперешнее место — вероятно, последнее перед тем, как пенсия примет меня в свои костлявые объятия, — просто отличное. Но я никогда не чувствовал себя таким непонятно-счастливым, настолько на своем месте, как в двадцать один год, когда надевал меха и танцевал "Хоки-Поки" жарким июньским днем.

Импровизация, детка.

Мы с Томом и Эрин оставались друзьями и после того лета, и я по-прежнему дружу с Эрин, хотя теперь мы все больше общаемся по электронной почте и на "Фейсбуке" да изредка обедаем вместе в Нью-Йорке. С ее вторым мужем я незнаком. Она говорит, что он хороший парень, и я ей верю. С чего бы мне сомневаться? Восемнадцать лет ее мужем был Эталон Хорошего Парня. Вряд ли после него она выбрала какого-нибудь придурка.

Весной 1992 года у Тома обнаружили опухоль мозга.

Через полгода его уже не было. Когда он позвонил и сказал мне о диагнозе — его обычный бодрый говорок слегка приувял из-за чугунного шара, катающегося туда-сюда в голове — я был поражен и расстроен, как, наверное, любой, кто узнал, что человек в самом расцвете сил внезапно оказался на финишной прямой своей жизни. Хочется спросить: разве это справедливо? Разве Том не заслужил еще парочку хороших вещей: например, увидеть своих внуков, или съездить в тот столь желанный отпуск на Мауи?

Как-то раз в Джойленде я услышал от Папаши Аллена выражение "спалить поляну". На Языке это значит откровенно жульничать в игре, которая по идее должна быть честной. Я вспомнил об этом впервые за долгие годы, когда Том позвонил с плохими вестями.

Но рассудок старается защитить себя, как может. Когда шок от такой новости слегка уляжется, вы думаете: "Ну да, это плохо, я понимаю. Но это еще не окончательный приговор. Может быть, еще есть шанс. Даже если девяносто пять процентов тех, кто вытянул из колоды такую карту, умирает — есть ведь еще пять процентов счастливицов! И потом, доктора постоянно ошибаются с диагнозами. И вообще, случаются же чудеса!"

Ты думаешь так, а потом тебе звонят снова. Женщина на другом конце провода была когда-то красивой девушкой и бегала по Джойленду в веселеньком зеленом платице и дурацкой робин-гудовской шапочке с камерой "спид-график" в руках, и кролики, к которым она подходила, редко говорили ей "нет". Разве они могли отказать этой ярко-рыжей копне волос и сияющей улыбке?

Кто вообще мог отказать Эрин Кук?

А вот Бог отказал. Бог спалил поляну Тома Кеннеди, а заодно и поляну Эрин. Когда я взял трубку в половине шестого прекрасным октябрьским вечером в Вестчестере, голос женщины, которой стала та девушка, был полон слез и казался старым и усталым.

— Том умер сегодня в два часа дня. Мирно скончался. Говорить он не мог, но был в сознании. Он... Дев, он сжал мне руку, когда я попрощалась с ним.

— Жаль, что я не мог быть рядом, — сказал я.

— Да. — Голос ее дрогнул, но затем окреп. — Да, это было бы хорошо.

Ты думаешь: "Ну ладно, я все понимаю, я готов к худшему", но все равно цепляешься за надежду. Это-то и есть самое поганое.

Это тебя и убивает.

Я поговорил с ней, сказал, как я ее люблю и как я любил Тома, сказал, что да, я приеду на похороны, и если я чем-то могу помочь до похорон — пусть позвонит. В любое время дня и ночи. Потом я повесил трубку, опустил голову и чуть не заплакал свои чертовы глаза.

Крах моей первой любви не сравнится со смертью одного старого друга и скорбью другого, но переживал я их по одной схеме. В точности по одной и той же. И если это казалось мне концом света — сначала все эти мысли о самоубийстве (какими бы глупыми и несерьезными они ни были), а потом переворот сейсмической мощи в курсе моей жизни, прежде казавшемся незыблемым, — то вы должны понять, что мне просто не с чем было

сравнивать. Это и называется молодостью.

Июнь все тянулся, и я начал понимать, что наши с Венди отношения столь же слабы, как роза Уильяма Блейка^[8] — но отказывался верить, что эта слабость смертельна, несмотря на все более явные признаки.

Взять, к примеру, письма. В первую неделю моего пребывания у миссис Шоплоу я написал Венди четыре письма, несмотря на то, что каждый вечер поднимался в свою комнатку на втором этаже еле живой, а голова раскалывалась от новой информации и свежих впечатлений (я чувствовал себя студентом, в середине семестра вынужденным брать штурмом сложную дисциплину — назовем ее "Расширенная теория веселья"). Все, что я получил в ответ — почтовая карточка с видом на парк Бостон-Коммон и весьма специфическим совместным посланием на обороте. В верхней части незнакомым мне почерком было начертано: "Венни пишет, Ренни рулит!" Почерк, которым была сделана надпись чуть ниже, я узнал. Венди — или Венни, если вам так больше нравится (мне — нет) — писала: "Уииии! Мы девчонки-продавщицы на Кейп-Код сегодня мчимся! Тусовка! Хупси-пупси дэнс! Не волнуйся я держала руль, когда Рен писала свою часть. Надеюсь у тебя все хорошо. В."

"Хупси-пупси дэнс"? "Надеюсь, у тебя все хорошо"? Ни тебе "люблю", ни "скучаешь по мне?" — только лишь "надеюсь, у тебя все хорошо"? И хотя открытка, судя по неровному почерку и кляксам, писалась в машине Рене (у Венди машины не было), обе они, похоже, были пьяными или обкуренными. На следующей неделе я написал еще четыре письма, в одно из которых вложил фотографию в мехах, которую сделала Эрин.

Венди не ответила.

Сначала ты переживаешь, потом догадываешься, и, в конце концов, знаешь наверняка.

Даже если не хочешь, даже если убеждаешь себя, что любящие сердца, подобно докторам, вечно ставят ложные диагнозы — в глубине души ты знаешь.

Я дважды пытался дозвониться до нее. Оба раза отвечал один и тот же сердитый женский голос. Его обладательница, как мне казалось, носила строгие очки и старушачье платье до пят. И не пользовалась помадой. В первый раз она ответила: "Ее нет, вышла с Рен". Во второй раз — "Ее нет и не будет. Съехала".

— Съехала куда? — спросил я, встревожившись. Дело было в гостиной особняка миссис Шоплоу. За телефоном висела табличка совести, куда звонивший по межгороду должен был записывать свое имя и продолжительность разговора. Мои пальцы так сильно сжимали старомодную трубку, что онемели. Венди держалась на лоскутном ковре-самолете из стипендий, займов и подработок, так же, как и я. Она не могла позволить себе жить отдельно. По крайней мере, без посторонней помощи.

— Не знаю и мне плевать, — ответила Бука. — Я уже устала ото всех этих пьянок и девичников в два часа ночи. Некоторым из нас иногда нужно спать — звучит странно, но это так.

Мое сердце заколотилось так сильно, что запульсировало в висках.

— Рене уехала с ней?

— Нет, они поссорились. Из-за того парня. Того, что помогал Венни собирать вещи.

Она произнесла ее имя с явным презрением, от чего у меня скрутило живот. Из-за этого, а не из-за слов про какого-то там парня — ведь ее парнем был я. Если какой-то новый приятель, с которым она познакомилась на работе, помог ей с переездом — что мне с того? Конечно, у нее могут быть приятели. У меня же есть по крайней мере одна приятельница, ведь так?

— Рене там? Я могу поговорить с ней?

— Нет, у нее свидание.

Должно быть, Бука, наконец, сообразила, что к чему, потому что в ее голосе внезапно послышался интерес.

— Эй, а тебя не Девин зовут?

Я повесил трубку — не планировал так поступать, просто вдруг повесил и все. Я твердил себе, что мне только почудилось, будто бы Ворчунья вдруг превратилась в Веселушку — как если бы у них там ходил какой-то анекдот, героем которого был я. Кажется, я уже говорил, что разум огораживается защитными стенами до последнего.

Три дня спустя я получил единственное письмо, которое тем летом написала мне Венди Кигэн. Последнее письмо. Написала она его на особой бумаге с фигурным обрезом. На листах веселые котята резвились с клубками пряжи. Много позже я подумал, что на такой бумаге вполне могла писать и пятиклассница.

На трех сумбурных страницах Венди писала, что очень сожалеет, что она долго боролась с искушением, но побороть не смогла, что она понимает, какую причиняет мне боль и что, наверное, мне некоторое время не стоит ей звонить и просить о встрече, что как только пройдет первичное потрясение, мы сможем остаться хорошими друзьями, что парень он чудесный, студент Дартмутского колледжа, что он играет в лакросс и что, может быть, она даже его со мной познакомит в начале осеннего семестра. И т.д. и т.п., черт ее дерит.

Той ночью я плюхнулся на песок в пятидесяти ярдах от Пляжного пансиона миссис Шоплоу с целью хорошенько надраться. Не такое уж дорогое удовольствие, подумал я: в те дни мне вполне хватало шести банок пива, чтобы напиться в стельку. Через некоторое время ко мне присоединились Том с Эрин, и мы — три джойлендских мушкетера — сидели вместе и смотрели на волны.

— Что не так? — спросила Эрин.

Я пожал плечами, мол, да так, ерунда, но ерунда обидная. — Меня бросила девушка. Письмо прислала. "Дорогой Джон, солдатик мой" и все такое.

— Только в твоём случае не "Дорогой Джон", а "Дорогой Дев", — сказал Том.

— Да прояви ты сочувствие, — упрекнула его Эрин. — Деву грустно и больно, но он старается этого не показывать. Сам, что ли, не понимаешь?

— Понимаю, — сказал Том. Он приобнял меня за плечи и прижал к себе. — Сочувствую тебе, дружище. От тебя веет болью, словно ледяным канадским ветром. Или даже арктическим. Можно мне пива?

— Конечно.

На берегу мы просидели долго. Эрин деликатно расспрашивала меня о случившемся, и я кое-что ей рассказал. Кое-что, но не всё. Мне было грустно и больно, но тут было нечто большее, о чем я рассказывать не хотел. Отчасти из-за веры моих родителей в то, что выплескивать свои чувства на других — верх неприличия, но в основном потому, что я сам ужаснулся глубине своей ревности. Я даже не хотел, чтобы Том с Эрин догадались о существовании этого прожорливого червячка (он, видите ли, из Дартмута; наверное, вступил в самое престижное братство, и водит "Мустанг", который его родители подарили ему на окончание школы).

Но ревность — еще не самое худшее. Худшим оказалось понимание того, что впервые за всю мою жизнь меня по-настоящему отвергли. Той ночью я только начал это осознавать.

Она-то меня разлюбила, а вот я ее — еще нет.

Эрин тоже взяла себе пива и подняла руку.

— Давайте выпьем за следующую девушку Дева. Мы пока не знаем, кто она, но день вашей встречи будет самым счастливым в ее жизни.

— Вот-вот, — поддакнул Том, подняв свою банку. И, будучи Томом, добавил:

— А прежней — от ворот поворот.

Не думаю, что они осознали (той ночью, да и вообще), как сильно пошатнулась подо мной земля. Каким я был потерянным. Я им и не сказал: признаться в таком казалось мне не просто неловким, но постыдным. Я заставил себя улыбнуться и выпил вместе с ними.

Хорошо хоть, что пить пришлось не в одиночку, поэтому утром разбитому сердцу не поддакивала хмельная голова. Когда мы пришли в Джойленд, Папаша Аллен сказал, что носить меха мне придется в три пятнадцатиминутных захода между тремя и пятью часами. Поворчал я скорее для приличия (ведь известно, что носить меха не нравится никому), а на самом деле обрадовался. Мне нравилось, как меня обступает малышня, а в последующие несколько недель я видел в роли Гови некую горько-сладкую иронию. Иду я, значит, по Джойленд-авеню, виляю хвостом — за мной бегут толпы радостных детишек — и думаю: неудивительно, что Венди меня бросила. Ее новый парень учится в Дартмуте и играет в лакросс, тогда как ее бывший проводит лето в третьесортном парке развлечений. В роли собаки.

***

Лето в Джойленде

Я управлял аттракционами. "Обновлял шалманы" по утрам — то есть выставлял новые призы — и стоял за кассой некоторых из них по вечерам. Распутывал десятки "Дьявольских машин", учился поджаривать тесто, а не собственные пальцы, работал над речевкой для "Каролинского колеса". Вместе с другими новичками пел и плясал на сцене "Деревни "Туда-Сюда".

Несколько раз Фред Дин поручал мне "вычистить центральную аллею" — признак настоящего доверия, ведь это означало собирать выручку из киосков, обычно в полдень или в пять вечера. Я совершал вылазки в Хэвенс-Бэй и Вилмингтон, когда ломалась какая-нибудь железка, и оставался допоздна по средам (обычно с Томом, Джорджем Престоном и Ронни Хьюстоном), когда нужно было заменить масло в "Чашках-вертушках" или в жутком головокружительном монстре под названием "Застежка". Оба аттракциона пили масло с жадностью верблюдов, добравшихся до очередного оазиса. И, конечно же, я носил меха.

Несмотря на все это, я почти не спал. Иногда лежал в своих старых, замотанных изолентой наушниках и слушал записи "Дорз" — особенно мне понравились такие жизнерадостные композиции, как "Машины шумят за окном", "Оседлавшие бурю" и, разумеется, "Конец". А когда даже голосу Джима Моррисона и загадочным переливам клавишных Рэя Манзарека не удавалось меня успокоить, я на цыпочках спускался вниз по лестнице и гулял по пляжу. Раз или два я засыпал прямо там. С другой стороны, если уж я засыпал, то не страдал от кошмаров. Сны в то лето мне вообще не снились.

Когда я брился по утрам, то видел мешки под глазами. Иногда, после особо сложного па в образе Гови (дни рождения в дурдоме-парилке "Ковбойского корраля" — сущий ад), у меня кружилась голова. Но в головокружениях не было ничего страшного: мистер Истербрук о них предупреждал. Минута отдыха на свалке вновь приводила меня в чувство. В общем и целом, я считал, что, как сейчас говорят, держу марку. В первый понедельник июля, за два дня до Праздника, я понял, что ошибался.

Как обычно по утрам наша бригада собралась у шалмана Папаши Аллена. Папаша раздал нам задания, не переставая при этом выкладывать воздушки на прилавок. Обычно все начиналось с таскания коробок с призами (в основном сделанных в Тайване) и размещения призов на полках. Занимались мы этим до Первой Калитки (так мы называли время открытия парка). Но в то утро Папаша мне сказал, что я нужен Лэйну Харди. Удивительное дело, ведь обычно Лэйн вылезал со свалки лишь за двадцать минут до Первой Калитки. Я уж было направился туда, но Папаша меня окликнул.

— Да не, он у своего хренолифта, — так Папаша презрительно называл «Колесо», удостоверившись, что Лэйна при этом поблизости нет. — Дуй быстрее, Джонси. У нас сегодня много работы.

Я дунул, но у «Колеса» никого не оказалось: оно лишь одиноко и безмолвно вздымалось ввысь в ожидании первых посетителей.

— Сюда, — позвал меня женский голос. Я повернулся и увидел Роззи Голд. В полном боевом облачении провидица стояла у своего украшенного звездами шалмана. На голове у нее красовался ярко-синий шарф, конец которого доставал ей чуть ли не до поясницы. Рядом с ней стоял Лэйн в своих обычных шмотках: джинсах и облегающей майке, прекрасно подчеркивающей его внушительные окорока. Котелок на голове сидел, как обычно, под лихим углом. Увидев Лэйна впервые, вы бы подумали, что мозгов у него с гулькинос, хотя с мозгами там все было в порядке.

Рабочие наряды и похоронные лица... Я быстренько прокрутил в голове последние несколько дней в попытке понять, в чем, собственно, я провинился. Я даже подумал, что Лэйну сказали временно меня отстранить... или даже уволить.

Но почему в самый разгар лета? И разве не Фред Дин или Бренда Рафферти должны этим заниматься? Да и при чем тут Роззи?

— Кто-то умер? — спросил я.

— Не ты — и ладно, — ответила Роззи. Она уже входила в образ, поэтому прозвучало довольно смешно: полу-Бруклин, полу-Трансильвания.

— А?

— Давай пройдемся, Джонси, — сказал Лэйн и тут же двинулся по центральной аллее парка, которая за девять минут до Первой Калитки была довольно пустынной. Лишь там и сям виднелись уборщики (на Языке их называли газунами, и вряд ли хоть один из них мог похвастаться грин-картой). Они подметали вокруг киосков, хотя по идее сделать это полагалось еще ночью. Когда я поравнялся с Роззи и Лэйном, Роззи отошла в сторону, и я оказался между ними. Ни дать, ни взять жулик, которого полицейские ведут в каталажку.

— В чем дело?

— Увидишь, — зловеще ответила Фортуна-Роззи, и вскоре так и случилось. Рядом с "Домом страха" находился "Зеркальный дворец Мистерио". У будки шалмача стояло обычное зеркало, вывеска над которым гласила: ВОТ ТАК ВЫ ВЫГЛЯДИТЕ НА САМОМ ДЕЛЕ. НЕ ЗАБУДЬТЕ. Лэйн взял меня под одну руку, Роззи — под другую. Теперь уж я точно почувствовал себя воришкой, которого вот-вот засунут в обезьянник. Они подвели меня к зеркалу.

— Что видишь? — спросил Лэйн.

— Себя вижу, — ответил я, и, почувствовав, что такого ответа недостаточно, добавил:

— Мне уже стричься надо.

— На одежду свою посмотри, дурачок, — сказал Роззи.

Я посмотрел. Над желтыми рабочими ботинками я увидел джинсы (из заднего кармана торчали порекомендованные мне перчатки из сыромятной кожи), а над джинсами — синюю рабочую рубашку, слегка полинявшую, но вполне чистую. На голове у меня была восхитительно потертая пёсболка, тот самый финальный штрих, который значит так много.

— А что с одежкой? — спросил я. Меня все это дело уже начинало раздражать.

— Она ж вся на тебе висит, разве нет? — сказал Лэйн. — Раньше такого не было. Насколько ты похудел?

— Блин, я не знаю. Надо бы сходить к Толстяку Уолли (он у нас заведовал лавочкой "Угадай-свой-вес").

— Ничего смешного, — сказала Фортуна. — Нельзя целыми днями расхаживать на солнцепеке в собачьем костюме, а потом принимать две таблетки соли и считать это обедом. Скорби по своей утерянной любви сколько хочешь, но не забывай при этом есть. Ешь, черт тебя дер!

— С вами кто-то разговаривал? Том? — Нет, Том вряд ли. — Эрин. Не стоило ей лезть...

— Никто со мной не разговаривал, — ответила Роззи, вытянувшись во весь свой "внушительный" рост. — У меня дар зрения.

— Насчет зрения не знаю, а вот самоуверенности вам не занимать.

Тут Фортуна снова стала Роззи.

— Да я не о том зрении, деточка, а об обычном, женском. Думаешь, я не узнаю с первого взгляда сгорающего от любви Ромео? После стольких-то лет чтения по ладоням и гадания на кристаллах? Ха!

Она сделала шаг ко мне (пропустив вперед свою внушительную грудь).

— Меня твоя любовная жизнь не интересует — я просто не хочу, чтобы Четвертого июля тебя отвезли в больницу с тепловым обмороком или чем-то похуже. Ведь обещают, что в тени будет не меньше девяноста пяти градусов (95f = 35c, прим. пер.).

Лэйн снял котелок, посмотрел в него и водрузил обратно уже под другим углом.

— Нашей Фортуне ее репутация резкой дамы не позволяет выразиться напрямую, но ведет она вот к чему: ты нам всем нравишься, парень. Ты быстро учишься, делаешь, что говорят, ты честный и покладистый. Когда ты в мехах, детишки по тебе просто с ума сходят. Но только слепой может так себя запустить. Роззи думает, что дело в девушке. Может, она и права, а может, и нет.

Роззи надменно на него посмотрела, мол, "не смей мне перечить".

— Может, твои родители разводятся. Когда развелись мои, я едва не умер. А может, твоего старшего брата арестовали за торговлю дурью...

— Моя мама умерла, и я единственный ребенок в семье.

— Мне всё равно, кто ты в обычном мире, — сказал Лэйн. — Но сейчас ты в Джойленде, стране вечного шоу. Ты теперь один из нас, и мы имеем право о тебе заботиться, нравится тебе это или нет. Так что начинай есть.

— И побольше, — добавила Роззи. — Сейчас, в полдень — да когда угодно. И, пожалуйста, ешь что-нибудь кроме жареных цыплят, у которых в каждой ножке сидит по сердечному приступу. Сходи в "Лобстер" и попроси их дать тебе порцию рыбы с салатом. Даже двойную. Набери вес, чтобы не походить на Человека-Скелета из балагана уродцев. — Тут она повернулась к Лэйну. — Конечно же, дело в девушке. Это сразу видно.

— Что бы это ни было, кончай, бля, хандрить, — сказал Лэйн.

— Негоже так выражаться в присутствии дамы, — сказала Роззи, уже в образе Фортуны. Скоро она выдаст что-нибудь вроде "этого хотят ду-ухи".

— Не капай на мозги, — буркнул Лэйн и пошел к "Колесу".

Едва он скрылся, я посмотрел на Роззи. До Образа Матери ей, конечно, далековато, но пришлось довольствоваться тем, что есть.

— Роз, а что, все уже знают?

Та покачала головой.

— Нет. Для большинства старожилков ты всего лишь еще один салага-разнорабочий... хотя, конечно, не такой зеленый, каким ты был три недели назад. Но многим здесь ты нравишься, и они видят: что-то не так. Твоя подружка Эрин, к примеру.

Или твой друг Том. Я тоже твой друг, и как друг тебе говорю: сердцу ты помочь ничем не можешь — вылечить его способно лишь время. А вот телу ты можешь помочь. Ешь!

— Прямо как в шутках про еврейскую мамочку.

— Я и есть еврейская мамочка, и поверь мне, я не шучу.

— Наверное, я сам — шутка. Она у меня из головы не выходит.

— Тут вряд ли можно чем-то помочь, по крайней мере, пока. А вот кое-какие другие мысли тебе стоит отогнать подальше.

Не знаю, отвисла у меня челюсть или нет, но глаза я вылупил.

Гадалки с таким большим стажем, как у Роззи Голд (на Языке их называют "перчатками" за их умение гадать по ладони) с годами так хорошо узнают человеческую природу, что люди иногда принимают их слова за телепатию. В основном, конечно, все дело в обычной наблюдательности

Хотя и не всегда.

— Не понял.

— Завязывай с этими своими мрачными песенками, ты меня понял?

От одного взгляда на мое ошарашенное лицо она рассмеялась.

— Роззи Голд — всего лишь еврейская мамочка и бабушка, зато мадам Фортуна видит многое.

Как и моя хозяйка. Потом уже, в Хэвенс-Бэй, я увидел, как миссис Шоплоу обедает с мадам Фортуной (в один из редких выходных провидицы) и узнал, что они, оказывается, близкие подруги и знакомы много лет. Миссис Шоплоу раз в неделю убирала мою комнату и могла увидеть пластинки с "мрачными песенками". Что же до остального — тех самых пресловутых помыслов о самоубийстве — то разве не может женщина, которая большую часть жизни проводит за созерцанием людской природы и улавливанием психологических намеков (на Языке и в покерном мире их называют «знаками») догадаться, что недавно брошенный девушкой молодой человек склонен баловаться мыслями о таблетках, веревках и океанских волнах?

— Буду есть, — пообещал я. До Первой Калитки предстояло переделать еще уйму дел, но сейчас мне просто хотелось оказаться от нее подальше, пока она не сказала чего-нибудь действительно возмутительного вроде "Её-ё зову-ут Ве-енди, и ты все еще ду-умаешь о ней, когда мастурби-ируешь".

— А еще выпивай большой стакан молока перед сном. — Она назидательно подняла палец. — Не кофе. Молока. Поможет уснуть.

— Попробую, — сказал я.

Фортуна исчезла и вернулась Роззи.

— В день нашей первой встречи ты спросил, не вижу ли я в твоём будущем темноволосой красавицы. Помнишь? Что я тогда ответила?

— Что она в моем прошлом.

Роззи энергично и со значением кивнула.

— И это так. А когда тебе захочется позвонить ей и умолять о втором шансе, прояви твердость. Имей толику самоуважения. А еще помни, что междугородние звонки стоят дорого.

Будто я сам не знаю.

— Слушайте, Роз, мне пора. Работы куча.

— Да, у нас впереди тяжелый день. Но, Джонси, пока ты не ушел, скажи, ты уже встретил мальчика? Мальчика с собакой? Или девочку в красной кепке и с куклой? Я тогда тебе о них тоже говорила.

— Роз, за последние недели я встретил миллион...

— Нет, значит. Ладно. Еще встретишь. — Тут она отставила нижнюю губу и сдула со лба выбившуюся из-под шарфа прядь. Потом схватила меня за запястье.

— В твоём будущем я вижу опасность. Опасность и скорбь.

Я уже подумал, что она прошепчет что-нибудь вроде "Берегись черного незнакомца! На моноцикле!", но она просто указала на "Дом страха".

— Какая бригада заведует той мерзкой дырой? Не твоя, так ведь?

— Нет. Бригада "Доберман". — Также Доберманы заправляли близлежащими шалманами: "Зеркальным дворцом Мистерио" и "Музеем восковых фигур". Все три заведения представляли довольно прохладный кивок Джойленда в сторону старых ярмарочных страшилок.

— Очень хорошо. Держись от него подальше. Там живет призрак, а парню с мрачными мыслями такие места подходят не больше мышьяка в супе. Сечешь?

— Ага. — Я посмотрел на часы.

Она поняла намек и отступила.

— Высматривай тех детишек. И будь осторожен, деточка. Над тобой простерлась тень.

Лэйн и Роззи дали мне хорошую встряску, должен признать. Я не перестал слушать "Дорз" — во всяком случае, не сразу, но по крайней мере заставлял себя есть побольше и поглощал три молочных коктейля в день. Я чувствовал, как свежие силы вливаются в мое тело, как будто кто-то открыл кран, и был за это очень благодарен утром Четвертого июля. Джойленд был набит под завязку, и мне пришлось надевать меха десять раз — абсолютный рекорд.

Фред Дин лично принес мне расписание и записку от старого мистера Истербрука. "Если станет слишком трудно, сразу же прекращай и попроси бригадира найти тебе замену".

— Все будет нормально, — сказал я.

— Может быть, но покажи записку Папаше.

— Ладно.

— Ты Брэду нравишься, Джонси. Это редкий случай. Обычно он не замечает салаг, пока те не облажаются.

Мне он тоже нравился, но Фреду я этого не сказал. Побоялся, что он сочтет меня подлизой.

Все мои смены Четвертого июля были десятиминутками — не так уж плохо, несмотря на то, что большинство из них оборачивалось пятнадцатиминутками, но жара была зверская: девяносто пять^[9] в тени, как сказала Роззи. Но к полудню термометр у трейлера паркового управления показывал все сто два^[10]. К счастью для меня, Дотти Лассен зашила второй костюм Гови размера XL, и я мог надевать их по очереди. Пока я был в одном, Дотти выворачивала второй наизнанку, насколько это было возможно, и вешала перед тремя вентиляторами, чтобы пропитанная потом подкладка немного просохла.

По крайней мере, я мог снимать меха сам: к тому времени я обнаружил секрет. Правая лапа Гови на самом деле была перчаткой, и если знать об этом, расстегнуть молнию на шее было нетрудно. Если суметь стащить голову, остальное уже получалось легко и просто. И это было хорошо, потому что теперь я мог переодеваться сам за занавеской, не демонстрируя пропотевшие, полупрозрачные трусы костюмершам.

В этот звездно-полосатый вечер Четвертого июля меня освободили от всех прочих обязанностей. Отработав свой выход, я возвращался в Подземку и валился на старую тахту на свалке, упиваясь прохладой от кондиционеров. Немного ожив, пробирался задворками к костюмерной и менял одни меха на другие. Между сменами я пинтами поглощал воду и квартами — ледяной чай без сахара. Вряд ли вы поверите, что мне все это нравилось, но так и было. Даже самые противные дети в тот день были от меня в восторге.

Итак, без четверти четыре я пляшу на Джойленд Авеню под оружий из колонок "Чика-бум, чика-бум, правда, классно?" Дэдди Дьюдропа. Я обнимаю детишек направо и налево, раздаю взрослым купоны "Августовский Атас", потому что к концу лета дела в Джойленде всегда шли похуже. Я позирую для фото (часть их делают Голливудские Девушки, но большинство — потные, измученные солнцем Папы-Папарацци), и восторженные детишки следуют за мной, как хвост за кометой. А заодно поглядываю, где тут ближайший вход в Подземку, потому что я уже чуть живой. На сегодня мне осталось одно выступление в роли Гови, потому что Пес-Симпатяга не показывает своих голубых глаз и ушей торчком после заката. Даже не знаю, почему, — просто такова была традиция.

Заметил ли я девочку в красной кепке до того, как она упала, корчась в судорогах, на раскаленный асфальт Джойленд-авеню?

Мне кажется, что да, но я не уверен, потому что время порождает ложные воспоминания и изменяет настоящие. Я точно не заметил ни "Лайское наслаждение", которым она размахивала, ни красную пёсболку: ребенок с хот-догом в парке развлечений — зрелище отнюдь не уникальное, и в тот день мы, наверно, продали не меньше тысячи красных кепок с Гови. Если я и обратил на нее внимание, то из-за куклы, которую она прижимала к груди рукой, свободной от заляпанного горчицей "Наслаждения". Это была обычная тряпичная кукла. Всего за два дня до того Мадам Фортуна сказала, что я увижу девочку с куклой, так что, наверно, я все же ее заметил. А может, просто думал, как бы поскорей свалить, пока не упал в обморок. В любом случае, проблема была не в кукле. "Лайское наслаждение" — вот в чем была проблема.

Мне только кажется, что я помню ее бегущей ко мне (как и все дети), но я точно знаю, что и почему случилось потом.

Во рту у нее был кусок сосиски, и когда девочка набрала воздуха, чтобы завопить "Гови-и-и-и!!!", он проскочил в горло.

Хот-доги — идеальная еда, чтобы подавиться. К счастью для нее, у меня в голове застряло достаточно Роззиной лапши, и я сразу начал действовать.

Когда у девочки подкосились колени и восторг на лице сменился сначала удивлением, а потом ужасом, я уже нашаривал лапой-перчаткой язычок молнии за спиной. Голова Гови свалилась с моей и свесилась набок, открыв красную физиономию и слипшиеся от пота волосы мистера Девина Джонса. Девочка уронила куклу. Кепка упала с ее головы. Она начала царапать ногтями шею.

— Хэлли! — закричала женщина. — Хэлли, что с тобой?

И вот еще один пример везения: я не только знал, что с ней; я знал, что делать. Не уверен, что вы понимаете, насколько счастливым было такое стечение обстоятельств. Речь идет о 1973-ем годе, и пройдет еще целый год, прежде чем Генри Геймлих опубликует статью, которая даст название знаменитому методу. Однако с точки зрения простого здравого смысла это всегда был самый эффективный способ спасения задыхающегося человека, и нас обучили ему во время первого и единственного ознакомительного занятия перед началом работы в столовке. Его проводил закаленный ветеран ресторанных войн, потерявший свою кофейню в Нашуа через год после того, как поблизости появился "Макдональдс".

"Помните: если не давить сильно, ничего не получится, — сказал он нам. — Не бойтесь сломать ребро, если человек умирает у вас на глазах".

Я увидел, как побагровело лицо девочки, и даже не вспомнил о ее ребрах. Заключив ее в медвежьи объятия, я прижал левую лапу к тому месту, где сходятся аркой нижние ребра, нажал изо всех сил, и выпачканный желтым кусок хот-дога почти в два дюйма длиной выскочил у нее изо рта, как пробка из бутылки шампанского. Он пролетел фута четыре. И нет, я не сломал ей ни одного ребра. Дети не такие уж хрупкие, благослови их Бог.

Я не замечал, что нас с Хэлли Стэнсфилд — так звали девочку — окружает растущая толпа взрослых. И уж конечно, не замечал, что нас фотографируют со всех сторон, в том числе Эрин Кук, чье фото потом попало в "Хэвенс-Бэй Уикли" и несколько газет покрупнее, таких как "Вилмингтон Стар Ньюз". Этот снимок в рамке и сейчас валяется у меня где-то на чердаке. На нем маленькая девочка зажата в объятиях диковинного гибрида, человека-собаки, одна из голов которого покоится у него на плече. Девочка тянет руки к матери — Эрин сумела поймать то самое мгновение, когда мать рухнула перед нами на колени.

Все это смешалось в моей памяти, но я помню, как мать подхватила девочку на руки, а отец сказал: "Парень, ты ведь ей жизнь спас". И я помню, — причем кристально четко, — как девочка взглянула на меня своими голубыми глазами и сказала: "Бедный Гови, у тебя голова отвалилась!"

Все знают старый классический газетный заголовок — "ЧЕЛОВЕК УКУСИЛ СОБАКУ"^[11]. Заголовок "Стар-Ньюс", конечно, с ним сравниться не мог, но тоже звучал как надо: "В ПАРКЕ РАЗВЛЕЧЕНИЙ СОБАКА СПАСЛА ДЕВОЧКУ".

Хотите знать, каким был мой первый порыв? Вырезать статью и отправить ее Венди Кигэн. И я почти наверняка сделал бы это, не выгляди я на снимке Эрин мокрой ондатрой. В итоге я послал вырезку отцу, который потом позвонил и сказал, как сильно гордится мной. Дрожь в его голосе говорила о том, что он едва сдерживает слезы.

— Господь сделал так, чтобы ты оказался в нужное время в нужном месте, Дев, — сказал он.

Может, он. Может, Роззи Голд, она же мадам Фортуна.

А может, и то, и другое.

На следующий день меня вызвали в кабинет мистера Истербрука. Сосновые стены кабинета пестрели старыми ярмарочными плакатами и фотографиями. Мой взгляд особенно зацепил снимок, на котором зазывала в соломенной шляпе и со щеголеватыми усами стоял рядом с силомером. Рукава его белой рубашки были закатаны. Он опирался на кувалду, точно на трость — сущий пижон. На верхушке силомера, рядом со звонком, висела табличка со словами: "ПОЦЕЛУЙТЕ ЕГО, ЛЕДИ, ОН — НАСТОЯЩИЙ МУЖИК!"

— Это вы? — спросил я.

— Именно так. Хотя проработал я на силомере всего сезон. Такие штуки не в моем вкусе. Никогда не любил дешевые балаганы. Присядь, Джонси. Может, колы или еще чего-нибудь?"

— Нет, сэр. Я в порядке.

У меня и так утренние молочные коктейли уже чуть ли из ушей не лились.

— Буду откровенен. Своим вчерашним поступком ты отрекламировал наш парк тысяч на двадцать, но я все равно не могу дать тебе премию. Если бы ты знал... впрочем, неважно.

Он наклонился вперед.

— Зато я могу оказать тебе услугу. Когда что-то понадобится, только скажи. Если в моих силах будет исполнить твоё желание, я его исполню. Идет?

— Конечно.

— Хорошо. И не мог бы ты еще раз показаться перед публикой — в образе Гови — с этой девочкой? Ее родители хотят отблагодарить тебя лично, но реклама пойдет Джойленду только на пользу. Если, конечно, ты не против.

— Когда?

— В субботу, после дневного парада. Мы установим сцену на пересечении Песьей тропы и Джойленд-авеню. Пригласим газетчиков.

— Почту за честь.

Признаюсь, мне была приятна идея вновь оказаться в заголовках газет. Мои эго и самооценка тем летом здорово пошатнулись, и я цеплялся за любую возможность как-то поправить положение дел.

Он поднялся на ноги — как обычно, выглядел при этом хрупко и неуверенно — и протянул мне руку.

— Еще раз спасибо. Не только от имени девочки, но и от имени всего парка. Бухгалтеры, сводящие дебет и кредит моей чертовой жизни, будут просто счастливы.

На выходе из офиса, который — наряду с остальными административными зданиями — находился в месте, которое мы называли задним двором, я столкнулся со своей бригадой. В полном составе: даже Папаша Аллен пришел.

Эрин в своем зеленом платье сделала шаг вперед. В руках она держала сверкающий лавровый венок, вырезанный из консервных жестянок. Она припала на колено и произнесла:

— Это — тебе, мой герой.

Я думал, что загар помешает мне покраснеть, однако выяснилось, что это не так.

— Господи, вставай.

— Спасителю маленьких девочек, — добавил Том Кеннеди. — И спасителю нашего общего места работы, который избавил парк от судебных преследований и возможного закрытия.

Эрин вскочила на ноги, водрузила нелепую жестяную корону на мою макушку и смачно меня чмокнула. Все члены "Гончей бригады" зашлись восторженными возгласами.

— Что ж, — сказал Папаша, когда все успокоились. — Думаю, все согласны с тем, что ты, Джонси, рыцарь в сияющих доспехах. Но, должен добавить, не первый, кто спасает лоха в этом парке — так что, может, вернемся к работе?

Меня это устраивало. Знаменитостью быть приятно... но и подтекст этой смешной короны от меня не ускользнул: не зазнавайся.

Я был в мехах в ту субботу на самодельной платформе в центре главной аллеи. Я был счастлив, держа на руках Хэлли — и она тоже, несомненно, была счастлива. Думаю, было отснято не меньше девяти миль фотопленки, на которой девочка не уставала кричать, как сильно она любит своего ненаглядного песика, и раз за разом целовать его на радость фотоаппаратам.

Эрин со своей камерой поначалу стояла в первом ряду... но другие фотографии — все мужчины — были крупнее и сильнее. Вскоре ее оттеснили на менее выгодную позицию, и ради чего? Ради того, что Эрин к тому времени уже успела запечатлеть: моей фотографии со снятой песьей головой. Впрочем, этого на параде так и не произошло — хотя я был уверен, что, сними я голову, ни Фред, ни Лэйн, ни мистер Истербрук наказывать меня не станут. Этого не произошло потому, что такой поступок нарушил бы негласную парковую традицию: Гови никогда не скидывает меха на публике.

Я нарушил эту традицию, когда Хэлли Стэнсфилд стала задыхаться, но то было вынужденное исключение. Сознательно я нарушать ее не собирался.

Так что, думаю, я все-таки стал ярмарочником (пусть и не потомственным — этому уже не бывать никогда).

Чуть позже, уже в своих шмотках, я встретился с Хэлли и ее родителями в джойлендском центре обслуживания клиентов. Вблизи я заметил, что мать девочки беременна вторым ребенком — впереди ее ждали еще три или четыре месяца дружбы с мороженым и солеными огурцами. Она обняла меня и вновь чуть всплакнула.

Хэлли все это не слишком интересовало. Она сидела на пластиковом стульчике, болтала ногами и разглядывала старые выпуски "Большого экрана", произнося имена знаменитостей голосом королевского пажа, объявляющего о прибытии благородных особ. Я погладил маму Хэлли по спине и сказал пару успокаивающих слов. Отец не плакал, но когда он подошел ко мне и протянул чек на пять сотен долларов, выписанный на мое имя, я заметил, что его глаза тоже увлажнились. Когда я спросил, чем он занимается, он ответил, что в прошлом году основал свою собственную фирму — "небольшую, но уже неплохо стоящую на ногах". Я принял это к сведению, и, учитывая одного ребенка, который сидел рядом, и другого, который скоро появится на свет, порвал этот чек. Я сказал ему, что не могу взять деньги за то, что выполнял свои прямые обязанности.

Мне был двадцать один год, не забывайте.

У летних работников в Джойленде не было постоянных выходных: нам полагалось полтора выходных каждые девять дней, поэтому выпадали они на разные дни недели. Записываться приходилось заранее, и в основном у нас с Томом и Эрин получалось отдыхать вместе. Именно поэтому мы сидели в ту августовскую среду на пляже у костра и ели пищу, способную насытить лишь молодых: гамбургеры, чипсы и капустный салат. На десерт у нас были маршмеллоу-сэндвичи (Эрин поджарила их на гриле, который она стащила — на время, разумеется — из лавочки "Мороженое и вафли Пирата Пита"). Получилось неплохо.

Мы видели цепь других огней — больших костров и костерков для готовки — растянувшуюся по пляжу до мерцающего вдалеке Джойленда. Они походили на россыпь драгоценных камней. В нашем двадцать первом веке такие костры на пляжах разжигать, скорее всего, запрещено: власть имущие любят выносить за рамки закона красоту, которую создают обычные люди. Уж не знаю, почему дела обстоят именно так, но так оно и есть.

За едой я с ними поделился предсказанием мадам Фортуны о мальчике с собакой и маленькой девочке в красной кепке и с куклой в руках. Напоследок сказал: "Одно сбылось — одно осталось".

— Ух ты, — сказала Эрин. — Может, она и правда медиум. Мне уже многие говорили, но я как-то...

— И кто же? — любопытствовал Том.

— Ну... к примеру, Дотти Лассен из костюмерной. А еще Тина Акерли, в смысле, библиотекарша, которая каждую ночь прокрадывается к Деву в комнату.

Я показал ей палец. Она хихикнула.

— Двое — не так уж и много, — изрек Том голосом Понтового Профессора.

— С Лэйном будет трое, — сказал я. — По его словам, иногда она рассказывает людям такое, что буквально с ног их сбивает. — А потом не выдержал и добавил:

— Он, правда, еще говорит, что девяносто процентов ее предсказаний — полный бред.

— Скорее девяносто пять, — вставил Понтовый Профессор. — Предсказание будущего — сущее жульничество, дети мои. То бишь, выражаясь на Языке, "Айки Хейман". Возьмем, к примеру, кепки. Джойлендские пёсболки бывают только трех цветов: красного, синего и желтого. Красные — самые популярные. А кукла... А что кукла? Сколько малышей приносят с собой какую-нибудь игрушку в парк развлечений? Место незнакомое, а любимая игрушка придает уверенности. Если бы та девочка не подавилась хот-догом прямо у тебя перед носом, а просто бы пообнималась с Гови и пошла дальше, то ты бы увидел другую малышку в красной пёсболке и с куклой в руках и воскликнул бы: "Ага! Мадам Фортуна действительно видит будущее, надо бы посеребрить ей ручку, чтобы она мне еще чего-нибудь предсказала".

— Ну ты и циник, — сказала Эрин и ткнула Тома локтем. — Роззи Голд никогда не просит денег.

— Она и не просила, — сказал я, но подумал, что Том, в общем-то, мыслил здраво. Да, Роззи действительно знала (на первый взгляд), что темноволосая девушка — мое прошлое, а не будущее, но то вполне могла быть осмысленная догадка, или же мое лицо выдало меня с потрохами.

— Да знаю я, что не брала, — сказал Том, потянувшись за еще одним маршмеллоу-сэндвичем. — Она просто на тебе практиковалась для поддержания формы. Думаю, другим салагам она тоже много чего наговорила.

— А тебе? — спросил я.

— Мммм... нет, но это ничего не значит.

Я посмотрел на Эрин. Та покачала головой.

— А еще она считает, что в "Доме страха" живет призрак.

— Да, я тоже об этом слышала, — сказала Эрин. — Призрак девушки, которую там убили.

— Чушь собачья, — воскликнул Том. — Ты еще скажи, что за Кричащим Черепом все еще прячется маньяк Крюк.

— Но девушку там и правда убили, — сказал я. — Девушку по имени Линда Грей. Она из Южной Каролины, из Флоренса. Есть фотографии, где она стреляет в тире с убившим ее парнем, и где они стоят в очереди на "Колесо". Крюка на руке у него нет, зато есть татуировка птицы. Ястреба или орла.

Том призадумался и замолчал, хотя бы ненадолго.

— Лэйн Харди говорит, что Роз только думает, будто в "Доме страха" живет призрак. А вот зайти туда и проверить она отказывается. И вообще она старается держаться от "Дома" подальше. Странно, конечно, но Лэйн-то считает, что призрак там и правда есть.

Сделав большие глаза, Эрин придвинулась поближе к огню. Наверное, хотела мне подыгрывать, но в основном для того, чтобы Том ее приобнял.

— И он видел?..

— Понятия не имею. Он меня отправил к миссис Шоплоу, которая все мне и рассказала.

Я заново пересказал всю историю. Более подходящего времени и места было не придумать: ночь, звезды, рокот волн, догорающие угли костра. Даже Том, казалось, затаил дыхание.

— Так она утверждает, что видела Линду Грей? — спросил он, едва я закончил. — Наша хозяйка?

Я мысленно вернулся в день моего первого визита в пансион и снова прошелся по ее рассказу.

— Не думаю. Она бы сказала.

Том удовлетворенно кивнул.

— Вот так это и работает. Каждый знает кого-то, кто видел НЛО, и каждый знает кого-то, кто видел привидение. Обычные слухи, которые в суде не пройдут. Я, например, Томас неверующий^[12]. Понял? Том Кеннеди... Томас неверующий.

На этот раз Эрин ткнула его еще сильнее.

— Мы поняли. — Она задумчиво смотрела в огонь. — А знаете, что? Две трети лета уже позади, а я так ни разу и не побывала в жуть-шалмане. Даже в самой первой его части, которая для малышей. Там нельзя фотографировать. По словам Бренды Рафферти, потому, что многие пары заходят туда пообжиматься. — Тут она посмотрела на меня. — Ты чего лыбишься?

— Да так, ничего, — ответил я, думая о том, как после Последней Калитки покойный муж миссис Шоплоу подбирал брошенные трусики.

— А вы, парни, там были?

Мы покачали головами.

— За "Дом страха" отвечает бригада "Доберман", — сказал Том.

— А давайте завтра туда сходим? Сядем вдвоем в один вагончик. Может, мы ее и увидим.

— Тратить выходной на Джойленд вместо отдыха на пляже? — спросил Том. — Да это ж мазохизм чистой воды.

Теперь Эрин уже не просто ткнула его локтем, а легонько дала под дых. Не знаю, спали ли они уже тогда, но это вполне вероятно: отношения их становились все более и более телесными.

— А накатать! Для нас, работников, проезд бесплатный, да и сколько уже он займет времени? Минут пять?

— Думаю, побольше, — сказал я. — Девять или десять. Плюс некоторое время в зале для малышей. Скажем, на все про все уйдет минут пятнадцать.

Том положил подбородок на макушку Эрин и взглянул на меня сквозь облако ее волос.

— Накатать, значит? Сразу видно, что перед нами леди с высшим образованием. До того как она стала водиться с девчонками из общества студенток, она обходилась старым добрым "насрать".

— Да лучше я залезу себе в жопу и там сдохну, чем буду водиться с этими сестренками-поблядушками!

Почему-то эта грубость меня безмерно обрадовала.

Может быть, потому, что Венди сама была "сестренкой" со стажем.

— Ты, Томас Патрик Кеннеди, просто боишься, что мы ее увидим, и тебе придется взять обратно все твои слова о мадам Фортуне, привидениях, НЛО и...

Том поднял руки.

— Сдаюсь. Станем в очередь вместе с лохами — в смысле, кроликами — и проедемся по "Дому страха". Только пойдем мы после полудня. Мне надо отдохнуть и навести красоту.

— Тебе это явно не помешает, — сказал я.

— На себя посмотри, образина. Дай-ка мне пива, Джонси.

Я дал.

— А расскажи, как все прошло со Стэнсфилдами, — попросила Эрин. — Обливались слезами и называли тебя героем?

Почти, но говорить этого мне не захотелось.

— Родители как родители. А дитё сидело в уголке, читало "Большой экран" и говорило, что видит актера Дина Мартина.

— Хватит лирики — переходи к делу, — сказал Том. — Деньжат они тебе подкинули?

Я полностью погрузился в мысли о том, как маленькая девочка, с таким благоговением объявляющая знаменитостей, могла бы вместо этого оказаться в коме. Или в могиле. Поэтому правду я выдал скорее машинально:

— Папа предложил мне пятьсот долларов, но я не взял.

Том выпучил глаза.

— В смысле?

Я посмотрел на остатки маршмеллоу-сэндвича в руке.

Маршмеллоу капало мне на пальцы, и я бросил его в огонь — есть все равно уже не хотелось. А еще я чувствовал какую-то неловкость, которая заставляла меня злиться на себя самого.

— Мужик пытается наладить небольшой бизнес, а судя по его словам, на данном этапе дело может принять любой оборот. У него жена, ребенок, и еще один на подходе. Я подумал, что лишние траты он себе позволить не может.

— Он не может. А ты?

Я моргнул.

— А что я?

По сей день я не знаю, злился ли тогда Том по-настоящему или только притворялся. Думаю, поначалу только притворялся, а потом вошел в раж, полностью осознав мой тогдашний поступок. Я точно не знаю, как у него в семье было с деньгами, но знаю, что жил он от зарплаты до зарплаты и не имел машины. Когда они с Эрин куда-нибудь выезжали, он брал мою... и с особой тщательностью платил за потраченный бензин.

Деньги имели для него значение. Вряд ли они полностью владели его помыслами, но да, значили они для него очень многое.

— У тебя учеба держится на честном слове, как и у нас с Эрин, а в Джойленде на лимузин нам не заработать. Ты рехнулся? В детстве головкой ударился?

— Успокойся, — сказал Эрин.

— Ты что, снова хочешь весь осенний семестр вставать ни свет ни заря, чтобы драить в столовой посуду после завтрака? Похоже на то, потому что в моем Ратгерском универе семестр такой работы как раз и даст эти самые пятьсот баксов. Знаю точно, потому что выяснил это прежде чем нырнуть в репетиторство. Знаешь, как я продрался через первый курс? Писал работы богатым студентам, изучающим продвинутую пивологию. Если бы меня поймали, то отстранили бы от учебы на целый семестр, а то и вообще вышвырнули бы. Я тебе скажу, чем обернулся твой широкий жест: выбросом на ветер двадцати часов в неделю, которые ты мог бы потратить на учебу. — Тут он понял, что начинает вещать, замолчал и улыбнулся. — Или на охмурение миленьких самочек.

— Я тебе покажу самочек, — сказала Эрин и набросилась на него. Они закувыркались по песку. Эрин щекотала, а Том орал (весьма неубедительно), чтобы она с него слезла. Ну и хорошо, потому что продолжать обсуждение поднятой Томом темы мне очень не хотелось.

Кажется, в глубине души многие вопросы я уже решил, а моему разуму оставалось лишь подчиниться.

На следующий день, в четверть четвертого, мы стояли в очереди в Дом Ужасов. Шалманил там паренек по имени Брэди Уотермэн. Я запомнил его, потому что он тоже хорошо играл роль Гови. (Но не так хорошо, как я, должен добавить... исключительно чтобы все было почестному). В начале лета Брэд был полноват, но давно уже похудел и подтянулся. В качестве диеты меха давали сто очков вперед "Наблюдателям за весом".

— А что это вы здесь делаете? — спросил он. — У вас же вроде выходной?

— Должны же мы посмотреть на джойлендский единственный и неповторимый темный аттракцион, — ответил Том. — И я уже ощущаю некое драматическое единство. Брэд Уотермэн и "Дом страха": да они просто созданы друг для друга!

Он надулся.

— Небось все хотите влезть в один вагончик?

— Придется, — сказала Эрин. Она наклонилась к оттопыренному уху Брэда и прошептала. — Мы проспорили пари.

Брэд обдумал эту информацию, касаясь кончиком языка верхней губы. Я видел, что он высчитывает, какие последствия это подразумевает.

Позади нас раздался голос из очереди:

— Ребята, можно побыстрее? Там внутри, говорят, кондиционеры, и мне они совсем не мешают.

— Валяйте, — сказал нам Брэд. — Крутите педали, пока не дали.

Для Брэда это было поистине раблезианское остроумие.

— Есть там привидения? — спросил я.

— Полно. Надеюсь, они все залетят к вам в задницы.

Мы начали с "Зеркального дворца Мистерио", время от времени останавливаясь и глаза на свои вытянутые или сплюснутые отражения. Хихикая, мы шли по маленьким красным точкам в основании некоторых из зеркал — что привело нас в "Музей восковых фигур". Следуя этой секретной карте, мы оказались в музее раньше, чем остальные члены группы, которые до сих пор бродили среди зеркал, смеясь и ударяясь об угловатые стеклянные панели.

К разочарованию Тома, в музее не оказалось фигур убийц — сплошь политики и знаменитости. У входа стояли улыбающийся Джон Кеннеди и Элвис Пресли в комбинезоне. Игнорируя табличку "РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!", Эрин коснулась струн гитары Элвиса и даже успела пропеть несколько слов, как вдруг фигура Короля ожила и он затянул "Не могу в тебя не влюбиться".

— Ага, попалась! — ликующе воскликнул Том и приобнял Эрин.

За музеем находилась дверь, ведущая в "Комнату моста и бочки". В комнате грохотали кажущиеся опасными (на самом деле совершенно безобидные) механизмы, по стенам и потолку бегали стробы контрастных цветов. Эрин перебралась через комнату по шатающемуся и трясущемуся мосту Козленка Билли, в то время как ее храбрые спутники отважились пройти по бочкам. Меня мотало, как пьяного, но упал я лишь раз. Том и вовсе остановился на полпути, растопырил руки и ноги, отчего стал похож на бумажную куклу, и сделал полный оборот вокруг своей оси.

— Перестань, тупица, ты же шею свернешь! — крикнула Эрин.

— Не свернет, даже если свалится, — ответил я. — Тут пол мягкий.

Том присоединился к нам, улыбающийся и покрасневший до корней волос.

— Эта штука пробудила к жизни участки моего мозга, спавшие лет с трех.

— Ага, точно. А как насчет тех, что она убила? — спросила Эрин.

Дальше наш путь лежал через "Наклонную комнату" и зал с игральными автоматами, где подростки играли в пинбол и скибол. Эрин некоторое время следила за игроками в скибол, неодобрительно хмурясь и скрестив руки на груди.

— Разве они не знают, что эта игра — сплошное надувательство?

— За этим сюда и приходят, — ответил я. — Надувательство — часть аттракциона.

Эрин вздохнула.

— А я-то думала, что циник у нас Том.

В дальнем конце зала, под светящимся зеленым черепом, висела табличка со словами "ВПЕРЕДИ — ДОМ СТРАХА! ВНИМАНИЕ, БЕРЕМЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ И РОДИТЕЛИ С МАЛЕНЬКИМИ ДЕТЬМИ МОГУТ ВЫЙТИ ЧЕРЕЗ ДВЕРЬ СЛЕВА!"

Мы зашли в вестибюль, наполненный эхом записанных на пленку криков и жутковатых смешков. В пульсирующем красном свете виднелся стальной рельс, ведущий в черный тоннель. В тоннеле мерцали огни, из его глубины доносились рокот и другие крики — не записанные на пленку, а живые, настоящие. С того места, где мы стояли, они не звучали такими уж радостными — но, наверное, людям внутри было весело. По крайней мере, некоторым из них.

К нам вышел Эдди Паркс, смотритель "Дома страха" и босс "Бригады доберманов". На нем были перчатки из сыромятной кожи и старая, выцветшая от времени пёсболка (тем не менее, она окрашивалась багрянцем всякий раз, когда вспыхивал красный свет).

— Что, выдался скучный денек? Много свободного времени? — он пренебрежительно хмыкнул.

— Просто хотим взглянуть, как поживают остальные, — ответил Том.

Эрин улыбнулась Эдди своей самой очаровательной улыбкой, но он на нее никак не отреагировал.

— Трое в один вагончик, полагаю. Так?

— Да, — подтвердил я.

— Да так да. Но помните, что на вас правила распространяются точно так же, как и на всех прочих. Держите свои долбаные руки в вагончике.

— Дасэр! — ответил Том и отсалютовал. Эдди посмотрел на него, как, должно быть, энтомолог смотрит на новый вид насекомого, и побрел к трем рычагам управления, торчащим из невысокого подиума. Рядом находились несколько кнопок, освещенных низко висящими (чтобы их не такой уж пугающий свет был не так заметен) лампами на шарнирных кронштейнах.

— Каков милашка, — пробормотал Том.

Эрин взяла меня под левый локоть, а Тома — под правый.

— Он хоть кому-то нравится?

— Нет, — ответил Том. — Даже собственной бригаде. Двоих из нее он уже успел уволить.

Постепенно подтянулись остальные участники нашей группы. Из тоннеля появился состав со смеющимися "кроликами" (плюс несколько рыдающих малышей, чьим родителям следовало бы прислушаться к предупреждению и выйти в зале игровых автоматов), и Эрин спросила одну из девушек, было ли ей страшно.

— Самым страшным было удерживать его руки на месте, — ответила она и радостно взвизгнула, когда герой рассказа чмокнул ее в шею и потащил к игровому залу.

Мы втроем забрались в вагончик, рассчитанный на двоих — разумеется, нам было тесно. Бедро Эрин прижималось к моему, и я чувствовал тяжесть ее груди на своей руке. К югу от талии ощущалось приятное покалывание: я готов спорить, что (если оставить в стороне фантазии) большинство мужчин от природы моногамны, но некоторым органам ниже пояса на это просто наплевать.

— Руки держать в вагончике! — скучающий, монотонный голос Эдди Паркса был полной противоположностью веселых кричалок Лэйна Харди. — Руки держать в вагончике! Если ваш ребенок ниже трех футов, посадите его на колени или покиньте вагончик! Сидите спокойно и держитесь за поручень!

Поручни безопасности опустились и клацнули. Несколько девочек, уже настроившихся на аттракцион, с готовностью вскрикнули. Прочищали, так сказать, горло перед поездкой.

Состав тронулся, и мы въехали в "Дом страха".

Девять минут спустя мы с остальными посетителями вышли наружу через зал игровых автоматов. Позади нас Эдди уговаривал новую порцию посетителей держать руки в вагончике и следить за поручнем. На нас он даже не взглянул.

— В Темнице было совсем не страшно, потому что все узники — на самом деле переодетые "Доберманы", — сказала Эрин. — Один из пиратов — Билли Роджеро.

Ее щеки разрумянились, волосы спутались из-за работающих вентиляторов, и я подумал, что она никогда не выглядела такой красивой.

— Но Кричащий череп — это что-то, а Камера пыток... господи боже!

— Довольно жутко, — согласился я. В старшей школе я посмотрел немало фильмов ужасов и думал, что привык к подобным вещам, но все же вид головы с выпученными глазами, катящейся по желобу гильотины, напугал меня до чертиков. Даже губы до сих пор дрожали.

Снова оказавшись на Джойлэнд-авеню, мы заметили Кэм Йоргенсен из "Бригады фоксхаундов", которая продавала лимонад.

— Кто-нибудь хочет? — спросила Эрин. — Я угощаю!

— Хочу, — ответил я.

— Том?

Он пожал плечами. Эрин бросила на него недоуменный взгляд и побежала за напитками. Я глянул на Тома, но тот смотрел, как "Ракета" наворачивает круги. Или сквозь нее.

Эрин вернулась с тремя высокими бумажными стаканчиками. В каждом плавала половинка лимона. Мы подошли к скамейкам в Джойленд-парке неподалеку от "Деревни "Туда-Сюда" и сели в тенечке.

Эрин говорила о летучих мышах в конце пути; говорила, что знала — они всего лишь заводные игрушки на проволоке, но летучие мыши всегда доводили ее до дрожи, и... Тут она запнулась.

— Том, с тобой все в порядке? Ты не сказал ни слова. У тебя что, живот заболел после тех бочек?

— С животом все нормально, — он сделал глоток лимонада, словно пытаясь это доказать. — В чем она была, Дев? Ты знаешь?

— Хм?

— Девушка, которую убили. Лори Грей.

— Линда Грей.

— Лори, Ларкин, Линда, неважно. В чем она была? В длинной юбке до колен и блузке без рукавов?

Я внимательно посмотрел на него. И я, и Эрин поначалу восприняли все это как очередной прикол Тома Кеннеди... Да вот только в этот раз он не прикалывался. Когда я пригляделся к нему, то понял, что он напуган до полусмерти.

— Том? — Эрин коснулась его плеча. — Ты видел ее? Без шуток.

Он накрыл ее руку своей, но по-прежнему смотрел на меня.

— Да, — сказал он. — В длинной юбке и блузке без рукавов. Ты же в курсе? Шоплоу должна была рассказать.

— Какого цвета была одежда? — спросил я.

— Сложно сказать, освещение постоянно менялось... кажется, синего. И блузка, и юбка. Тут до Эрин дошло.

— Вот это да, — удивленно выдохнула она. Румянец в одно мгновение сошел с ее лица.

Было еще кое-что. То, о чем полиция не распространялась, если верить миссис Шоплоу.

— А что насчет прически, Том? "Конский хвост", так?

Он покачал головой. Отхлебнул лимонада. Провел по губам тыльной стороной ладони. Он не поседел, в его глазах не читалось потрясение, руки не дрожали — но он все равно не был похож на того парня, который дурачился в "Кривых зеркалах" и комнате с бочками и мостом. Том словно пережил клизму действительности, которая вымыла из его мозгов всю эту чушь — подработка на лето, год до выпуска, бла-бла-бла.

— Не "конский хвост". Ее волосы были длинными, да, но на лбу были собраны под широкую ленту — чтобы не падали на лицо. Тысячу раз видел такие, но не помню, как называется эта штука.

— Лента Алисы^[13], — ответила Эрин.

— Да. Тоже вроде бы синяя. И эта девушка... она тянулась ко мне, — он показал, как именно — в точности как Эммалина Шоплоу, когда рассказывала мне эту историю. — Словно просила о помощи.

— Все это тебе рассказала миссис Шоплоу, — сказал я. — Верно? Признайся, мы не будем злиться. Мы же не будем, Эрин?

— Конечно, нет.

Но Том вновь покачал головой.

— Я просто рассказываю о том, что видел. Вы ее не заметили?

Ни я, ни Эрин девушку не видели, о чем и сообщили Тому.

— Почему я? — печально спросил он. — Когда мы были внутри, я о ней даже не думал. Просто получал удовольствие. Так почему же я?

Пока я вел свою развалюху назад в Хэвенс-Бэй, Эрин пыталась выудить из Тома больше подробностей. На первые два или три вопроса он ответил, но затем резко, чего раньше в разговорах с Эрин я за ним не замечал, ответил, что больше не хочет об этом говорить. Для нее подобное обращение тоже, видимо, было впервой, потому что всю оставшуюся дорогу она молчала, как мышь. Может, между собой они потом и разговаривали на эту тему, но при мне Том о девушке не вспоминал. Лишь за месяц до смерти, в самом конце мучительного для него телефонного разговора (если судить по его прерывистому, гундосому голосу и тому, что у него иногда мутился рассудок) Том вновь упомянул тот случай — да и то мельком.

— По крайней мере... я знаю... там что-то есть, — сказал он. — Я же видел... своими глазами... в то лето. В "Хижине мрака".

Поправлять его я не стал — знал, что он имеет в виду.

— Ты же... помнишь?

— Помню, — ответил я.

— Правда, не уверен... хорошее это... или плохое.

Его слабеющий голос вдруг наполнился ужасом.

— Как она... Дев, как она тянулась ко мне...

Да.

Как она тянулась.

В следующий раз я получил выходной на весь день в середине августа, и в море кролей-кроликов к тому времени наступил отлив. Мне уже не приходилось лавировать в толпе, пробираясь по Джойленд-авеню к "Каролинскому колесу"... и к шалману Мадам Фортуны, стоявшему в его вращающейся тени.

Лэйн и Фортуна — сегодня она была Фортуной, в полном цыганском обмундировании, — разговаривали возле пульта управления "Колесом". При виде меня Лэйн коснулся поля шляпы в знак приветствия.

— Ты смотри, что нам кошка притащила, — сказал он. — Как делишки, Джонси?

— Отлично, — сказал я, хотя это была не совсем правда. Теперь, когда я носил меха всего четыре-пять раз в день, ко мне вернулась бессонница. Я лежал в постели и ждал утра, с открытым окном, чтобы слышать плеск волн, думая о Венди и ее новом парне. И о девушке, которую Том увидел возле рельсов "Дома страха", в псевдо-кирпичном туннеле между Темницей и Камерой пыток.

Я повернулся к Фортуне.

— Можно с вами поговорить?

Она не спросила, о чем, — просто повела меня к своему шалману, откинула фиолетовый занавес на входе и пропустила внутрь.

Там стоял круглый стол, покрытый розовой скатертью. На нем был Фортунин хрустальный шар, сейчас накрытый покрывалом. Два простых складных стула были размещены так, чтобы гадалка и посетитель сидели друг напротив друга, а шар оставался между ними (как мне случайно стало известно, шар этот подсвечивала лампочка, управлявшаяся с помощью ножной педали). На задней стене висел гигантский трафарет — рука с растопыренными пальцами, ладонью вверх. На ней аккуратно были помечены Семь Линий: жизни, сердца, головы, любви (она же "бугор Венеры"), солнца, судьбы и здоровья.

Мадам Фортуна уселась, подобрав юбки, и сделала мне знак присоединиться к ней. Она не сняла покрывало с хрустального шара и не предложила мне посеребрить ей ручку, чтобы узнать будущее.

— Задавай вопрос, с которым пришел, — сказала она.

— Я хочу знать: про девочку вы угадали или правда что-то знали? Что-то увидели?

Она посмотрела на меня долгим, неотрывным взглядом. На рабочем месте Мадам Фортуны слегка пахло ладаном, а не попкорном и жареным тестом. Стены тут были чисто символические, но музыка, болтовня кроликов, рокот аттракционов казались такими далекими. Мне хотелось опустить глаза, но я удержался.

— То есть ты хочешь узнать, шарлатанка я или нет. Так ведь?

— Я... Мэм, честное слово, я сам не знаю, чего хочу.

В ответ она улыбнулась. По-хорошему — как будто я прошел какое-то испытание.

— Ты милый мальчик, Джонси, но, как и многие милые мальчики, врать ты не умеешь.

Я начал было отвечать, но Роззи остановила меня взмахом унизанной кольцами руки, полезла под стол и вытащила оттуда свою коробку с деньгами. Гадание Мадам Фортуны было бесплатным — все включено в плату за вход, леди и джентльмены, девочки и мальчики, — но чаевые приветствовались. И не противоречили законам Северной Каролины. Она открыла коробку, и я увидел внутри мятые купюры, в основном по доллару, нечто подозрительно похожее на доску для лотереи (противоречащей законам Северной Каролины) и один маленький конвертик. На нем было написано печатными буквами мое имя. Она протянула его мне.

Поколебавшись, я взял конверт.

— Ты сегодня пришел в Джойленд не только для того, чтобы задать мне этот вопрос, — сказала она.

— Ну...

Она снова отмахнулась.

— Ты точно знаешь, чего хочешь. Ну да, по крайней мере — в ближайшее время. А поскольку ближайшее время — это все, что у есть у нас всех, кто такая Фортуна, да и Роззи Голд, чтобы с тобой спорить? Иди. Делай то, зачем пришел. А когда закончишь, вскрой конверт и прочти, что я написала.

Роззи улыбнулась.

— Для сотрудников — бесплатно. Особенно для таких хороших ребят, как ты.

— Я не...

Она поднялась, взметнув юбками и зазвенев украшениями.

— Иди, Джонси. Мы с тобой закончили.

Я покинул ее маленькую тесную палатку в прострации. Звуки трех десятков шалманов и аттракционов набросились на меня, точно встречные воздушные потоки, а солнце кувалдой добило окончательно. Я пошел в здание администрации (им служил обычный двухсекционный трейлер), вежливо постучал в дверь, вошел и поздоровался с Брендой Рафферти, которая металась между грессбухом и своим верным арифмометром.

— Привет, Девин, — сказала она. — Следишь за своей Голливудской Девчонкой?

— Да, мэм, мы все за ней приглядываем.

— Дана Элкхарт, так?

— Эрин Кук, мэм.

— Эрин, конечно. Рыженькая. Бригада "Гончих". Чем я могу помочь?

— Я бы хотел поговорить с мистером Истербруком.

— Он отдыхает, и мне бы не хотелось его тревожить. Нам пришлось сделать кучу телефонных звонков, да еще эти счета — терпеть не могу беспокоить его из-за них. В последнее время он очень быстро устает.

— Я ненадолго, обещаю.

Она вздохнула.

— Схожу посмотреть, спит ли он. О чем будете говорить, если не секрет?

— Об услуге, — ответил я. — Он поймет.

Он оказал мне ее, задав лишь два вопроса. Первый — уверен ли я, что хочу того, о чем прошу. Я сказал, что уверен. Второй...

— Ты уже рассказал родителям, Джонси?

— Нас лишь двое — я и отец, мистер Истербрук. Созвонюсь с ним сегодня вечером.

— Что ж, хорошо. Введи Бренду в курс дела перед уходом. Возьмешь у нее все необходимые бланки и заполнишь...

Прежде, чем он закончил, его рот расплылся в гигантском, необъятном зевке, что дало мне возможность еще раз полюбоваться на его лошадиные зубы.

— Прости, сынок. Был тяжелый день. Да и вообще лето не из легких.

— Спасибо, мистер Истербрук.

Он махнул рукой.

— Не за что. Я вижу в тебе хорошее приобретение, но если ты не поставишь в известность отца, то очень меня разочаруешь. Когда будешь уходить, закрой за собой дверь, пожалуйста.

Я старался не замечать хмурый взгляд Бренды, когда она рылась по ящикам в поисках разнообразных бланков, необходимых для трудоустройства в Джойленд на полную рабочую ставку. Это не очень-то помогало — ее неодобрение витало в воздухе. Я свернул документы, засунул их в задний карман джинсов и вышел.

В дальнем конце свалки, за туалетами, раскинулась небольшая ниссовая роща. Я пошел туда, прислонился спиной к одному из деревьев и раскрыл конверт, который дала мне мадам Фортуна. Записка была короткой и точной.

"Ты идешь к мистеру Истербруку с просьбой оставить тебя в парке после Дня Труда. Ты знаешь, что он тебе не откажет".

Она была права: мне хотелось знать, шарлатанка ли она. Ответ был прямо передо мной. И да, я принял решение о том, чем дальше будет заниматься Девин Джонс. В этом она тоже была права.

Но была и еще одна строчка.

"Ты спас маленькую девочку, но, мальчик мой, всех спасти ты не сможешь".

Когда я сказал отцу, что не собираюсь возвращаться на учебу — что мне нужен год отдыха и провести его я собираюсь в Джойленде — на том конце телефонного провода, в южном Мэне, воцарилась долгая тишина. Я подумал, что он собирается наорать на меня, но оказался неправ. Его голос звучал лишь очень уставшим.

— Все из-за той девчонки, верно?

Двумя месяцами ранее я сказал ему, что Венди и я "взяли небольшую паузу", но отец, конечно, все сразу понял. Он ни разу не произнес ее имени в наших воскресных телефонных разговорах. А теперь она и вовсе превратилась в "ту девчонку". Поначалу я попробовал отшутиться и спросил, имеет ли он в виду Марло Томас^[14], но отца это не рассмешило. Больше я шутить не пытался.

— Да, частично из-за Венди, — подтвердил я. — Но не только из-за нее. Просто нужно отдохнуть. Сделать передышку. И мне бы хотелось провести это время тут.

Он вздохнул.

— Может, тебе и правда нужен перерыв. По крайней мере, ты будешь работать, а не колесить автостопом по Европе, как дочка Дьюи Мишо. Четырнадцать месяцев в молодежных ночлежках — и ведь она до сих пор там! Господи боже! Уверен, вернется назад со стригущим лишаем и булочкой в духовке.

— Ну, — сказал я, — думаю, в моем случае обойдется и без того, и без другого.

— Только берегись ураганов. Говорят, в этом году они будут жуткими.

— Пап, ты правда не против?

— С чего бы? Или ты хочешь, чтобы я начал ругаться? Можем попробовать, если хочешь, но твоя мама бы сказала: если он достаточно взрослый, чтобы покупать выпивку, то уже может сам распоряжаться своей жизнью.

Я улыбнулся.

— Ага. Похоже на нее.

— Что касается меня, я бы не хотел, чтобы ты вернулся на учебу и тосковал по той девчонке сутки напролет, пока твои оценки катятся к черту. Если возня в парке развлечений — покраска аттракционов или починка оборудования — помогут тебе выкинуть ее из головы, будет здорово. Но как же насчет стипендии и кредитов, если ты собрался вернуться назад только в следующем году?

— Все будет нормально. У меня убедительный средний балл.

— Та девчонка, — произнес он с бесконечным отвращением, и мы перешли к другим темам.

Я по-прежнему грустил и переживал из-за расставания с Венди, в этом отец был прав, но я уже начал путь (путешествие, как сейчас говорят в группах психологической поддержки) от отрицания к принятию. Спокойствие по-прежнему скрывалось за горизонтом, но уже не казалось — как я думал долгими, мучительными днями и ночами в июне — невозможным.

И все же остаться меня заставили другие вещи, в которых я даже не начал еще разбираться — разрозненные впечатления, связанные грубой бечевой интуиции. Хэлли Стэнсфилд. Брэдли Истербрук и его слова в начале лета: мы торгуем радостью. Шелест океана по ночам. Прибрежный бриз, поющий в гигантских спицах "Каролинского колеса". Прохладные тоннели под парком. "Язык" — секретное наречие, которое новички позабудут еще до Рождества (а вот я забывать его не хотел, слишком уж оно было ярким). И я чувствовал, что Джойленд дал мне еще не все. Понятия не имел, что еще меня ждет... но был уверен, что это еще не все.

Но в первую очередь — и это странно, пусть я проверял и перепроверял собственные воспоминания, чтобы удостовериться — я остался из-за того, что Линду Грей увидел именно наш Томас неверующий. Это событие изменило его — несильно, но бесповоротно. Не думаю, что Том хотел меняться, его вполне устраивало прежнее положение вещей... а вот я хотел.

Я тоже хотел ее увидеть.

Во второй половине августа некоторые старожилы — среди них Папаша Аллен и Дотти Лассен — посоветовали мне молиться о том, чтобы выходные на День труда выдались дождливыми. Дождь не пошел, и к середине субботы я понял, что они имели в виду: кролики ринулись в последнее наступление и заполнили Джойленд по самые жабры. Положение усугублялось еще и тем, что половина летних работников-студентов уже разъехались к тому времени по университетам и колледжам. Те же, кто остались, вкалывали как собаки.

Кое-кто вкалывал не как собака, а в качестве собаки, единственной и неповторимой. Большую часть тех выходных я смотрел на мир через сетчатые глаза Гови, Пса-Симпатяги. В воскресенье я носил эти чертовы меха с дюжину раз. После моего предпоследнего выступления я спустился на Бульвар под Джойленд-авеню. Преодолев три четверти пути до свалки, я почувствовал, как мир вокруг меня начинает уплывать в серую пустоту. Прямо-таки призрачную, успел подумать я.

Ехал я на одном из электрокаров, сдернув мех до самой талии и подставив потную грудь холодному воздуху. Когда я понял, что вот-вот свалюсь в обморок, у меня хватило смекалки подъехать к стене и снять ногу с резиновой кнопки-акселератора. Толстяк Уолли Шмидт, который заведовал шалманом "Угадай-свой-вес", в то время отдыхал на свалке. Он и увидел, как я плюхнулся на руль криво припаркованного кара. Взяв кувшин ледяной воды из холодильника, он подковылял ко мне и приподнял пухлой рукой мне подбородок.

— Эй, салага, у тебя есть другой костюм, или тебе по размеру подошел только этот?

— Есещеодин, — промямлил я пьяным голосом. — В косьмерной. Большой.

— Вот и хорошо, — сказал Уолли и выплеснул кувшин мне на голову. Мой удивленный крик разнесся эхом по всему Бульвару, и к нам ринулось сразу несколько человек.

— Какого хера, Толстяк?

Тот оскалился.

— Вставляет, а? Еще как! У нас тут День труда, салага, поэтому надо трудиться, а не спать. Благодарю всех святых, что сегодня снаружи не сто десять градусов^[15].

Если бы было сто десять, то я бы вам не рассказывал эту историю: я бы просто загнулся от перегрева мозга во время очередного танца Гови на сцене деревни "Туда-Сюда". Но День труда в том году выдался облачный, а иногда даже дул морской ветерок. В общем, как-то я его пережил.

В понедельник, около четырех часов, когда я забирался в меха для своего последнего летнего выступления, в костюмерную зашел Том Кеннеди. Ни пёсболки, ни стоптанных кроссовок на нем уже не было: вместо них он надел хорошо отглаженные брюки (и где он только их держал), аккуратно заправленную в них рубашку Лиги плюща и кожаные туфли. Розовощекий сукин сын даже успел подстричься. Выглядел он теперь как энергичный студент с задатками бизнесмена. Вы бы ни за что не догадались, что всего двумя днями раньше Том носил грязные джинсы, из которых торчал как минимум дюйм его голой задницы, когда он забирался с ведром масла под "Застежку", а ударившись в очередной раз головой о какую-нибудь планку, крыл почем зря Папашу Аллена, нашего бесстрашного лидера.

— Уже сваливаешь? — спросил я.

— Так точно, дружище. Завтра в восемь сажусь на поезд до Филадельфии. Неделю побуду дома, а потом продолжу грызть гранит науки.

— Молодец.

— Эрин надо еще кое-что закончить, а вечером мы с ней встретимся в Вилмингтоне. На

ночь я заказал нам номер в симпатичной гостинице.

Меня кольнула ревность.

— Звучит неплохо.

— Она — сокровище, — сказал Том.

— Знаю.

— И ты тоже, Дев. Будем на связи. Обычно люди говорят это не всерьез, но только не я.

Будем на связи. — Он протянул руку.

Я ее пожал.

— Будем, а как же. Ты славный парень, Том, а Эрин — просто золото. Береги ее.

— Не бойсь. — Он улыбнулся. — На весенний семестр Эрин переходит ко мне в универ.

Она у меня уже выучила кричалку Алых Рыцарей. "Вперед, Алые, Алые, Вперед..."

— Замысловато, однако.

Он погрозил мне пальцем.

— В нашем мире, деточка, сарказм тебя ни к чему не приведет. Если, конечно, ты не нацелился на работу в "Мэде"^[16].

— Может, попрощаетесь уже без лишних слез? — крикнула Дотти Ларссен. — Тебе, Джонси, скоро на выход.

Том повернулся и протянул к ней руки.

— Дотти, как же я вас люблю! Как же я буду по вам скучать!

Та шлепнула себя по заду, чтобы показать, насколько она растрогана, а затем отвернулась и принялась зашивать очередной костюм.

Том протянул мне клочок бумаги.

— Домашний адрес, адрес универа и телефоны. Надеюсь, ты ими воспользуешься.

— Воспользуюсь.

— Так ты что, правда решил променять год попоек и секса на покраску аттракционов в Джойленде?

— Ага.

— С ума сошел?

Я призадумался.

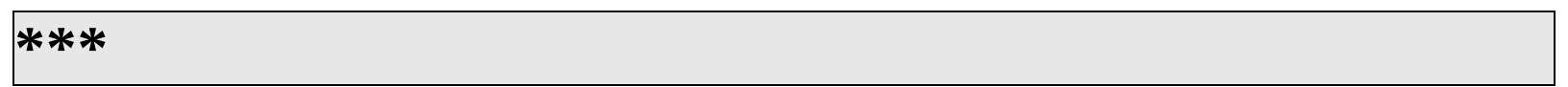
— Может быть. Немножко. Но уже поправляюсь.

Я был весь потный, но Том, плюнув на свою чистую одежду, крепко меня обнял. Затем направился к двери, чмокнув по пути Дотти Ларссен в морщинистую щеку. Отругать она его не могла — рот у нее был полон булавок — но взмахом руки показала ему выметаться.

Уже в проеме Том обернулся.

— Хочешь совет, Дев? Держись подальше от... — Он махнул головой, и я его прекрасно понял: от "Дома страха". Потом он ушел. Наверное, думал о доме, об Эрин, о покупке машины, об Эрин, о новом учебном годе и снова об Эрин.

Вперед, Алые, Алые, вперед. Уже в весеннем семестре они будут вместе скандировать эту кричалку. Даже сегодня ночью, если захотят. В Вилмингтоне. В постели. Вместе.

В парке нам не приходилось пробивать часы на входе и выходе — за нами наблюдали наши бригадиры. После моего последнего выступления в роли Гови в первый понедельник сентября, Папаша Аллен сказал мне принести ему мою часовую карточку.

— Я же только через час заканчиваю.

— Ничего. На выходе тебя кое-кто ждет.

Кажется, я знал, кто этот "кое-кто". Трудно было поверить, будто у старикана вроде Папаши Аллена найдется место хоть для кого-нибудь в его сморщенном сердце-изюминке, но в то лето такое местечко нашлось для Эрин Кук.

— Ты в курсе, как мы завтра работаем?

— С полвосьмого до шести, — ответил я. И никаких мехов, вот счастье-то.

— Я тобой поруковожу еще пару недель, а потом смоюсь в солнечную Флориду. Передам тебя на попечение Лэйну Харди. И Фреду Дину, наверное, если он вообще заметит, что ты все еще здесь.

— Понял.

— Хорошо. Давай я подпишу твою карточку и можешь катиться на все четыре стороны. И вот еще что. Попроси красотку время от времени посылать мне открытки. Я буду по ней скучать.

И не только он.

Эрин тоже начала понемногу возвращаться к обычной жизни. Ушли в прошлое потертые джинсы и футболка с лихо подвернутыми до плеч рукавами, то же касалось зеленого платья Голливудской Девчонки и шервудской шапочки. Девушка, стоящая в алом неоновом свете у ворот, была одета в голубую шелковую блузку без рукавов, заправленную в длинную юбку с поясом. Собранные на затылке волосы скреплены заколкой. Выглядела она просто великолепно.

— Прогуляемся по пляжу, — предложила она. — Как раз есть время до автобуса на Вилмингтон. Я встречаюсь с Томом.

— Да, он говорил. Только забудь про автобус — я сам отвезу тебя.

— Правда?

— Конечно.

Мы шли по мелкому белому песку. В небе висел месяц, посеребривший дорожку на воде. На полпути к пляжу — совсем рядом с большим зеленым викторианским особняком, который сыграет такую важную роль в моей жизни грядущей осенью — она взяла меня за руку, и дальше мы пошли так. Мы почти не говорили, пока не дошли до ступеней, ведущих на пляжную парковку. Там Эрин повернулась ко мне.

— Ты забудешь о ней, — она смотрела мне прямо в глаза. Той ночью Эрин была без макияжа, да он ей и не требовался: с его ролью прекрасно справлялся лунный свет.

— Да, — ответил я, понимая, что так и будет — пусть какая-то часть меня и жалеет об этом. Отпускать трудно. Даже если то, во что ты вцепился, полно шипов — отпускать трудно. Может, даже еще труднее, чем обычно.

— Это место как раз то, что тебе сейчас нужно. Я чувствую.

— А Том? Он тоже чувствует?

— Нет, но он никогда не понимал Джойленд так, как ты... и как поняла его этим летом я. А после того, что случилось тогда в "Доме страха"... после того, что он там увидел...

— Вы когда-нибудь обсуждали это между собой?

— Я пробовала, но теперь даже не пытаюсь. Случившееся не укладывается в его представления о том, как устроен этот мир, поэтому он пытается просто забыть. Но, как мне кажется, он беспокоится о тебе.

— Ты тоже беспокоишься обо мне?

— По поводу твоих отношений с призраком Линды Грей — нет. По поводу твоих отношений с призраком этой Венди... есть немного.

Я ухмыльнулся.

— Мой отец больше не называет ее по имени. Для него она теперь "та девчонка". Эрин, можно попросить тебя об услуге? Сделаешь кое-что для меня, когда вернешься на учебу? Если будет свободное время, само собой.

— Да, конечно. Что именно?

Я ей сказал.

Она попросила высадить ее не около гостиницы, где Том забронировал номер, а на автовокзале Вилмингтона — сказала, что доберется оттуда до места на такси. Я начал возражать и убеждать ее, что это пустая трата денег, но потом перестал. Она выглядела взволнованной и немного смущенной, поэтому я решил, что ей просто не хочется срывать с себя одежду и прыгать в объятия Тома через две минуты после того, как я ее высажу.

Когда я припарковался напротив стоянки такси, Эрин взяла мое лицо в ладони и поцеловала в губы. Это был долгий поцелуй. Самый настоящий.

— Если бы я не встретила Тома, то заставила бы тебя забыть эту глупую девчонку, — сказала она.

— Но ты его встретила, — ответил я.

— Да. Встретила. Не пропадай, Дев.

— Не забудешь сделать то, о чем я просил? Если получится, конечно.

— Не забуду. Ты такой милый.

Не знаю почему, но от этих слов я едва не расплакался... но вместо этого лишь улыбнулся.

— Кроме того, признай, я офигенный Пес-Симпатяга.

— Это точно. Девин Джонс, спаситель маленьких девочек.

На мгновение мне показалось, что она поцелует меня еще раз. Но она просто вышла из машины — ветерок развевал полы ее юбки — и направилась в сторону такси. Я подождал, пока она не сядет в одну из желтых машин и не уедет. После этого уехал сам — в Хэвенс-Бэй, к миссис Шоплоу и моей джойлендской осени. Самой прекрасной и самой кошмарной осени в жизни.

Сидели ли Энни и Майк Росс на конце дощатого настила рядом с зеленым викторианским особняком, когда я шел по пляжу в тот вторник после Дня труда? Помню теплые круассаны, которые ел по пути и кружащихся над головой чаек... но насчет Энни и Майка не уверен. Они стали такой естественной частью пейзажа — точно какой-нибудь ориентир — что абсолютно невозможно вспомнить, когда я впервые их заметил. Ничто так не портит память, как повторение.

Через десять лет после событий, о которых идет речь, я работал штатным автором журнала "Кливленд" (должно быть, здорово нагрешил). Чаще всего я делал первые наброски материалов в кофейне на Третьей Западной улице, рядом со стадионом "Лейкфронт" — тогдашней ареной славы местных "Индейцев". Каждый день, в десять часов утра, в магазин заходила девушка, брала пять или шесть стаканов кофе и относила их в агентство недвижимости по соседству. Опять-таки, не помню, когда увидел ее в первый раз. Все, что могу сказать — как-то раз я вдруг заметил, что уже на выходе она украдкой взглянула на меня. Настал день, когда я взглянул на нее в ответ, и когда она улыбнулась, ответил ей тем же. Восемь месяцев спустя мы поженились

Точно так же с Энни и Майком. Однажды они просто стали частью моего мира. Я всегда махал им рукой, мальчик всегда махал рукой мне. Рядом с мальчиком сидел наостривший уши пес, которому лохматил шерсть ветер. Женщина была блондинкой, и очень красивой: высокие скулы, широко посаженные глаза, полные, словно бы чуть припухшие, губы. Мальчик, сидевший в инвалидном кресле, был в бейсболке "Уайт Сокс", которая сползала ему на уши.

Он выглядел очень больным. Но его улыбка была вполне здоровой.

Всякий раз, когда я проходил мимо, он улыбался. Раз или два он даже показал мне пальцами "знак мира", и я сделал то же самое. Я стал частью его пейзажа так же, как он стал частью моего. Думаю, даже Майло — Джек-Рассел-терьер — в конце концов стал воспринимать меня частью пейзажа. И лишь женщина существовала отдельно. Часто при моем появлении она даже не отрывалась от книги, которую читала — а когда все же поднимала взгляд, то даже не думала махать мне рукой, не говоря уже о "знаке мира".

В Джойленде скучать мне по-прежнему не приходилось. Конечно, работа теперь была не такой интересной и разнообразной, как в разгар лета: она стала более рутинной и менее утомительной. Я даже имел возможность время от времени играть свою оscarоносную роль Гови и распевать "С днем рожденья " в "Деревне Туда-Сюда", потому что первые три недели сентября Джойленд все еще был открыт для посетителей. Их поток сильно ослабел, и ни один аттракцион уже не наполнялся под завязку. Даже "Каролинское колесо", которое, наряду с каруселью, пользовалось наибольшей популярностью.

— На севере, в Новой Англии, большинство парков остаются открытыми по выходным до самого Хэллоуина, — сказал мне однажды Фред Дин. Мы сидели на скамейке и ели питательный, полный витаминов обед из чили-бургеров и свиных ребрышек. — На юге же, во Флориде, они работают круглый год. А тут мы как бы находимся в серой зоне. Когда-то, еще в шестидесятых, мистер Истербрук попытался организовать осенний сезон. Потратил кучу денег на рекламную кампанию, но ничего не вышло. Когда вечера становятся прохладными, народ в этих краях переключается на окружные ярмарки. К тому же, большинство наших ветеранов с наступлением холодов переезжают на юг или на запад. — Он окинул взглядом пустынную Песью тропу и вздохнул. — В это время года от парка веет одиночеством.

— Мне нравится, — сказал я и не слукавил. Тот год стал для меня годом слияния с одиночеством. Иногда я ходил в кино с миссис Шоплоу и Тиной Акерли, глазастой библиотечаршей, но в основном проводил вечера в своей комнате, перечитывая "Властелина колец" и сочиняя письма Эрин, Тому и отцу. Также я баловался стихами, о которых сегодня мне даже думать стыдно. Слава богу, я их сжег. А еще я добавил очередную мрачную пластинку в свою скромную коллекцию — "Темную сторону Луны". В Притчах говорится: "Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою". Той осенью я возвращался к "Темной стороне..." снова и снова, изредка переключаясь на Джима Моррисона с его "Это конец, мой друг". В общем, налицо явные признаки двадцатиоднолита. Знаю, знаю.

Хорошо хоть, что большую часть дня мне было чем заняться в Джойленде. Первые пару недель, когда парк все еще работал вполсилы, были посвящены уборке. Фред Дин дал мне под начало нескольких газунов, и к тому времени как на воротах появилась вывеска "ЗАКРЫТО ДО СЛЕДУЮЩЕГО СЕЗОНА", мы подстригли все лужайки, подготовили к зиме цветочные клумбы и вычистили до блеска все шалманы и лавочки. На задворках парка мы сколотили из металлических листов сарай и отвезли в него все тележки, с которых продавалась разная снедь (на Языке их называли жратвозилками). Там они и пробудут всю зиму, каждая под своим брезентовым колпаком.

Газуны отправились на север убирать яблоки, а я продолжил подготовку к зиме уже с Лэйном Харди и Эдди Парксом, сварливым старожилом, который заправлял "Домом страха" и бригадой "Доberman". Мы осушили фонтан на пересечении Джойленд-авеню с Песьей тропой, а когда перешли к работе посерьезнее (в "Брызгах и визгах капитана Немо"), к нам подошел мистер Истербрук, уже одетый в свой дорожный черный костюм.

— Вечером отправляюсь в Сарасоту, — сказал он. — Бренда Рафферти, как обычно, будет меня сопровождать. — Он улыбнулся, показав свои лошадиные зубы. — Теперь вот обхожу и благодарю сотрудников. Тех, кто еще остались.

— Чудесной вам зимы, мистер Истербрук, — сказал Лэйн.

— Эдди пробурчал что-то вроде "вали и не мути", но, скорее всего, просто пожелал счастливого пути.

— Спасибо вам за всё, — сказал я.

Мистер Истербрук пожал всем руки. Я оказался последним.

— Надеюсь, мы увидим тебя в следующем году, Джонси. Кажется, в душе ты тот еще ярмарочник.

Но в следующем году он меня не увидел, и никто не увидел его: мистер Истербрук скончался под Новый Год, в своей квартире на бульваре Джона Ринглинга, меньше чем в полумиле от знаменитого цирка.

— Старый маразматик, — пробормотал Паркс, провожая Истербрука взглядом. Тот шел к своей машине, у открытой двери которой его ждала Бренда.

Лэйн тяжело посмотрел на Паркса и сказал:

— Заткнись, Эдди.

Эдди заткнулся. И правильно сделал.

Как-то утром, когда я шел в Джойленд со своими круассанами, джек-рассел не выдержал и побежал по пляжу ко мне.

— Майло, назад! — крикнула женщина.

Майло обернулся, посмотрел на нее, затем снова вперился в меня своими черными глазами. Повинуясь импульсу, я оторвал кусочек круассана, сел на корточки и протянул его собаке. Та пулей помчалась за лакомством.

— Не кормите его! — бросила хозяйка пса.

— Да ладно, мам, успокойся, — произнес мальчик.

Майло услышал женщину и не стал брать круассан, но, тем не менее, уселся передо мной и вытянул вперед лапы. Я протянул ему кусочек.

— Больше не буду, — сказал я женщине. — Но не пропадать же добру.

Женщина фыркнула и вернулась к своей книге — на вид толстой и тяжеловесной.

— Мы постоянно кормим его, — крикнул мальчик. — А он не толстеет: просто бегают и все сбрасывает.

— Что мы знаем о разговорах с незнакомцами, Майк? — не отрываясь от книги, сказала мама.

— Ну он же не совсем незнакомец, мы его каждый день видим, — заметил мальчик. Вполне резонно — по крайней мере, с моей точки зрения.

— Я Девин Джонс. Живу вниз по пляжу. Работаю в Джойленде.

— В таком случае, вам лучше не опаздывать на работу, — ответила женщина, по-прежнему не поднимая глаз.

Мальчик пожал плечами — "ну что я могу поделать". Он был бледен и сгорблен, точно старик, но мне показалось, что у него хорошее чувство юмора — если судить по жесту и взгляду, которым он сопровождался. Я тоже пожал плечами и пошел дальше. На следующее утро я предусмотрительно доел круассаны до того, как передо мной вырос зеленый особняк — чтобы не соблазнять Майло... но мальчику я все же рукой помахал. Майк вернул мне приветствие. Женщина сидела на своем обычном месте, под зеленым зонтом, и, несмотря на то, что в то утро книги при ней не было, она — как обычно — никак не отреагировала. Ее прекрасное лицо было суровым. Оно говорило: здесь для тебя нет ничего интересного, иди в свой дрянной парк развлечений и оставь нас в покое.

Так я и поступил. Но, тем не менее, мальчику махать не переставал. И утром, и вечером он отвечал мне тем же.

В первый понедельник после того, как Гэри Аллен, он же Папаша, отбыл во Флориду, на Олстонскую Звездную ярмарку в Джексонвилле, где его ждала работа шалманщика, я прибыл в Джойленд и обнаружил Эдди Паркса, самого нелюбимого мной из ветеранов, сидящим перед "Домом страха" на ящике из-под яблок. Курение в парке было запрещено, но мистер Истербрук уехал, а Фредди Дина нигде не было видно, и Эдди, похоже, не боялся нарушать это правило. Он курил, не снимая перчаток, что меня удивило бы, если бы он хоть иногда их снимал. Но он их не снимал.

— Вот и ты, пацан. И всего-то на пять минут опоздал.

Все звали меня Дев или Джонси, но для Эдди я был просто "пацан", и, видимо, навсегда.

— На моих семь тридцать, — сказал я, постучав пальцем по циферблату часов.

— Значит, отстают твои. А почему ты не едешь на работу на машине, как все? Добрался бы за пять минут.

— Мне нравится пляж.

— Мне насрать, что тебе нравится, пацан. Приходи вовремя. Это тебе не лекция в колледже, куда можно прийти и уйти, когда захочется. Это работа. И теперь, когда главная Гончая уехала, придется тебе работать, как положено.

Я мог бы возразить, что Папаша говорил, что после его отъезда моим расписанием будет заниматься Лэйн Харди, но удержал язык за зубами. Не было никакого смысла ухудшать и без того плохую ситуацию. А почему Эдди меня невзлюбил — это было понятно. Эдди не любил никого, не делая никаких исключений. Если он будет сильно отравлять мне жизнь, можно будет пойти к Лэйну, но только в крайнем случае. Отец научил меня, — в основном личным примером, — что если человек хочет сам управлять своей жизнью, то должен уметь справляться сам со своими проблемами.

— У вас есть для меня работа, мистер Паркс?

— Полно. Для начала притащи банку полироля "Тёртл" со склада, и не вздумай задерживаться там и точить лясы со своими дружками. А потом пойдешь в "Страхи" и отполируешь там все вагончики. Ты же в курсе, что мы их полируем после конца сезона?

— Вообще-то нет.

— Ох уж эти детки. — Он раздавил окурок ногой, приподнял ящик, на котором сидел, и засунул его под край. Как будто от этого окурок мог исчезнуть. — И чтоб отпидорасил их как следует, пацан, а не то я отправлю тебя делать все заново. Усвоил?

— Усвоил.

— Вот и славно, — он засунул в свою пасть новую сигарету и начал нашаривать в кармане зажигалку. В перчатках это занимало немало времени. Наконец он вытащил ее, откинул крышку и остановился. — Ты на что это уставился?

— Ни на что, — ответил я.

— Тогда давай, приступай. Включи там свет, чтобы видеть, что делаешь. Ты же знаешь, где там выключатели?

Я не знал, но был уверен, что смогу найти их без его помощи.

— Конечно.

Он окинул меня кислым взглядом.

— Вот ведь какой ты у нас умничка.

Электрощиток я нашел на стене между "Музеем восковых фигур" и "Комнатой моста и бочки". Открыл его и ладонью поднял все выключатели. По идее, под ярким светом ламп "Дому страха" полагалось растерять всю свою дешевую жуть, но почему-то этого не случилось. По углам все равно копошились тени, а еще я слышал, как за тонкими деревянными стенами шалмана воет ветер, довольно сильный тем утром. Где-то на ветру стучала доска, и я дал себе задание прибить ее на место.

На руке у меня болталась проволочная корзина с чистыми тряпками и огромной банкой полироля. Через "Наклонную комнату", застывшую в крене на правый борт, я прошел в зал игровых автоматов. Посмотрел на скибольные машины и вспомнил тогдашнее неодобрение Эрин: "Разве они не знают, что эта игра — сплошное надувательство?" Я улыбнулся воспоминанию, но сердце у меня в груди гулко билось. Ведь я знал, что сделаю после того, как закончу драить вагончики.

Вагончики — все двадцать штук — выстроились у посадочной платформы.

За ними вглубь "Дома страха" уходил туннель, освещенный теперь не стробами, а яркими светильниками. Так он выглядел гораздо прозаичнее.

Я очень сомневался, что за все лето Эдди хоть раз прошелся по вагончикам хотя бы влажной тряпкой, а значит, для начала мне требовалось их помыть. То есть сходить в подсобку за мыльным порошком и набрать несколько ведер воды из-под ближайшего крана. Перемыв все вагончики, я увидел, что пришло время перерыва, но решил не отвлекаться и довести дело до конца. Я, конечно, мог сходить за кофе на задний двор или на свалку, но перспектива встретить там Эдди меня не прельщала: сегодня я его ворчания уже накушался. Поэтому приступил к полировке: намазывал полироль толстым слоем и тщательно растирал, переходя от одного вагончику к другому, пока они у меня не заблестели как новенькие под ярким светом потолочных ламп.

Я, правда, не думал, что табуны любителей острых ощущений оценят мои усилия. Когда я закончил, от моих перчаток осталось мало что. Придется ехать в город за новыми, а хорошие перчатки стоят недешево. Хохмы ради, я представил себе выражение лица Эдди, попроси я его за них заплатить.

Корзину с грязными тряпками и банку с полиролем (теперь почти пустую) я положил у выхода из зала игровых автоматов. Часы показывали десять минут первого, но думал я не о еде. Я потянулся в попытке выгнать боль из натруженных конечностей и вернулся к посадочной платформе. Полубовался на мягко блестящие вагончики и двинулся вдоль колеи уже в самый настоящий "Дом страха".

Проходя под Кричащим Черепом, мне пришлось пригнуться, хотя его уже подняли и закрепили. Впереди лежала Темница, где самородки из бригады "Доберман" старались (и в основном это у них получалось) напугать детей всех возрастов до усрачки своими завываниями и стонами. Потолок в Темнице был высоким, поэтому я смог выпрямиться. Мои шаги отдавались эхом от деревянного, выкрашенного под камень, пола. Я слышал свое собственное дыхание, резкое и сухое.

Да, я боялся, знаете ли. Том сказал мне держаться подальше от этого места, но Том управлял моей жизнью не больше, чем Эдди Паркс. У меня были "Дорз" и "Пинк Флойд", но я желал большего.

Линду Грей.

Между Темницей и Камерой пыток рельсы шли под уклон и дважды извивались в форме

буквы "S". В этом месте вагончики набирали скорость и пассажиров нещадно трясло. "Дом страха" был темным аттракционом, но во время сезона только этот отрезок оставался совершенно темным. Наверное, именно здесь убийца девушки перерезал ей горло и сбросил тело. Как же быстро он должен был действовать, и как тщательно просчитать всё заранее! За последним поворотом, пассажиров ослеплял свет многоцветных стробов. Том в подробности не вдавался, но я был уверен: что бы он ни увидел, он увидел именно там.

Я медленно шел вдоль изгибов колеи, думая, что если Эдди услышит, как я тут хожу, с него станется шутки ради вырубить свет и заставить меня пробираться на ощупь через место убийства под завывание ветра и стук расхлябанной доски. И допустим... просто допустим... что из темноты появляется рука девушки и берет мою так же, как взяла тогда Эрин в наш последний вечер на пляже...

Но свет не погас. Никакой окровавленной рубашки и призрачно мерцающих перчаток рядом с рельсами я не увидел. А когда я подошел к правильному, по моему мнению, месту, прямо на въезде в Камеру пыток, меня не встретила девушка-призрак с протянутыми в мольбе руками.

И все же, что-то там было. Я знал это тогда, знаю и сегодня.

Воздух стал холоднее. Не настолько холодным, чтобы вызвать облачка пара изо рта, но холоднее. Руки, ноги и пах у меня покрылись гусиной кожей, а волосы на затылке встали дыбом.

— Ну же, покажись, — прошептал я, чувствуя себя испуганным дураком.

Я хотел, чтобы она показалась, но надеялся на обратное.

Послышался звук. Долгий, медленный вздох. Не человеческий, нет, а словно бы кто-то открыл невидимый паровой вентиль. Потом звук стих. И всё. Больше в тот день ничего не произошло.

— Что-то ты долго, — заметил Эдди, когда без четверти час я к нему вернулся. Он сидел на том же ящике из-под яблок, в одной руке — остатки сэндвича с беконом, помидорами и салатом, в другой — картонный стаканчик с кофе. Я был с ног до головы вымазан в грязи, Эдди же, в свою очередь, был чист и свеж, как маргаритка.

— Пришлось помыть тележки перед полировкой.

Эдди втянул носом воздух, наклонил голову и схаркнул.

— Если ты за медалью, то они кончились. Отыщи Харди. Он сказал, что пора дренировать систему орошения. Этого такому ленивому засранцу, как ты, хватит до конца рабочего дня. Если нет — возвращайся, я найду, чем тебя занять. У меня целый список, поверь.

— Хорошо.

Я уже пошел, обрадованный такой возможностью, как он меня остановил.

— Эй, пацан!

Я неохотно развернулся.

— Ты ее видел?

— Что?

Он неприятно ухмыльнулся.

— Не чокай. Я знаю, чем ты там занимался. Не ты первый, не ты последний. Так ты ее видел?

— А вы?

— Не-а.

Его хитрые глазки на узком, загорелом лице буравили меня. Сколько ему было лет? Тридцать? Шестьдесят? Сложно сказать — так же, как и понять, говорил ли он правду. Мне было все равно. Мне лишь хотелось поскорее уйти. От него моя спина покрывалась мурашками.

Эдди показал мне свои перчатки.

— Парень, убивший ее, был в таких же. Ты знал?

Я кивнул.

— И в двух рубашках.

— Точно, — его ухмылка расплылась еще шире. — Чтобы избавиться от следов крови. И ведь сработало, верно? А теперь дуй отсюда.

Когда я дошел до "Колеса", меня там встретила только тень Лэйна. Ее хозяин лез на свой аттракцион по опорам и добрался уже до половины его высоты. Он проверял на прочность каждую стальную балку, прежде чем наступить на нее. На бедре у него висел кожаный футляр с инструментами, и время от времени он лез в него за торцевым ключом. В Джойленде был всего один темный аттракцион, зато так называемых "высоток" — целая дюжина, включая "Колесо", "Застежку", "Шаровую молнию" и "Мозготряс". Бригада из трех человек проверяла их каждое утро перед Первой Калиткой во время сезона, и, конечно, были еще визиты (регулярные и внезапные) инспектора по паркам развлечений штата Северная Каролина. Но Лэйн говорил, что карусельщик, который не проверяет свой аттракцион сам, ленив и безответственен. Что заставило меня задуматься: когда, интересно, Эдди Паркс в последний раз катался на своих вагончиках и проверял поручни безопасности?

Лэйн посмотрел вниз, увидел меня и крикнул:

— Этот чертов сукин сын хоть отпустил тебя на обед?

— Я его пропустил, — прокричал я в ответ. — Заработался.

Но теперь я уже проголодался.

— У меня там в будке салат с тунцом и макаронами, если хочешь. Вчера наготовил слишком много.

Я зашел в крошечную будку с пультом управления, нашел здоровенную коробку и открыл крышку. К тому времени, как Лэйн спустился на землю, тунец с макаронами был у меня в желудке, и я догонялся печеньем "Фиг Ньютонс".

— Спасибо, Лэйн. Вкусно было.

— Да, повезет тому парню, который на мне женится. Дай-ка мне тоже "ньютончиков", пока ты все не слопал.

Я передал ему коробку.

— Как там колесо?

— Все отлично, крутится-вертится. Хочешь помочь мне с мотором, когда чуток еду переваришь?

— Само собой.

Он снял котелок и покрутил его на пальце. Волосы его были стянуты в тугий хвостик, и я заметил несколько белых нитей в их черной массе. В начале лета их не было — в этом я был уверен.

— Слушай, Джонси, Эдди Паркс — потомственный ярмарочник, но при этом он все равно злобный сукин сын. В его глазах у тебя два недостатка: ты молодой, и у тебя образование больше восьми классов. Когда надоест терпеть его закидоны, скажи мне, и я его приструню.

— Спасибо, пока терплю.

— Я знаю. Я видел, как ты себя ведешь, и мне это нравится. Но Эдди — это тебе не средний случай.

— Он любит наезжать на людей, — сказал я.

— Да, но вот что хорошо: поскреби любителя позадирать людей, и обнаружишь труса. Обычно даже не очень далеко от поверхности. Тут есть люди, которых он боится, и вышло так, что один из них — я. Я ему уже разбивал нос и, не задумываясь, разобью еще раз. Я только хочу сказать, что если настанет день, и тебе захочется вздохнуть свободно, я тебе в этом помогу.

— Можно я кое-что спрошу насчет него?

— Валяй.

— Почему он всегда в перчатках?

Лэйн засмеялся, нахлобучил котелок и сдвинул набекрень, как всегда.

— Псориаз. У него все руки как в чешуе, во всяком случае, он так говорит; сам я и не помню, когда в последний раз их видел. Говорит, без перчаток он их расчесывает до крови.

— Может, он от этого такой злой.

— Скорей наоборот: плохая кожа от плохого характера.

Он постучал по виску.

— Голова управляет телом, вот как я считаю. Ладно, Джонси, давай за работу.

Подготовив "Колесо" к зимней спячке, мы перешли к системе орошения. К тому времени, как мы прочистили трубы сжатым воздухом и напоили водостоки несколькими галлонами антифриза, солнце уже заходило за деревья к западу от парка, а тени удлиннились.

— На сегодня достаточно, — сказал Лэйн. — Более чем. Давай я подпишу твою карточку.

Я стукнул пальцем по часам, которые показывали всего лишь пятнадцать минут шестого.

Лэйн улыбнулся и покачал головой. — Я с чистой совестью напишу тебе шесть — ты сегодня переделал работы часов на двенадцать, пацан. По меньшей мере.

— Ладно. Но не называйте меня пацаном. Это он так меня называет. — Я махнул головой в сторону "Дома страха".

— Я запомню. А теперь давай карточку и уматывай.

К вечеру ветер немного поутих, но все равно был довольно свежим, когда я направился по пляжу домой. Во время таких вечерних прогулок мне нравилось наблюдать за своей длинной тенью на волнах, но в тот вечер я в основном смотрел себе под ноги. Я жутко устал. Мне лишь хотелось купить сэндвич с ветчиной и сыром в "Булочной Бетти" да пару банок пива в "7-11" по соседству. Поднимусь с ними в свою комнату, сяду на стул у окна и буду за едой читать Толкиена. Меня ждали "Две башни".

Поднять глаза меня заставил крик мальчика. Ветер дул в мою сторону, и голос я услышал отчетливо.

— Быстрее, мам! У тебя почти пол... — Тут он зашелся кашлем.

А потом:

— У тебя почти получилось!

Мама сегодня была на пляже, а не у себя под зонтиком. Она бежала в мою сторону, но меня не видела, потому что смотрела на воздушного змея, которого держала у себя над головой. Бечева от него тянулась к мальчику, сидевшем в своем кресле-коляске на краю пандуса.

Не туда, мамаша, подумал я.

Она отпустила змея. Тот поднялся на пару футов, шаловливо повилял из стороны в сторону, а потом рухнул на песок и заскользил по пляжу. Маме пришлось его догонять.

— Давай еще раз! — крикнул Майк. — У тебя поч... — кхе-кхе-кхе, резкий и сухой кашель. — У тебя почти получилось!

— Ничего подобного! — голос у нее был злым и усталым. — Чертова штуковина меня ненавидит. Давай лучше вернемся в дом и поуж...

У кресла-коляски сидел Майло и наблюдал блестящими глазками за вечерними упражнениями хозяйки. Завидев меня, он залаял и пулей ринулся с места. Я вспомнил пророчество мадам Фортуны в день нашей первой встречи: в твоём будущем есть маленькие девочка и мальчик. У мальчика собака.

— Майло, назад! — крикнула мамаша. Наверное, когда-то волосы у нее были заколоты, но теперь, после нескольких летних экспериментов, они прядями свисали на лицо, и ей то и дело приходилось их смахивать.

Майло не обратил внимания. Затормозив в облаке песка прямо передо мной, он сел на задние лапы. Я засмеялся и похлопал его по голове.

— И всё, дружок — круассанов сегодня не будет.

Майло твякнул и засеменил обратно к мамаше, которая стояла по щиколотку в песке, тяжело дыша и недоверчиво на меня посматривая. Пойманный змей болтался у ее ног.

— Вот видите? — сказала она. — Поэтому я вас и просила его не кормить. Он у нас жуткий попрошайка и считает другом любого, кто даст ему хоть что-нибудь.

— Да я и сам довольно дружелюбный.

— Рада за вас, — ответила она. — Но нашу собаку больше не кормите.

На ней были бриджи и старая синяя футболка с выцветшей надписью. Судя по пятнам пота, заставить змея летать она пыталась уже довольно долго. И почему нет? Если бы мой ребенок был прикован к креслу-коляске, я бы тоже захотел подарить ему что-нибудь воздушное.

— Просто вы идете не в ту сторону, — сказал я. — И в любом случае бежать никуда не нужно. Не знаю, почему все думают, что надо бежать.

— Уверена, вы в этом разбираетесь, — сказал она, — но уже поздно и мне надо накормить Майка ужином.

— Мам, пусть попробует. Ну пожалуйста.

Немного постояв с опущенной головой и прилипшими к шее потными волосами, она вздохнула и протянула мне змея. Теперь я смог прочитать надпись на футболке: КЕМП ПЕРРИ ТУРНИР 1959 (В ПОЛОЖЕНИИ ЛЕЖА). На змее же изобразили лицо Иисуса, и я не смог сдержать смех.

— Шутка такая. Посторонний не поймет, — сказала она. — Не спрашивайте.

— Ладно.

— У вас одна попытка, мистер Джойленд, а потом я увожу сына на ужин. Ему нельзя мерзнуть. В прошлом году он сильно заболел и до сих пор не выздоровел, пусть он со мной и не согласится.

На пляже все еще было градусов семьдесят пять^[17], но я смолчал: у мамы явно не было сил на дальнейшие препирательства. Вместо этого я ей напомнил, что зовут меня Девин Джонс. Она подняла руки и тут же их опустила, мол, как скажешь, приятель.

Я посмотрел на мальчика.

— Майк?

— Что?

— Начинай наматывать бечевку. Я тебе скажу, когда остановиться.

Так он и сделал. Я пошел за змеем, а когда поравнялся с креслом-коляской, посмотрел на Иисуса.

— Ну, теперь-то ты у нас взлетишь, мистер Христос?

Майк засмеялся. Мама — нет, но я увидел, что губы ее слегка дернулись.

— Он говорит, что взлетит, — пообещал я Майку.

— Отлично, потому что... — Кхе. Кхе-кхе-кхе. Мама права, он все еще не выздоровел. Чем бы он там ни болел. — Потому что до сих пор он только песок кушал.

Подняв змея над головой, я повернул его к Хэвенс-Бэй и тут же почувствовал, как в него вцепился ветер. Змей заколыхался.

— Теперь, Майк, я его отпускаю. А как отпускаю — начинаю снова наматывать бечевку.

— Но он же...

— Не бойсь. Но действовать надо быстро и четко. — Я старался сделать инструкции сложнее, чтобы мальчик почувствовал себя крутым и умелым, когда змей взлетит. И он взлетит, если только ветер не стихнет. Я очень надеялся, что этого не произойдет, потому что насчет одной попытки мама явно не шутила. — Змей поднимется. Как только поднимется, начинай отматывать бечевку. Но она должна все время оставаться натянутой, ясно? То есть если она провиснет, ты...

— Намотаю ее обратно. Понял — не маленький.

— Хорошо. Готов?

— Ага!

Сидя между мной и мамой, Майло наблюдал за змеем.

— Итак: три... два... один... поехали!

Мальчишка сгорбился в своем кресле, а на его ноги под шортами больно было смотреть, но руки у него были в порядке и он умел следовать приказам. Майк намотал бечевку — змей сразу взмыл вверх. Тут же он начал вытравливать — поначалу переборщил и змей нырнул вниз, но быстро исправился, и тот снова взлетел. Мальчик засмеялся.

— Я его чувствую! Чувствую, как он вырывается!

— Это ветер, сказал я. — Продолжай в том же духе, Майк. Когда змей поднимется чуть выше, ветер им завладеет полностью, а там уже просто следи, чтобы он не вырвался.

Он отпустил бечеву, и воздушный змей взмыл ввысь, сначала над пляжем, а затем и над

океаном, поднимаясь все выше и выше в голубое сентябрьское небо. Я последил за ним какое-то время, потом рискнул взглянуть на женщину. Она не ошетибилась в ответ, потому что смотрела она только на сына. Не думаю, что я когда-либо видел столько любви и счастья на чьем-нибудь лице — потому что мальчик был счастлив. Его глаза сияли, а кашель прекратился.

— Мам, он как будто живой! — Так и есть, подумал я, вспоминая, как отец учил меня запускать змеев в городском парке. Тогда мне было столько же лет, сколько Майку, только ноги у меня были в порядке. Пока змей парит в вышине — там, где он создан парить — он действительно живой. — Сама потрогай!

По небольшому склону она подошла к деревянному настилу и остановилась около мальчика. Глаза ее не отрывались от змея, а рука поглаживала темно-каштановые волосы сына.

— Ты уверен, солнышко? Ведь это твой змей.

— Да, мой, но ты должна попробовать! Это так здорово!

Она взяла катушку, бечевы на которой оставалось все меньше по мере того, как змей поднимался вверх (теперь это был лишь черный ромб, лица Иисуса видно уже не было) и вытянула ее перед собой. Показалось, что на какое-то мгновение ей стало страшно. А потом она улыбнулась. Когда порыв ветра подхватил змея и заставил его наклониться сначала на левый, а потом на правый борт, она вся расплылась в улыбке.

Она управляла им какое-то время, а потом Майк сказал:

— Пусть теперь он.

— Не стоит, все нормально, — запротестовал я.

Но она уже протягивала мне катушку.

— Мы настаиваем, мистер Джонс. Вы же, в конце концов, мастер пилотажа.

Я взял бечеву и вновь испытал знакомые острые ощущения. Бечева дрожала в руке точно леска удочки, на крючок которой попалась здоровенная форель, но несомненный плюс запуска воздушных змеев в том, что они никого не убивают.

— И высоко он поднимется? — спросил Майк.

— Не знаю, но, думаю, сегодня поднимать выше его не стоит. Наверху сильный ветер — змей может оторваться. К тому же вам, наверное, уже пора ужинать.

— Мам, можно мистеру Джонсу поужинать с нами?

Она задумалась над этим предложением — было видно, что ей оно не по душе. Однако она была готова согласиться — ведь я запустил змея.

— Не стоит, — сказал я. — Благодарю за приглашение, но сегодня в парке был тяжелый день. Мы задраивали люки на зиму, так что мне бы хотелось поскорее добраться до душа.

— Вы можете принять его у нас, — сказал Майк. — У нас около семидесяти ванных комнат.

— Майкл Росс, у нас нет семидесяти ванных комнат!

— Или даже семьдесят пять, и в каждой по джакузи, — он засмеялся. Это был милый, заразительный смех — по крайней мере, до тех пор, пока он не перешел в кашель. Кашель становился все сильнее, но, не успела мать Майка всерьез забеспокоиться, он смог его унять.

— В другой раз, — сказал я и протянул ему катушку с бечевой. — Мне нравится твой змей. Пес тоже ничего.

Я наклонился и потрепал Майло по макушке.

— Эх, ну ладно. В другой раз. Но только не задерживайтесь, потому что...

Мать резко оборвала его.

— Мистер Джонс, вы могли бы завтра пойти на работу чуть раньше?

— Думаю, да.

— Если погода будет хорошей, мы могли бы выпить по фруктовому коктейлю. Я делаю

неплохие фруктовые коктейли.

Готов был поспорить, что так и есть. Кроме того, это позволит ей не запускать незнакомца в дом.

— Вы придете? — спросил Майк. — Будет здорово.

— С удовольствием. Еще и захвачу с собой пакет выпечки из булочной.

— О, вовсе не обязательно... — начала она.

— Меня это не затруднит, мэм.

— О, — она словно вспомнила что-то. — Я же не представилась, да? Меня зовут Энн Росс.

Она протянула руку.

— Я бы ее пожал, миссис Росс, но я и вправду не очень чистый, — я показал ей свои ладони. — Боюсь, змея я тоже запачкал.

— Вам... тебе надо было пририсовать Иисусу усы! — крикнул Майк и вновь зашелся в смехе, который перешел в приступ кашля.

— Ты слишком ослабил бечеву, Майк, — сказал я. — Подкрути чуть-чуть.

И, когда он принялся наматывать бечеву на катушку, я в последний раз потрепал Майло и пошел вниз по пляжу.

— Мистер Джонс, — окликнула меня Энн Росс.

Я обернулся. Она стояла прямо, задрав подбородок.

Мокрая от пота рубашка прилипла к телу, и я убедился в том, что у нее отличная грудь.

— И я, вообще-то, мисс. Но поскольку мы уже должным образом представились друг другу, можете звать меня Энни.

— Хорошо, — я указал на ее футболку. — Что за "турнир"? И почему "в положении лежа"?

— Это стрелковая позиция, — сказал Майк.

— Сто лет уже этим не занималась, — ответила она тоном, не предполагающим развитие разговора.

Я не возражал. Мы с Майком обменялись прощальными взмахами. Он улыбнулся. Улыбка у него была классная.

Через сорок или пятьдесят ярдов я оглянулся. Змей опускался, но ветер все еще играл с ним. Они смотрели на него — мальчик и его мать, положившая ему руку на плечо.

Мисс, подумал я. Мисс, а не миссис. Жил ли в большом викторианском особняке с семьюдесятью спальнями какой-нибудь мистер? Я его ни разу не видел, но это ничего не значит. Хотя не было, наверное, никакого мистера. Они жили вдвоем.

Сами по себе.

От Энни Росс я следующим утром не получил никаких разъяснений, зато многое узнал от Майка. А еще я получил отличный фруктовый коктейль. Она сказала, что сделала йогурт сама, и он был прослоен свежей клубникой — Бог знает, откуда взявшейся. Я принес круассаны и кексы с черникой из "Булочной Бетти". Майк не стал есть выпечку, зато выпил свой коктейль и попросил второй. Судя по тому, как отвисла челюсть у его мамы, это было выдающееся событие. Но, как мне показалось, в хорошем смысле.

— А ты точно осилишь еще один?

— Ну, может, половинку, — ответил он. — А что такое, мам? Сама же говоришь, что свежий йогурт помогает работе кишечника.

— Не думаю, что стоит обсуждать твой кишечник в семь утра, Майк.

Она встала, затем бросила на меня неуверенный взгляд.

— Не волнуйся, — бодро сказал Майк. — Если он начнет меня лапать, я науськаю на него Майло.

На ее щеках проступила краска.

— Майкл Эверетт Росс!

— Извини, — сказал он. Непохоже было, что ему стыдно. Глаза его сияли.

— Не передо мной извиняйся, а перед мистером Джонсом.

— Прощаю, прощаю.

— Вы присмотрите за ним, мистер Джонс? Я ненадолго.

— Да, если будете называть меня Девин.

— Договорились.

Она торопливо пошла по дорожке, остановившись разок, чтобы оглянуться на нас. Думаю, она почти решила вернуться, но в конце концов перспектива впихнуть побольше здоровой еды в своего болезненно худого мальчика перевесила, и она пошла дальше.

Следя за тем, как она поднимается на задний двор, Майк вздохнул:

— Теперь придется его съесть.

— Ну да. Ты же вроде сам попросил?

— Только чтобы спокойно с тобой поговорить. Я, конечно, ее люблю, но она вечно вмешивается. Как будто моя болезнь — какой-то позорный секрет, который мы должны скрывать.

Он пожал плечами.

— У меня мышечная дистрофия, только и всего. Поэтому я в инвалидном кресле. Я могу ходить, но эти костыли и скобы — такая морока.

— Мне очень жаль, — сказал я. — Паршиво это, Майк.

— Наверное. Но я болею, сколько себя помню, так что какая нафиг разница. Только это особый вид — мышечная дистрофия Дюшенна. Большинство ребят, у кого она есть, откидывают коньки до двадцати лет или чуть за двадцать.

Ну и скажите на милость: что ответить десятилетнему мальчику, который только что сказал тебе, что его смертный приговор уже подписан?

— Но! — он важно поднял палец. — Помнишь, она говорила, как я болел в прошлом году?

— Майк, ты можешь мне все это не рассказывать, если не хочешь.

— Могу, но я-то хочу, — он смотрел на меня пристально, даже настойчиво. — Потому что ты хочешь это знать. Может быть, тебе даже нужно это знать.

Я снова думал о Фортуне. Два ребенка, сказала она мне, девочка в красной кепке и мальчик с собакой. Она сказала, что один из них ясновидящий, но она не знает, который. Похоже, теперь я это знал.

— Мама сказала, что я думаю, будто я выздоровел. Похоже, что я выздоровел?

— Кашляешь ты сильно, — отважился заметить я, — но в остальном...

Я не знал, как закончить. Но в остальном — у тебя ноги как палочки? В остальном ты выглядишь так, как будто взлетишь, как воздушный змей, если мы с твоей мамой привяжем шпагат к твоей футболке? В остальном, если бы мне пришлось держать пари, кто дольше проживет — ты или Майло, я бы поставил на собаку?

— Я слег с пневмонией после Дня благодарения. Когда после пары недель в больнице мне не стало лучше, врач сказал маме, что я, наверно, умру, и ей надо — в общем, готовиться к этому.

Он не мог сказать этого при тебе, подумал я. Они бы никогда не стали вести такой разговор там, где ты мог его услышать.

— Но я не умер, — сказал он с ноткой гордости. — Дедушка позвонил маме — я думаю, это был их первый разговор за долгое время. Не знаю, кто сказал ему, что происходит, но у него везде свои люди.

"Везде свои люди" — это смахивало на паранойю, но я придержал язык. Позже я узнал, что паранойей там и не пахло.

У дедушки Майка действительно везде были свои люди, и все они поклонялись Иисусу, флагу и Национальной стрелковой ассоциации — не обязательно в этом порядке.

— Дедушка сказал, что я победил пневмонию по Божьей воле. Мама сказала, что он городит чушь, как в тот раз, когда он сказал, что моя дистрофия — это кара Божья. Она сказала, что я просто крепкий маленький сукин сын, а Бог тут ни при чем. И повесила трубку.

Майк мог слышать ее реплики, но не дедушкины, и я чертовски сомневался, что мать ему их пересказала. Но я не считал, что он все выдумал. Я даже захотел, чтобы Энни немного задержалась. Слова Майка не походили на речи Мадам Фортуны. Она, как я думал тогда и продолжаю думать сейчас, столько лет спустя, обладала небольшими, но настоящими сверхъестественными способностями, подкрепленными тонким знанием людской природы и завернутыми в блескучую ярмарочную оболочку. У Майка все было яснее и проще. Чище. На призрак Линды Грей это не было похоже, но что-то общее тут было. Соприкосновение с иным миром.

— Мама сказала, что никогда сюда не вернется, но, как видишь, мы здесь. Потому что я хотел поехать к морю, и потому что я хотел запустить воздушного змея, и потому что мне никогда не исполнится двенадцать, не говоря уже про двадцать. Из-за пневмонии, понимаешь? Мне дают стероиды, и они помогают, но пневмония вместе с блядской дистрофией Дюшенна искалечили мне легкие и сердце навсегда.

Он взглянул на меня с детским вызовом, ожидая реакции на то, что теперь скромно называют "бомба на букву "Б"".

Я, конечно, не отреагировал. Слишком занят был перевариванием его слов, чтобы думать об их пристойности.

— Ясно, — сказал я. — Ты хочешь сказать, что лишний коктейль тут не поможет.

Он засмеялся, запрокинув голову. Смех перешел в такой приступ кашля, какого я у него еще не видел. В тревоге я подошел к нему и похлопал по спине... но осторожно. На ощупь под рубашкой не было ничего, кроме цыплячьих косточек. Майло гавкнул разок и положил лапу на худющую ногу Майка.

На столе было два кувшина — с водой и со свежавыжатым апельсиновым соком. Майк

указал на воду, и я налил ему полстаканчика. Когда я попытался поднести стакан к его губам, он взглянул на меня с раздражением, несмотря на непрекращающийся кашель, и взял его сам. Часть воды он пролил на рубашку, но большая часть попала в горло, и приступ стал утихать.

— Сильный приступ, — сказал он, поглаживая себя по груди. — Сердце стучит, как сволочь. Не говори маме.

— Господи, малыш! А то она не знает.

— Она слишком много знает, вот что я думаю, — сказал Майк. — Она знает, что мне осталось, может быть, три хороших месяца, а потом четыре-пять очень плохих. Типа, все время лежать в постели и ничего не делать, только сосать кислород и смотреть "МЭШ — военно-полевой госпиталь" и "Толстого Альберта" (Популярные комедийный сериал и детская передача 1970-х, прим. пер.). Вопрос только в том, разрешит ли она бабуле и дедуле Росс прийти на похороны.

От кашля у него заслезились глаза, но я понимал, что он не плачет. Ему было тоскливо, но он держал себя в руках. Вчера, когда змей взмыл верх, и Майк почувствовал, как натянулась веревка, он казался младше своих лет. А теперь я видел, что он изо всех сил старается быть старше. И больше всего пугало то, что ему это удавалось.

Он взглянул на меня в упор.

— Она знает. Только не знает, что я знаю.

Хлопнула задняя дверь. Мы взглянули на дом и увидели, что Энни уже направляется по двору к дорожке.

— Почему мне надо это знать, Майк?

Он покачал головой.

— Понятия не имею. Только маме не говори, ладно? Она расстроится. У нее ничего нет, кроме меня.

Последнюю фразу он произнес не с гордостью, а с неким мрачным реализмом.

— Ладно.

— А, и еще, чуть не забыл. — Он бросил на нее взгляд, убедился, что она только на полпути, и снова повернулся ко мне. — Они не белые.

— Кто не белые?

Майк Росс явно был озадачен.

— Без понятия. Когда я утром проснулся, то вспомнил, что ты придешь на коктейль, и это пришло мне в голову. Я думал, ты поймешь.

Подошла Энни. Она налила мини-смузи в стакан для сока. Наверху была единственная клубничка.

— М-м-м-м! — сказал Майк. — Спасибо, мам.

— Да на здоровье, мой дорогой.

Она поглядывала на его мокрую рубашку, но комментировать не стала. Когда она спросила, хочу ли я еще сока, Майк мне подмигнул. Я сказал, что это было бы здорово. Пока она наливала сок, Майк скормил Майло две ложки с горкой своего смузи.

Она снова обернулась к нему и взглянула на его стакан, теперь полупустой.

— Ого. Ты и правда был голодный.

— Я же говорил.

— О чем вы говорили с мистером Джонсом... с Девином?

— Так, ни о чем, — ответил Майк. — Ему было грустно, но теперь стало лучше.

Я ничего не сказал, но почувствовал, как к щекам приливает жар. Когда я решился взглянуть на Энни, она улыбалась.

— Добро пожаловать в мир Майка, Девин, — сказала она, и, наверно, у меня стал такой

вид, будто я проглотил золотую рыбку, потому что она расхохоталась. Этот звук мне понравился.

Тем вечером, когда я возвращался из Джойленда, Энни ждала меня у края настила. Я впервые увидел ее в блузке и юбке. И она была одна. Тоже впервые.

— Девин? Можно вас на минутку?

— Конечно, — ответил я и направился к ней по песчаному склону. — Где Майк?

— Три раза в неделю у него физиотерапия. Обычно Джанис — физиотерапевт — приходит по утрам, но сегодня я устроила так, чтобы она пришла вечером, потому что хотела поговорить с вами наедине.

— А Майк знает?

Энни печально улыбнулась.

— Наверное. Майк знает намного больше, чем ему положено. Не буду спрашивать, о чем вы говорили после того, как утром он от меня избавился, но подозреваю, что его... озарения... вас не удивляют.

— Он мне рассказал, почему прикован к креслу, вот и всё. А еще упомянул, что на прошлый День благодарения подхватил воспаление легких.

— Я хотела вас поблагодарить за змея, Дев. Мой сын спит очень беспокойно. Не от боли, нет, но во время сна у него нарушается дыхание. Что-то вроде коротких асфиксий. Ему приходится спать полусидя, что тоже не очень удобно. Иногда он вообще перестает дышать, и тогда его будит особый сигнал. Но за эту ночь — после запуска змея — он не проснулся ни разу. Я даже встала в два часа и прошла в его комнату, чтобы проверить, не испортился ли монитор. Но Майк просто спал как младенец. Ни тебе беспокойных метаний по постели, ни кошмаров — а они ему часто снятся — и никаких стонов. И всё благодаря змею. Змей порадовал его как ничто другое. Может быть, только поход в этот ваш клятый парк развлечений обрадовал бы его больше, но ни о чем таком и речи быть не может. — Тут она замолчала. Потом улыбнулась. — Черт. Кажется, меня прорвало.

— Всё нормально, — сказал я.

— Просто мне и поговорить-то почти не с кем. У меня есть домработница — очень хорошая женщина из Хэвенс-Бэй — и, конечно, Джанис, но это другое. — Она глубоко вздохнула. — И вот еще что. Я несколько раз повела себя с вами грубо без всякой причины. Простите меня.

— Миссис... Мисс... — Блин. — Энни, вам не за что извиняться.

— Есть за что. Вы просто могли наплевать на мои мучения со змеем и пройти мимо, и тогда Майк бы не получил полноценный ночной отдых. Могу лишь сказать, что с доверием к людям у меня большие трудности.

Вот тут она и пригласит меня на ужин, подумал я. Но она не пригласила. Может, из-за моих следующих слов.

— Знаете, а ведь Майк может посетить парк. Устроить это довольно просто. Парк уже закрыт на зиму, поэтому ему никто не мешает.

Ее лицо напряглось, будто сжатая в кулак рука.

— Нет. Ни в коем случае. Если вы так считаете, то вы знаете о его состоянии гораздо меньше, чем думаете. Даже не упоминайте при нем ничего такого. Я настаиваю.

— Ладно, — ответил я. — Но если вдруг передумаете...

Я запнулся. Не передумает она. Энни посмотрела на часы, и ее лицо осветила улыбка, в сиянии которой трудно было заметить, что глаз она не коснулась.

— Ой, уже совсем поздно. Майк же проголодается после упражнений, а я еще ничего не

приготовила на ужин. Отпустите меня?

— Конечно.

Я стоял и смотрел, как она спешит по настилу к своему зеленому особняку, в который я, наверное, так и не попаду, благодаря своему болтливому рту. Но ведь идея взять Майка в Джойленд казалась такой правильной. За лето у нас в парке побывала уйма детишек с самыми разными недугами: дети-калеки, слепые дети, больные раком, дети с проблемами в развитии (которых в 70-е попросту называли умственно отсталыми). Ведь я же не собирался посадить Майка на "Мозготряс" и запустить на полной скорости. "Мозготряс", правда, уже закрыли на зиму, но, в любом случае, я же не полный идиот!

Карусель, например, все еще работала, и на ней Майк вполне мог бы прокатиться. Как и на поезде в "Деревне Туда-Сюда". Я был уверен, что Фред Дин разрешит мне показать мальчишке "Зеркальный дворец Мистерио". Но не бывать этому. Не бывать.

Он же ее нежный оранжерейный цветочек, и менять она ничего не собиралась. Змей был лишь минутным отклонением, а извинения — горькой пилюлей, которую ей пришлось проглотить.

И все равно я не мог не восхищаться гибкостью и быстротой ее движений, о которых ее сын мог только мечтать. Я смотрел на ее голые ноги под подолом юбки, и Венди Кигэн напрочь вылетела у меня из головы.

Выходные у меня выпали на уикенд — и вы, наверное, уже догадались, что произошло. Сама мысль о том, что по выходным всегда идет дождь, кажется глупой, но это не так: спросите любого работягу, который хоть раз в жизни планировал на выходных сгонять на рыбалку или выбраться с палаткой на природу.

Что ж, на такой случай под рукой всегда был Толкиен. Вот и в тот субботний день, когда миссис Шоплоу постучала в дверь и спросила, не желаю ли я спуститься в гостиную и составить им с Тиной Акерли компанию в "Скраббл", я сидел в кресле у окна и вместе с Фродо и Сэмом пробирался вглубь Мордора.

Я, будучи много раз бит в "Скраббл" своими тетушками Тэнси и Наоми, не слишком-то любил эту игру. У обеих был просто гигантский словарный запас — я называл его "скраблятиной": он включал такие удивительные экземпляры, как бьеф, фря и бхут (индийский дух, представьте себе). Тем не менее, я согласился. Миссис Шоплоу, в конце концов, была моей хозяйкой, а у дипломатии много форм.

Когда мы спускались по лестнице, она доверительно сообщила мне:

— Помогаем Тине размяться. Она у нас акула "Скраббла". В следующие выходные участвует в каком-то турнире в Атлантик-сити. Даже вроде как с денежными призами.

Очень быстро — примерно за четыре хода — выяснилось, что в "Скраббле" наша соседка даст фору обеим моим тетушкам, причем огромную. К тому времени, как мисс Акерли сложила слово "венценосец" (с извиняющейся улыбкой, характерной, похоже, для всех мастеров "Скраббла" — они, наверное, тренируют ее перед зеркалом), Эммалина Шоплоу отставала от нее на восемьдесят очков. Что же касается меня... не будем о грустном.

— Вы, наверное, ничего не знаете об Энни и Майке Россах? — спросил я в ожидании своего хода (моим соперницам всякий раз требовалась доооолгая пауза на раздумья). — Они живут в большом зеленом особняке на Бич-роу.

Мисс Акерли замерла — с рукой, запущенной в маленький коричневый мешочек с буквами. Ее глаза и так были большими, а толстые линзы очков делали их и вовсе огромными.

— Ты встречался с ними?

— Угу. Они пытались запустить воздушного змея... в смысле, она пыталась... а я немного помог. Они очень милые. Мне просто стало интересно... Вдвоем, в таком гигантском доме, причем мальчик серьезно болен...

Они обменялись недоверчивыми взглядами, и я уже начал сожалеть, что вообще затронул эту тему.

— Она говорила с тобой? — спросила миссис Шоплоу. — Снежная королева и в самом деле говорила с тобой?

Не просто говорила — угощала меня смузи. Благодарила меня. Даже извинялась передо мной. Но ни о чем таком я рассказывать не стал: не только потому, что Энни вновь вся заледенела, когда я ляпнул лишнего, а потому, что это мне казалось чем-то вроде предательства.

— Немного. Я просто помог им со змеем, вот и все. — Я повернул доску. Она принадлежала Тине — профессиональная, со встроенным шпинделем. — Ну же, миссис Шоплоу. Ваш ход. Может, выберете что-нибудь из моего слабого словарного запаса?

— Если разместить буквы с умом, то слово "слабый" может принести семьдесят очков, — заметила Тина Акерли. — Даже больше, если потом добавить к нему что-нибудь с буквой "ы".

Миссис Шоплоу проигнорировала и совет, и расположение букв на доске.

— Ты, конечно же, знаешь, кто ее отец.

— Не уверен.

Хотя я уже знал, что у нее с ним натянутые отношения, причем давно.

— Бадди Росс? "Час силы с Бадди Россом". Неужели не знаешь?

Что-то такое я припоминал. Вроде бы в костюмерной я слышал выступавшего по радио священника с фамилией Росс. Как-то раз, когда я второпях переодевался в меха, Дотти Лассен спросила — ни с того ни с сего — нашел ли я Иисуса. Сначала я даже хотел ответить ей, что не знал о его пропаже, но сдержался.

— Какой-то проповедник, так?

— Что-то вроде Орала Робертса и Джимми Сваггерта, такой же известный, — сказала миссис Шоплоу. — Вещает из своей огромной церкви в Атланте. Он называет ее "Божий оплот". Его радиопередачи транслируются на всю страну, а сейчас он очень активно пытается прорваться на телевидение. Не знаю, дают ли ему эфир бесплатно или он его покупает. Уверена, что он может себе это позволить — особенно в ночные часы, когда боль и бессонница не дают старикам уснуть. Его шоу состоят наполовину из чудесных исцелений, наполовину — из сбора пожертвований.

— Внука ему почему-то исцелить не удастся, — заметил я.

Тина вытащила руку из мешочка — пустую. На какое-то время она забыла об игре — к счастью для ее беспомощных соперников. Глаза ее сверкали.

— Ты не знаешь об этой истории? Обычно я не верю слухам, но... — она понизила голос и заговорила заговорщицким шепотом. — Но раз уж ты их встретил, могу рассказать.

— Да, пожалуйста.

Кажется, на один из вопросов — как Энни и Майк оказались вдвоем в большом доме на одном из самых роскошных пляжей Северной Каролины — я уже получил ответ.

Летний домик дедули Бадди, купленный и обслуживаемый за счет пожертвований.

— У него два сына, — сказала Тина. — Оба занимают высокие посты в его церкви — то ли дьяконы, то ли пасторы, не знаю. Я не слишком-то сильна в этой псевдо-религиозной лабуде. А вот дочь... дочь — она другая. Увлекалась спортом. Ездой верхом, теннисом, стрельбой из лука. Вместе с отцом охотилась на оленей. Участвовала в уйме соревнований по стрельбе. Все это оказалось в газетах, когда начались неприятности.

Теперь стало понятно, откуда взялась надпись на футболке.

— Когда ей исполнилось восемнадцать, она буквально пошла вразнос — так, по крайней мере, считал отец. Она поступила в светско-гуманитарный колледж, да и вообще, судя по всему, была не слишком покладистой дочерью. Сначала бросила спортивные соревнования, потом сменила церковные собрания на вечеринки, спиртное и парней. А еще... — Тина вновь понизила голос. — Она курила травку!

— Господи, — сказал я. — Только не это!

Миссис Шоплоу с укоризной посмотрела на меня, но Тина ничего не заметила.

— Да! Именно! О ней начали писать — таблоиды, потому что она была красивой и богатой, но в основном из-за того, что ее отец — знаменитость. Заблудшая, вот как они ее называли. Мини-юбки, хождение без лифчика — настоящий скандал для отцовской церкви. Ну, ты же знаешь этих фундаменталистов — их принципы берут свое начало в Ветхом завете: праведным спасение, а грешникам проклятье до седьмого колена. А ведь она не просто сходила на пару вечеринок, — глаза Тины теперь выглядели такими огромными, что, казалось, еще немного — и они выпадут из глазниц и скатятся по щекам. — Она вышла из Национальной стрелковой ассоциации и вступила в Американское общество атеистов!

— Ого. Об этом тоже написали газеты?

— Самособой! Никто не удивился, когда она забеременела, а когда ребенок родился, у

него обнаружили болезнь... церебральный паралич, кажется...

— Мышечная дистрофия.

— Как бы там ни было, однажды ее отца спросили о внуке — и знаешь, что он ответил?

Я покачал головой, но подумал, что могу сделать предположение, недалекое от истины.

— Он сказал, что господь карает грешников и неверующих. Что его дочь не является исключением и что, может, болезнь сына вернет ее в лоно церкви.

— Думаю, этого не случилось до сих пор, — сказал я, вспомнив лицо Иисуса на змее.

— Не понимаю, почему люди используют религию для того, чтобы причинять друг другу боль — ее в нашем мире хватает и без того, — сказала миссис Шоплоу. — Религия должна успокаивать.

— Он просто старый резонер и самодур, — сказала Тина. — Неважно, сколько у нее было мужчин и сколько косяков она выкурила. От этого она не перестала быть его дочерью, а мальчик — его внуком. Я видела его пару раз в городе, в инвалидном кресле или в тех скобах, которые нужны ему для ходьбы. Очень милый мальчик, а она... она была трезвой. И в бюстгальтере.

Она сделала паузу, пытаясь вспомнить.

— Вроде бы.

— Ее отец может измениться, — сказала миссис Шоплоу, — но я в этом сомневаюсь. Юноши и девушки могут повзрослеть, а вот старики и старухи становятся лишь старше, и с каждым годом все сильнее укрепляются во мнении, что правда на их стороне. Особенно если они чтят Писание.

Я вспомнил, что иногда говорила моя мать.

— Цитатами из Писания может изъясняться и дьявол.

— Причем самым приятным голосом, — мрачно согласилась миссис Шоплоу. Но тут ее лицо посветлело. — Тем не менее, преподобный Росс все еще позволяет им жить на Бич-роу. Должно быть, считает, что кто старое помянет — тому глаз вон. Может, до него дошло, что она тогда была всего лишь молоденькой девчушкой. Может, ей даже голосовать еще не разрешалось. Дев, твой ход.

Я составил слово "горе". Семь очков.

Трепку мне задали безжалостную, но — едва Тина Акерли разошлась на полную катушку — весьма недолгую. Я вернулся в комнату, сел на стул у окна и попробовал присоединиться к Фродо и Сэму на пути к Роковой Горе. Не получилось. Закрыв книгу, я уставился сквозь залитое дождем окно на пустынный пляж и серый океан. Зрелище довольно унылое, и обычно в такие минуты мои мысли возвращались к Венди. Где она сейчас, что делает и с кем? Я вспоминал ее улыбку, падающие на щеку волосы, мягкие полукружия грудей под одним из ее многочисленных шерстяных свитеров.

Но не сегодня. Вместо Венди я думал об Энни Росс и внезапно понял, что, похоже, неслабо в нее втюрился. Ничего, конечно, у нас не выйдет — она ведь на десять лет меня старше, а то и на все двенадцать — и от этого становилось еще хуже. А может, и лучше — ведь безответная любовь имеет свои прелести в глазах молодых людей.

Миссис Шоплоу предположила, будто эннин святоша-отец решил оставить все неурядицы позади, и я подумал, что, может быть, она и права. Я слышал, что внуки смягчают упрямых стариков, и что он, возможно, захотел узнать мальчишку получше, пока не стало слишком поздно. Он мог узнать (от одного из своих людей), что Майк хоть и калека, но очень умный мальчик. А еще до него могли дойти слухи, что у Майка, по выражению мадам Фортуны, "дар видения". А может, мне просто пора избавиться от розовых очков. Вдруг мистер Огонь-и-Сера разрешил дочери воспользоваться домом за обещание держать язык за зубами, не щеголять больше в вызывающих миниюбках и не курить травку, пока он совершает такой важный переход от радио к телевидению?

О Бадди Россе я мог размышлять еще очень долго — пока закрытое тучами солнце не сядет за горизонт — и всё равно не сделать никаких выводов. А вот насчет Энни Росс я кое в чем был уверен: она старые неурядицы позади не оставила.

Поднявшись со стула, я спустился вниз в гостиную, по дороге выуживая из бумажника записку с номером телефона.

Я слышал, как на кухне щебечут миссис Шоплоу и Тина Акерли. Звонил я Эрин Кук, хотя и не особо надеялся застать ее в общежитии посреди субботы: скорее всего, она уехала к Тому в Нью-Джерси. Наверное, они сейчас скандируют на стадионе кричалку Алых Рыцарей.

Но дежурившая у телефона девушка сказала, что она сейчас ее позовет, и через три минуты в трубке послышался голос Эрин.

— Дев, я как раз собиралась тебе позвонить. Я бы даже хотела к тебе приехать, если смогу убедить Тома поехать со мной. Думаю, смогу, но будет это не на следующие выходные. Может, через две недели.

Настенный календарь мне подсказал, что через две недели наступит первый уикенд октября.

— Так ты все-таки что-то накопила?

— Не знаю. Может быть. Я вообще люблю исследования, а этим я по-настоящему загорелась. Нарыла кучу всякого-разного, но, наверное, сидя в библиотеке, к разгадке убийства Линды Грей мне не подобраться. И все же... мне надо кое-что тебе показать. Кое-что меня очень встревожило.

— Встревожило? В каком смысле?

— Не хочу объяснять по телефону. Если Тома я уломать не смогу, то просто отправлю тебе все материалы в одном большом конверте. Хотя, скорее всего, уломаю. Том тоже по тебе соскучился, но он не желает иметь ничего общего с моим маленьким расследованием. Даже на

фотографии смотреть отказывается.

Я подумал, что ведет она себя на редкость таинственно, но промолчал.

— Слушай, а ты что-нибудь знаешь о евангелисте по имени Бадди Росс?

— Бадди... — она захихикала. — "Час силы с Бадди Россом"! Моя бабушка обожает старого шарлатана. Иногда он вроде как вытаскивает из человека козлиный желудок и выдает его за опухоль! Что бы на это сказал Папаша Аллен?

— Потомственный ярмарочник, — с улыбкой ответил я.

— Именно. А что ты хочешь о нем узнать? И почему сам не узнаешь? Твою маму что, во время беременности напугала картотека?

— Да нет, вряд ли, просто когда я заканчиваю работу, городская библиотека уже закрывается. И вряд ли у них есть раздел "кто есть кто": там всей библиотеки — на одну комнату. В любом случае, дело не в нем, а в двух его сыновьях. Я хочу знать, есть ли у них дети.

— А зачем тебе?

— Видишь ли, у его дочери есть один ребенок. Классный мальчуган, но он умирает.

Молчание. А потом:

— Ты во что там впутался, Дев?

— Да так, завожу знакомства. В общем, вы приезжайте. Буду очень рад вас увидеть. Скажи Тому, что мы будем держаться подальше от "Дома страха".

Я подумал, что она рассмеется, но не тут-то было.

— Уж он-то точно будет. Том и на тридцать ярдов к нему не подойдет.

Мы попрощались, и я вписал время разговора в табличку честности. Потом вернулся к себе и уселся у окна.

Меня снова грызла зависть. Ну почему Линду Грей увидел именно Том Кеннеди? Почему он, а не я?

Еженедельник выходил в Хэвенс-Бэй по четвергам, и заголовок последнего октябрьского номера гласил: СОТРУДНИК ПАРКА ДЖОЙЛЕНД ВО ВТОРОЙ РАЗ СПАСАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ. Я решил, что это уже преувеличение. В случае с Хэлли Стэнсфилд — да, целиком и полностью моя заслуга. Что касается мерзкого Эдди Паркса, то тут моя роль (даже если не принимать в расчет участие Лэйна Харди) была частичной: ведь если бы не Венди Кигэн, порвавшая со мной в июне, осенью я был бы уже в Дархеме, штат Нью-Гэмпшир — в семистах милях от Джойленда.

Я, само собой, и не предполагал, что придется спасать жизнь кому-то еще: предсказания — удел ребят вроде Роззи Голд или Майка Росса. Когда первого октября, после очередного дождливого уик-энда, я появился в парке, все мои мысли были сосредоточены на грядущем визите Эрин и Тома. Небо не прояснилось, хотя дождь и прекратился — видимо, в честь понедельника. Эдди сидел перед "Домом страха" на своем ящичном троне и выкуривал привычную утреннюю сигарету. Я протянул руку для рукопожатия, но он ее проигнорировал — лишь притушил сигарету ногой, привстал и наклонился, чтобы поднять ящик и запнуть под него окурки. Я видел эту картину раз пятьдесят (и порой спрашивал себя, сколько же окурков лежит под этим ящиком), но только в этот раз вместо того, чтобы поднять ящик, Эдди просто продолжил крениться вперед.

Не могу сказать, возникло ли на его лице выражение удивления. Когда я понял, что происходит что-то скверное, перед моими глазами была лишь выцветшая, грязная пёсболка (Эдди уронил голову на колени). Он наклонялся все сильнее, и, в конце концов, перекувырнулся через голову, распластав ноги и подставив лицо облачному небу. Лицо его перекосило от боли.

Я бросил свой тормозок, подбежал к нему и упал на колени.

— Эдди? Что такое?

— Как клещами, — прохрипел он.

На секунду я подумал, что он говорит о какой-то странной болезни, передающейся через укус клеща, но потом заметил, как своей рукой в перчатке он держится за грудь.

До-джойлендский Дев Джонс, наверное, просто принялся бы звать на помощь, но после четырех месяцев общения на Языке это слово даже не пришло мне в голову. Я набрал полную грудь воздуха, задрал голову и проорал во влажный утренний воздух так громко, как только мог: "ЭЙ, ЛОХ!" Единственным человеком, оказавшимся рядом и услышавшим мой крик, был Лэйн Харди, и он примчался очень быстро.

Те, кого Фред Дин летом нанимал на работу, не обязаны были знать сердечно-легочную реанимацию, но им приходилось учиться. Я, благодаря курсам первой помощи, с этой методикой был знаком. Примерно полдюжины слушателей этого курса, включая меня, отрабатывали ее на кукле по имени Эркимер Солтфиш (то еще имечко). Так что мне выпал шанс впервые применить теоретические знания на практике, и знаете что? Это не очень-то отличалось от того приема, с помощью которого я освободил горло маленькой Хэлли Стэнсфилд от кусочка хот-дога. На мне не было мехов, и обнимать никого не пришлось, но главный смысл был все в той же грубой силе. В результате четыре ребра старого ублюдка треснули, а одно я ему вообще сломал. Сожаления, впрочем, не испытываю.

Когда появился Лэйн, я стоял на коленях у тела Эдди: сначала переносил вес свой вес на ладони, делая непрямой массаж сердца, а потом слушал, не вернулось ли дыхание.

— Господи, — сказал Лэйн. — Сердечный приступ?

— Думаю, да. Вызовите скорую.

Ближайший телефон находился в маленькой лачуге рядом с тиром Папаши Аллена — в его будке, как гласил Язык. Она была закрыта, но у Лэйна были Ключи от Всех Дверей — три мастер-ключа, открывавшие все в парке. Он побежал. Я продолжал оказывать Эдди помощь, качаясь туда-сюда — бедра уже начинали ныть, а колени онемели от долгого контакта с грубой поверхностью паркового тротуара.

После каждых пяти нажатий я медленно считал до трех и прислушивался, но ничего не происходило. Никакой джойлендской радости — во всяком случае, не для Эдди. Ни после первых пяти нажатий, ни после вторых, ни после пятых. Он просто лежал, раскинув руки в перчатках и раззявив рот. Херов Эдди Паркс. Я просто стоял и смотрел на него, когда услышал бегущего назад Лэйна. Он кричал, что помощь уже в пути.

Не стану этого делать, подумал я. Будь я проклят, если стану.

А потом наклонился, сделав по пути еще одно нажатие, и прижался своими губами к его губам. Оказалось не так плохо, как я ожидал — еще хуже. Его губы были горькими от сигарет, а изо рта воняло еще чем-то. Господь всемогущий, я думаю, что это был перец халапеньо — наверное, после утреннего омлета. Тем не менее, я втянул носом воздух, зажал пальцами его ноздри и сделал глубокий выдох ему в горло.

Мне пришлось повторить это пять или шесть раз, прежде чем он снова начал дышать. Я перестал делать нажатия, чтобы проверить, к чему это приведет — и он дышал. Думаю, ад в тот день был забит до отказа — другой причины случившемуся найти не могу. Я повернул Эдди на бок, чтобы он не захлебнулся, если вдруг его стошнит. Лэйн стоял рядом и держал руку на моем плече. Вскоре мы слышали приближающийся вой сирены.

Лэйн поспешил к воротам, чтобы встретить медиков и указать им дорогу. Я вдруг понял, что смотрю на рычащие зеленые морды, украшающие фасад "Дома страха". Капающие зеленые буквы над ними кричали: "ЗАХОДИ, КОЛЬ ОСМЕЛИШЬСЯ!" Я поймал себя на мыслях о Линде Грей, зашедшей внутрь живой и спустя несколько часов вытащенной наружу — мертвой. Думаю, это все из-за Эрин, которая должна была мне кое-что сообщить. То, что ее тревожило. А еще я думал об убийце.

Это мог быть кто угодно, сказала тогда миссис Шоплоу. Хотя бы и ты, будь ты блондином, а не брюнетом, и имей на руке татуировку в виде птичьей головы. У того парня она была. Орел или, может быть, ястреб.

Эдди, как заядлый курильщик со стажем, рано поседел, но четыре года назад он вполне мог быть блондином. А еще он все время носил перчатки. Само собой, он был слишком стар, чтобы составить Линде Грей компанию в ее последней темной поездке, само собой, и все же...

Скорая была уже близко, но не совсем — хотя я и видел, как у ворот Лэйн неистово размахивал руками, призывая медиков поторопиться. А, была не была, подумал я и сдернул перчатки с рук Эдди. На его пальцах висели хлопья омертвевшей кожи, а под толстым слоем какого-то крема краснели тыльные стороны ладоней. Никаких татуировок.

Лишь псориаз.

Когда его загрузили в машину "Скорой" и увезли в скромную больницу Хэвенс-Бэй, я отправился к ближайшему умывальнику и принялся полоскать рот. Прошло много времени, прежде чем я смог избавиться от привкуса этого поганого халапеньо, и с тех пор я к нему не притрагиваюсь.

Выйдя на улицу, я увидел стоящего рядом с дверью Лэйна Харди.

— Это было что-то, — сказал он. — Ты спас ему жизнь.

— Какое-то время ему придется провести в койке. Возможно, поврежден мозг.

— Может, так, а может, нет — но если бы не ты, он бы не добрался даже до койки. Сначала девочка, теперь этот грязный старикан... Может, стоит звать тебя Иисусом, а не Джонси? Ведь ты и в самом деле спаситель.

— Если назовете, то я эс-эн-ю, — на Языке это означало "свинтить на юг", что, в свою очередь, значило навсегда сдать свою карточку учета рабочего времени.

— Ладно. Но знай — ты все сделал правильно, Джонси. Дал жару.

— Я попробовал его на вкус. Боже!

— Ну да, но посмотри на это с другой стороны. Его нет, и ты теперь свободен — господь всемогущий, ты свободен, наконец-то свободен. Звучит неплохо, верно?

Так оно и было.

Лэйн достал из заднего кармана пару грубых перчаток.

Перчаток Эдди.

— Нашел их на земле. Зачем ты их снял?

— Эээ... просто хотел, чтобы его руки тоже дышали.

Прозвучало глупо, но правда прозвучала бы еще глупее.

Я не мог поверить, что даже на секунду всерьез принял Эдди Паркса за возможного убийцу Линды Грей.

— На курсах по оказанию первой помощи нам говорили, что тому, кто перенес сердечный приступ, нужно освободить как можно больше кожных покровов. Вроде как это чем-то помогает, — я пожал плечами. — По крайней мере, должно.

— Хм. Век живи, век учись, — он хлопнул перчатками. — Не думаю, что Эдди скоро вернется сюда — если вернется вообще — так что можешь отнести их в его будку.

— Хорошо, — сказал я и действительно отнес их туда. Но тем же днем, только чуть позже, я вернулся и снова их взял. Их и кое-что еще.

Кажется, я уже говорил, что Эдди я на дух не переносил? Он не дал мне ни одного повода его полюбить. Как и ни одному другому джойлендскому сотруднику. Даже старожилы вроде Роззи Голд и Папаши Аллена обходили его стороной. Но вот он я, захожу в городскую больницу Хэвенс-Бэй в четыре часа дня и спрашиваю, пускают ли к Эдди Парксу посетителей. У меня в руке его перчатки. И кое-что еще.

В регистратуре синеволосая волонтерша дважды прошла по спискам, не переставая при этом качать головой. Я уж было подумал, что Эдди все-таки умер, но тут она воскликнула:

— А! Он же у нас Эдвин, а не Эдвард. Палата 315. Это в реанимации, поэтому подойдите сначала к дежурной медсестре.

Я ее поблагодарил и направился к лифту, огромному такому, в который легко помещается каталка. Поднимался он медленнее холодной смерти, и у меня было достаточно времени поразмышлять о том, что я вообще здесь делаю. Если уж Эдди Паркса и должен навестить парковый сотрудник, то это должен быть Фред Дин, а не я, потому что той осенью Фред остался за главного. И все же я пришел. Наверное, меня к Эдди все равно не пустят.

Но после проверки записей главный медбрат дал свое добро.

— Он, правда, может спать.

— А что насчет его?.. — я постучал себя по голове.

— Умственной активности? Ну... он смог назвать свое имя.

Уже что-то.

Эдди спал. На лицо ему падали лучи припозднившегося в тот день солнца. Вид у Эдди был такой, что сама мысль о том, будто всего четыре года назад у него могло быть свидание с Линдой Грей, показалась мне как никогда нелепой. Выглядел он сейчас лет на сто, а то и на все сто двадцать. И я увидел, что перчатки мне приносить не стоило.

Руки ему перевязали. Перед этим их, скорее всего, намазали чем-то более эффективным, чем эддин крем. При взгляде на эти пухлые белые варежки меня кольнуло какое-то странное, неохотное чувство жалости.

Я как можно тише пересек палату и положил перчатки в шкафчик, рядом с одеждой, в которой Эдди сюда привезли. Теперь у меня в руке остался лишь один предмет — фотография, висевшая на стене его захлавленной, пропитанной запахом табака каморки, рядом с пожелтевшим календарем, который уже два года как устарел. На фото Эдди обнимал простоватого вида женщину. Они стояли на заросшем сорняками дворе безликого дома. Эдди выглядел лет на двадцать пять. Женщина ему улыбалась. И — чудо из чудес — он улыбался в ответ.

У кровати стоял столик на колесиках с пластмассовым кувшином воды и стаканом. Довольно глупо, если подумать, ведь своими перевязанными руками Эдди еще долго ничего себе налить не сможет. Но кувшин сослужил мне другую службу: я прислонил к нему фотографию, чтобы Эдди увидел ее, когда проснется. Прислонил и направился к двери.

Я уже почти дошел до двери, как Эдди заговорил. Заговорил шепотом, который так не вязался с его обычным злобным ворчанием.

— Пацан.

Я с неохотой вернулся к кровати. В углу стоял стул, но пододвигать его и садиться я и не думал.

— Как вы, Эдди?

— Не могу сказать. Дышать тяжело. Крепко же они меня обмотали.

— Я принес вам ваши перчатки, но вижу, что... — я кивнул на его перевязанные руки.

— Да уж. — Он глубоко вздохнул. — Может, хотя бы руки мне тут вылечат. Уже что-то. Чешутся они просто блядски. — Он посмотрел на фотографию. — Ты зачем ее принес? И что ты делал в моей конуре?

— Лэйн сказал мне занести туда перчатки. Я занес, но потом подумал, что, может, они вам понадобятся. И фотография тоже. Может быть, вы хотите, чтобы Фред Дин позвонил этой женщине?

— Корин? — Он фыркнул. — Она уже двадцать лет как умерла. Налей-ка мне воды, пацан. Я высох, словно старая собачья какашка.

Я налил и протянул ему стакан. Даже вытер ему уголок рта, когда вода слегка пролилась. Слишком тесное у нас получалось общение, но все казалось не таким страшным, едва я вспоминал, что всего несколько часов назад я целовал этого жалкого ублюдка взасос.

Спасибо он не сказал, да и знакомо ли ему вообще это слово?

— Приподними-ка фотографию, — попросил он.

Я приподнял. Несколько секунд он всматривался в нее, а потом вздохнул.

— Жалкая, лживая сучка. Правильно же я сделал, что сбежал от нее в "Королевские ярмарки по-американски". — В уголке его левого глаза набухла слеза. Немного поколебавшись, она покатилась по щеке.

— Хотите, чтобы я ее забрал и прикнопил у вас в конуре?

— Да нет, оставь. У нас был ребенок, знаешь ли. Малышка.

— Да?

— Да. Ее сбила машина. Вот так, в три года, она и умерла на улице, как собака. А эта шалава трепалась тогда по телефону вместо того, чтобы за ней присматривать. — Он отвернулся и закрыл глаза. — Всё, чеши отсюда. Говорить больно, да и устал я. Мне будто слон на грудь уселся.

— Ладно. Берегите себя.

Он лишь скривился, не открывая глаз.

— Смех, да и только. И как, по-твоему, мне себя беречь? Идеи есть? А то у меня нет. У меня ни родственников, ни друзей, ни сбережений, ни страховки. Что мне вообще делать?

— Все образуеться, — сфальшивил я.

— Ну да, в фильмах обычно так и бывает. Давай, уматывай.

На этот раз я успел дойти до двери, когда он заговорил снова.

— Лучше бы ты дал мне умереть, пацан. — Никакой мелодрамы, просто мимолетное наблюдение. — Я бы уже встретился с моей малышкой.

Когда я шел назад по больничному вестибюлю, то вдруг замер, поначалу не поверив собственным глазам. Но это была она, никакой ошибки — с одним из своих бесконечных заумных романов. В этот раз он назывался "Диссертация"^[18]

— Энни?

Она подняла взгляд — и когда она меня узнала, настороженность сменилась улыбкой.

— Дев! Что вы тут делаете?

— Навещал знакомого с работы. У него сегодня случился сердечный приступ.

— О боже, мне так жаль. Он поправится?

Она не приглашала меня сесть рядом, но я все равно сел.

Посещение Эдди расстроило меня по причинам, которые я сам не мог понять, и мои нервы были на пределе. Я не ощущал несчастья или горя — это, скорее, была странная разновидность неосознанного гнева, который имел какое-то отношение к неприятному вкусу перцев халапеньо, который я все еще чувствовал у себя во рту. И к Венди, бог знает почему. Тоскливо было осознавать, что я все еще думаю о ней. Сломанная рука зажила бы быстрее.

— Не знаю. С доктором я не говорил. С Майком все хорошо?

— Да, все нормально, это плановое обследование. Рентген грудной клетки и полный анализ крови. Из-за пневмонии. Слава богу, он ее перенес. Все хорошо, за исключением этих приступов кашля.

Она по-прежнему держала книгу открытой — что, видимо, подразумевало, что я должен уйти, и это разозлило меня еще сильнее.

Вы же помните, что в том году всем хотелось, чтобы я ушел — даже мужику, которому я спас жизнь.

Должно быть, поэтому я произнес:

— Майк не считает, что с ним все хорошо. Так кому я, по-вашему, должен верить?

Ее глаза расширились от неожиданности, затем взгляд стал отстраненным.

— Признаюсь, мне все равно, кому или во что вы верите, Девин, потому что это абсолютно вас не касается.

— Нет, касается.

Голос донесся сзади — это Майк подъехал в своем кресле. Оно не было снабжено мотором, то есть колеса мальчик вращал руками. Силен малец, с кашлем или без. Рубашку, впрочем, он застегнул неправильно.

Энни с удивлением повернулась к нему.

— Что ты тут делаешь? Ведь медсестра должна была...

— Я сказал ей, что доеду сам, и она не стала возражать. Ты же знаешь — один поворот налево, два поворота направо, все просто. Я же не слепой, а всего лишь дист...

— Мистер Джонс навещал друга, Майк, — вот так меня снова понизили до "мистера Джонса". Энни захлопнула свою книгу и поднялась. — Думаю, он торопится домой, да и ты, наверное, устал.

— Я хочу, чтобы он отвез нас в парк, — Майк говорил спокойно, но достаточно громко, чтобы люди начали на нас поглядывать. — Нас обоих.

— Майк, ты же знаешь, это не...

— В Джойленд. В Джой... ленд, — по-прежнему спокойно, но еще громче. Теперь на нас смотрели все. Щеки Энни пылали. — И я хочу, чтобы вы оба поехали со мной.

Он повысил голос еще сильнее.

— Я хочу, чтобы вы отвезли меня в Джойленд до того, как я умру.

Она прикрыла рот рукой. Ее глаза округлились. Когда она нашлась, что ответить, ее слова едва можно было разобрать.

— Майк... ты не умрешь, кто тебе сказал... — Она повернулась ко мне. — Наверное, за это я должна благодарить вас?

— Конечно же, нет.

Я видел, что наша аудитория растет — теперь к ней присоединились парочка медсестер и доктор в голубом халате и бахилах — но мне было наплевать. Я по-прежнему злился.

— Это он мне сказал. Почему это так вас удивляет, ведь вы же знаете о его интуиции?

В тот день я заставлял людей плакать. Сначала Эдди, и вот теперь Энни. На лице Майка, впрочем, слез не было, и он выглядел таким же раздосадованным, как и я, но он промолчал, когда Энни развернула его кресло и покатила к дверям. Я подумал, что она в них врежется, но волшебное око распахнуло их как раз вовремя.

Пусть идут, пронеслось в голове, но к тому времени мне уже надоело упускать женщин. Я устал плыть по течению и мучиться от того, что в результате происходит.

Ко мне подошла сестра.

— Все в порядке?

Нет, — ответил я и пошел за ними.

Энни припарковалась около больницы на стоянке со знаком: "ЭТИ ДВА РЯДА — ДЛЯ ИНВАЛИДОВ". Водила она фургон, в котором сзади вполне хватало места для кресла-коляски. Она открыла пассажирскую дверь, но Майк вылезать из кресла отказался. Он изо всех сил цеплялся за ручки побелевшими от напряжения руками.

— Залезай! — крикнула Энни.

Майк покачала головой, даже не глядя на нее.

— Залезай сейчас же!

На этот раз он даже головой не покачал.

Она схватила его и дернула. Стоявшее на тормозе кресло накренилось вперед. Я подбежал и схватил его, пока сын с матерью не плюхнулись друг на друга в открытую дверь фургона.

Волосы падали Энни на лицо, а глаза под ними дико сверкали: так сверкают глаза испуганной лошади в грозу.

— Отпустите! Все из-за вас! Не надо было мне...

— Хватит, — сказал я, схватив ее за плечи. Почувствовал под кожей кости и подумал, что сына она калориями пичкает, а вот про себя забывает.

— Да отпус...

— Я не хочу его у вас забирать, Энни, — сказал я. — Это последнее, чего я хочу.

Она успокоилась, и я медленно ее отпустил. Роман, который она читала, в пылу борьбы упал нам под ноги. Я его поднял и положил в карман на спинке майкова кресла.

— Мам. — Майк взял ее руку. — Это же не насовсем.

И тут я понял. Еще до того как ее плечи поникли и послышались всхлипывания. Энни не боялась, что я посажу ее сына на какой-нибудь сумасшедший аттракцион, и что Майк умрет от избытка адреналина. Она не боялась, что чужой человек украдет больное сердечко, которое она так любила. Просто Энни верила — на каком-то подспудном, материнском уровне — что если они не перейдут некую незримую грань, жизнь будет идти своим чередом: фруктовые коктейли по утрам на краю настила, полеты змеев по вечерам. Одно сплошное бесконечное лето. Да только на дворе уже октябрь, и пляж опустел. Радостные вопли подростков на "Шаровой молнии" и крики малышей на горке в "Брызгах и визгах" смолкли, воздух стал холоднее, а дни — короче. Бесконечное лето бывает только в сказках.

Энни закрыла ладонями лицо и присела на пассажирское сиденье. Сиденье оказалось слишком высоким, и она чуть с него не съехала. Я ее удержал. Наверное, она этого даже не заметила.

— Давайте, забирайте его, — сказала она. — Мне насрать. Пусть хоть прыгает с парашютом, если захочет. Только не думайте, что я буду участвовать в этом вашем... мальчишеском приключении.

— Без тебя я не могу, — сказал Майк.

Она опустила руки и посмотрела на него.

— Майкл, ты — всё, что у меня есть. Ты это понимаешь?

— Да, — ответил он, взяв ее руку в свои. — А ты — всё, что есть у меня.

По ее лицу я увидел, что такая мысль ей в голову не приходила.

— Помогите мне залезть, — сказал Майк. — Вы оба, пожалуйста.

Когда мы его усадили (не помню, пристегнул ли я ему ремень: видимо, тогда к ним еще не относились так серьезно), я закрыл дверь и пошел с Энни к водительской двери.

— Кресло забыли, — пробормотала она. — Надо забрать.

— Я положу. Садитесь пока за руль и приготовьтесь к дороге. Сделайте пару глубоких вдохов.

Она позволила мне ей помочь. Я поддержал ее чуть выше локтя, и увидел, что свободно мог охватить руку целиком. Подумал, а не сказать ли ей, что одними тяжеловесными романами сыт не будешь, но промолчал. Ей уже много чего сегодня наговорили.

Сложив кресло, я погрузил его в багажное отделение. Провозился дольше, чем нужно, чтобы дать ей время прийти в себя. Возвращаясь к двери водителя, я почти ожидал наткнуться на закрытое окно, но оно все еще было опущено. Энни вытерла глаза и нос и привела волосы в некое подобие порядка.

— Без вас он пойти не сможет, да и я тоже.

Она ответила так, будто бы Майка и вовсе не было поблизости.

— Я так за него боюсь. Всё время. Он видит слишком многое, и очень часто это причиняет ему боль. Уверена, что кошмары ему снятся именно поэтому. Он такой чудный ребенок. Почему он не поправится? Ну почему? Почему?

— Не знаю.

Она отвернулась и поцеловала Майка в щеку. Потом повернулась ко мне.

Глубоко и с дрожью вздохнула.

— Так когда мы идем? — спросила она.

Конечно, "Возвращение короля" читалось намного легче "Диссертации", но тем вечером я бы не осилил и "Кота в шляпе".

Я поужинал консервированными спагетти (стараясь не замечать сетований миссис Шоплоу о том, как некоторые молодые люди издеваются над своим организмом). Затем вернулся в комнату, сел у окна и под мерный рокот волн устался в темноту.

Я уж было задремал, но тут в дверь легонько постучала моя хозяйка:
— Тебе звонят, Дев. Какой-то мальчишка.
Я быстренько спустился в гостиную, ведь звонить мне мог только один мальчишка.
— Майк?
— Мама спит. Сказала, что устала, — послышался в трубке его полусшепот.
— Ну еще бы, — ответил я, вспомнив, как сегодня мы вдвоем на нее ополчились.
— Да, я знаю, — сказал Майк, словно бы я высказал эту мысль вслух. — Но так было нужно.

— Майк... ты умеешь читать мысли? Ты сейчас читаешь мои?
— Я точно не знаю. Иногда я кое-что вижу или слышу, вот и всё. А иногда мне в голову лезут разные идеи. Например, это я придумал переехать в дедушкин дом. Мама сказала, что он ни за что не разрешит, но я знал, что он согласится. В общем, эта моя штука... думаю, она мне досталась от бабушки. Он ведь лечит людей. То есть иногда он только притворяется, но иногда лечит по-настоящему.

— Зачем ты позвонил, Майк?
Он оживился.
— Поговорить о Джойленде! Мы правда прокатимся на карусели и на чертовом колесе?
— Правда.
— И постреляем в тире?
— Может быть. Если мама разрешит. Всё будет обуславливаться одобрением твоей мамы. То есть...

— Я знаю, что это значит. — В голосе мелькнуло раздражение, но его тут же сменил детский восторг. — Это так круто!

— Никаких быстрых аттракционов, — сказал я. — Договорились? К тому же, они все равно уже закрыты на зиму. — "Каролинское колесо", вообще-то, тоже, но мы с Лэйном сможем привести его в рабочее состояние минут за сорок.

— Знаю. Надо беречь сердце. Мне хватит и чертова колеса. Когда мы по утрам выходим на край настила, нам его отлично видно. Наверное, на самой верхушке — это как смотреть на мир с моего змея.

Я улыбнулся.
— Типа того, да. Но помни, что все зависит от твоей мамы. Она у нас за главную.
— Наш поход — и для нее тоже. Она потом сама поймет. — От его уверенности мне стало жутковато. — И для тебя, Дев. Но в основном мы идем туда ради девушки. Она пробыла в парке слишком долго и хочет уйти.

У меня отвисла челюсть. Слюна, правда, не потекла: во рту у меня совершенно пересохло.

— Откуда ты... — дальше получился один лишь хрип. Я сглотнул. — Откуда ты о ней знаешь?
— Трудно сказать, но, думаю, сюда мы приехали из-за нее. И я тебе уже говорил, что они

не белые?

— Говорил, но тогда ты не знал, что это значит. Теперь знаешь?

— Не-а. — Тут он закашлялся. Я переждал приступ, и Майк сказал:

— Мне пора. Мама просыпается. Теперь она полночи будет читать.

— Да?

— Да. Как же я надеюсь, что она даст мне прокатиться на чертовом колесе!

— Вообще-то оно "Каролинское", но работники парка просто называют его лифтушкой.

— А некоторые — Эдди, к примеру — прозвали его хренолифтом, но этого я Майку решил не говорить.

— В Джойленде есть свой секретный язык, и это один из примеров.

— Лифтушка. Я запомню. Пока, Дев.

В трубке щелкнуло.

На этот раз с сердечным приступом свалился Фред Дин.

Он лежал на ведущем к "Каролинскому колесу" пандусе, а его лицо посинело и перекосилось. Встав на колени, я начал делать ему непрямой массаж сердца.

Массаж результата не принес, и тогда я наклонился, зажал ему ноздри и заткнул его рот своим. Тут что-то щекотнуло меня по зубам и языку. Отпрянув, я увидел, как у него изо рта изливается черная волна паучат.

Я проснулся, чуть ли не упав с кровати.

Выпроставшаяся из-под матраса простыня обмотала меня, словно саван. В груди гулко бухало сердце, а руками я залез себе в рот. Лишь несколько секунд спустя я понял, что там ничего нет. И всё же я встал с постели, прошел в ванную и выпил два стакана воды. Может, когда-то мне и снились кошмары пострашнее, но в три часа ночи того октябрьского вторника я их вспомнить не мог. Заправив кровать, я улегся в убеждении, что заснуть мне уже не удастся. И все же я почти задремал, как вдруг понял, что разыгранная нами в больнице сценка может так ни к чему и не привести.

Да, Джойленд предлагал особые программы для увечных, хромых и слепых (сегодня их называют "детьми с особыми потребностями"). Но то во время сезона, а ведь сезон-то уже закончился.

Джойленд тратил немалые деньги на страховку, но будет ли она действовать в октябре, если с Майком Россом что-нибудь случится? Я прямо-таки видел, как в ответ на мою просьбу Фред Дин качает головой и говорит, что ему очень жаль, но...

Утро выдалось холодным: с моря дул сильный ветер, поэтому в Джойленд я приехал на машине и припарковал ее рядом с лэйновым пикапом. В такой ранний час на стоянке "А" (которая вмещала до пятисот автомобилей) других машин не было. По асфальту шуршали опавшие листья, и этот звук тут же мне напомнил о пауках из сна. Около шалмана мадам Фортуны (скоро его разберут на зиму) на раскладном стульчике сидел Лэйн и ел щедро намазанный сыром бублик.

Котелок все так же лихо сидел у него на голове, да и сигарета за ухом никуда не делась. Но сегодня он надел джинсовую куртку — еще один признак того, что лето закончилось.

— Джонси, Джонси, парень одинокий. Хочешь бублик? У меня еще есть.

— Ага, — ответил я. — А пока буду есть, можно мне кое о чем с вами поговорить?

— В грехах пришел покаяться, а? Присаживайся, сын мой.

Он указал на стенку шалмана, к которой прислонилось еще несколько сложенных стульев.

— Да нет, не в грехах, — сказал я, раскладывая стул. Присел и взял протянутый мне коричневый пакет. — Просто я дал обещание, а теперь вот не знаю, смогу ли его выполнить.

Я рассказал ему о Майке, и о том, как убедил его маму пустить его в наш парк, что было очень непросто, учитывая ее хрупкое душевное состояние. Закончил я рассказом о том, как проснулся посреди ночи в полной уверенности, что Фред Дин этого ни за что не разрешит. О сне, правда, я и словом не обмолвился.

— Так что, — спросил Лэйн, когда я закончил, — красotka она, эта твоя мамочка?

— Ну... в общем, да. Но дело не в этом...

Лэйн похлопал меня по плечу и одарил снисходительной улыбкой, без которой я вполне мог обойтись.

— Всё понятно, Джонси, всё понятно.

— Лэйн, она ж на десять лет меня старше!

— И что? Если бы мне давали по доллару за каждую деваху, которая была на десять лет меня младше, то я бы уже смог заказать себе бифштекс в самом козырном ресторане. Возраст — всего лишь число, сынок.

— Супер. Спасибо за урок арифметики. Лучше скажите, вляпался ли я по уши, пообещав мальчишке, что он сможет прокатиться на карусели и "Колесе".

— Вляпался, — ответил он, и сердце у меня упало. Тут он поднял палец. — Но.

— Но?..

— Насчет даты вы уже договорились?

— Нет еще. Вообще-то, я рассчитывал на четверг. — Иначе говоря, до приезда Эрин с Томом.

— Не, четверг — плохо. Пятница — тоже. Сможет ли мальчишка со своей красоткой-мамой потерпеть до следующей недели?

— Наверное, но...

— Тогда планируйте на понедельник или вторник.

— А чего ждать?

— Газеты, — сказал Лэйн, посмотрев на меня, как на махрового идиота.

— Газеты?..

— Местного горчичника. Выходит по четвергам. Когда твой последний подвиг попадет на первую страницу, ты будешь ходить у Фреда Дина в любимчиках. — Отправив остатки

бублика в ближайшую урну двухочковым броском, Лэйн поднял руки над головой и взял в воображаемую рамку будущий газетный заголовок:

— Спешите в Джойленд! Здесь не только торгуют радостью, но и спасают жизни! — Он улыбнулся и передвинул котелок на другую сторону. — Бесценная реклама. Фред тебе по гроб жизни будет обязан. Как пить дать.

— А как они там вообще узнают? Вряд ли Эдди Паркс им расскажет. — А если и расскажет, то удостоверится, что в первом же абзаце читателям поведают о том, как я чуть было не переломал ему все ребра.

— Я все время забываю, какой ты еще салага в наших краях. Да в этой подстилке для кошачьей корзинки народ только и читает что "Криминальную хронику" и "Звонки в "скорую"". Правда, в "Звонках" дают лишь голые факты. Но тебе, Джонси, я сделаю особое одолжение: в обеденный перерыв я подъеду в редакцию и раструблию тамошним лохам о твоём героизме. Они мигом пришлют кого-нибудь взять у тебя интервью.

— Но я не хочу...

— Бог ты мой, да ты у нас бойскаут с орденом за скромность. Оставь. Ты же хочешь привести мальчишку в парк, так ведь?

— Хочу.

— Вот и не дергайся. И не забывай мило улыбаться в камеру.

Что (забегая вперед) я, собственно, и сделал.

— А знаешь, наш Фредди Дин способен просто забить на страховку и согласиться. Может, сразу и не поймешь, но он ведь и сам потомственный ярмарочник. Его отец был барахольщиком на кукурузном маршруте. Как-то Фредди мне рассказал, что одно время его папаша таскал с собой нехилый мичиганский клад, такой огромный, что им можно было придушить лошадь.

Я знал, что такое барахольщик и кукурузный маршрут, а вот про мичиганский клад слышал впервые. Мой вопрос Лэйна рассмешил.

— Две двадцатки по краям, а внутри — либо однодолларовые банкноты, либо просто зеленые бумажки. Неплохой трюк для привлечения толпы. Но Фредди всё это касается слабо. — Лэйн снова подвинул котелок.

— Тогда что же?

— Ярмарочники питают особую слабость к цыпочкам в тесных юбочках и несчастным детишкам. А еще у них острая аллергия на лоховские законы. Особенно на мелочную бюрократию.

— Так, может, мне не придется...

Взмахом руки он меня остановил.

— Давай не будем испытывать судьбу. Поговори с репортером.

Фотограф снял меня на фоне "Шаровой молнии". Снимок привел меня в содрогание: на нем я жмурился и вообще походил на деревенского дурачка, но дело свое он сделал. Когда в пятницу утром я зашел к Фреду, газета лежала у него на столе. Сначала он что-то бубнил, но, в конце концов, одобрил мою просьбу — при условии, что Лэйн не отпустит нас от себя ни на шаг, пока мальчик с матерью будут в парке.

Лэйн согласился безо всякого бубнежа. Он сказал, что давно хочет взглянуть на мою подружку, а когда я вскипятился, зашелся смехом.

Чуть позже я сообщил Энни Росс, что запланировал экскурсию по парку на следующий вторник, если повезет с погодой — а если не повезет, то на среду или четверг... сказал, а сам затаил дыхание.

Она долго молчала, потом тяжело вздохнула.

И согласилась.

Пятница выдалась напряженной. Я ушел из парка пораньше, поехал на вокзал Вилмингтона и сидел там, пока Том и Эрин не сошли на перрон.

Эрин подбежала ко мне, бросилась в объятия и поцеловала — в обе щеки и кончик носа.

Мы крепко обнялись, но принять дружеские поцелуи за что-то еще невозможно. Я отпустил ее и обменялся с Томом короткими мужскими объятиями. Выглядело все так, словно мы расстались не пять недель, а пять лет назад. Я был теперь работягой — и даже в своих лучших "чиносах"^[19] и футболке я выглядел работягой. Пусть мои грязные джинсы и выцветшая песболка валялись сейчас в шкафу, назвать меня кем-то кроме работяги было трудно.

— Как здорово снова тебя видеть! — сказала Эрин. — Боже, какой загар!

Я пожал плечами.

— Что могу сказать? Тржусь в самой северной части реднек-ривьеры.

— Ты сделал верный выбор, — сказал Том. — Когда ты сказал, что не собираешься возвращаться на учебу, я ушам не поверил, но ты сделал верный выбор. Может, мне тоже следовало остаться в "Джойленде".

Он улыбнулся — своей фирменной улыбкой, говорящей "Я не просто поцеловал Камень красноречия"^[20], я поцеловал его по-французски". От этой улыбки птички сыпались с деревьев, но на лице Тома по-прежнему лежала тень. Он бы никогда не остался в Джойленде. После той поездки — никогда.

Они остановились на выходные в нашем пансионе (миссис Шоплоу была счастлива сдать им комнату, а Тина Акерли была счастлива снова с ними увидеться), и мы впятером устроили на пляже отличную полупьяную вечеринку, а чтобы не замерзнуть, развели настоящий костер. В субботу, когда Эрин решила, наконец, поделиться со мной тревожащей ее информацией, Том объявил, что намерен разделить Тину и миссис Шоплоу в пух и прах в "Скраббл" и быстренько нас спровадил. Я подумал, что если мы встретим по пути Энни и Майка, я познакомлю их с Эрин, но день выдался зябким, океанский ветер пробирал до костей, и обеденный столик в конце деревянного настила пустовал. Даже зонт от солнца исчез — должно быть, его уже убрали на зиму.

Если не считать небольшой флотилии служебных грузовиков, все четыре джойлендских стоянки пустовали. Эрин — в шерстяных брюках и водолазке, с тонким и выглядящим очень поделовому портфелем, на котором красовались ее инициалы — удивленно приподняла бровь, когда я вытащил связку ключей и самым большим из них открыл ворота парка.

— Так ты теперь один из них, — сказала она.

Это меня смутило. Все мы смущаемся (сами не зная, почему), когда нам говорят, что мы — "одни из них".

— Не совсем. У меня есть ключ от ворот на случай, если я приду раньше остальных... или уйду позже всех. Но только у Лэйна и Фреда есть Ключи от Всех Дверей.

Она засмеялась, словно я сказал какую-то глупость.

— Ключ от ворот и есть Ключ от Всех Дверей, разве нет?

Она отдышалась и смерила меня долгим взглядом.

— Ты выглядишь старше, Девин. Я подумала так еще до того, как сойти с поезда — когда увидела тебя на перроне из окна поезда. Теперь я знаю, почему. Ты работал, а мы отправились назад, в страну Нетландию — играть с заблудившимися там мальчиками и девочками ^[21]. Только эти мальчики и девочки через какое-то время получают дипломы магистров и наденут костюмы от братьев Брукс.

Я указал на портфель.

— Он будет здорово смотреться с костюмом от братьев Брукс... если только они шьют женские костюмы.

Она вздохнула.

— Родительский подарок. Отец хочет, чтобы я стала адвокатом, как он. Пока что у меня не хватает духу признаться ему в том, что я хочу стать фотографом по найму. Он с ума сойдет.

Мы шли по Джойленд-авеню в тишине, если не считать шуршания листьев под ногами. Она глядела на укрытые аттракционы, на осушенный фонтан, на замерших лошадей на карусели, на пустую сцену деревни "Туда-сюда".

— Грустно видеть их такими. Начинаешь думать о смерти, — она оценивающе посмотрела на меня. — Мы видели газету. Миссис Шоплоу, должно быть, специально оставила ее в нашей комнате. Ты снова отличился.

— Ты об Эдди? Я просто мимо проходил, — мы добрались до шалмана мадам Фортуны. Складные стулья все еще стояли рядом. Я разложил пару и предложил Эрин сесть. Устроился рядом и достал из кармана пиджака пинтовую бутылку "Олд лог кабин".

— Дешевый виски, но согревает что надо.

Она с удивлением посмотрела на меня и сделала небольшой глоток. Я тоже глотнул, после чего закрыл бутылку и убрал обратно в карман. В пятидесяти ярдах ниже по Джойленд-авеню, нашей главной аллее, я мог разглядеть высокий деревянный фасад "Дома страха" и прочитать надпись, выполненную зелеными капающими буквами: ЗАХОДИ, КОЛЬ ОСМЕЛИШЬСЯ.

Ее маленькая ладонь сжала мне плечо с неожиданной силой.

Ты спас старого ублюдка. Спас, понимаешь? Признай, наконец, свои заслуги.

Я улыбнулся, вспомнив слова Лэйна о том, что я достоин ордена за скромность. Может быть, и так. В те дни признание собственных заслуг не было моей сильной стороной.

— Он выживет?

— Скорее всего. Фредди Дин разговаривал с докторами. Они сказали, что пациент должен бросить курить, бла-бла-бла, пациент должен перестать есть картошку фри, бла-бла-бла, пациенту предписаны постоянные упражнения.

— Уже вижу, как Эдди Паркс бежит трусцой, — заметила Эрин.

— Ага, с сигаретой во рту и пакетиком шкварок в руке.

Она хихикнула. Ветер поднял и растрепал ее волосы по лицу. В своей тяжелой водолазке и темных деловых брюках она уже не была похожа на ту жизнерадостную красавицу в зеленом платье, что бегала по Джойленду, мило улыбалась и упрашивала посетителей сфотографировать их своим старомодным фотоаппаратом.

— Что у тебя есть? Удалось что-нибудь выяснить?

Она раскрыла портфель и достала оттуда папку.

— Уверен, что хочешь в это влезать? Потому что я не думаю, что ты выслушаешь меня, скажешь "Элементарно, Эрин" и назовешь имя убийцы, как Шерлок Холмс.

Если мне и нужны были доказательства того, что я вовсе не Шерлок Холмс, то одной безумной идеи, будто бы Эдди Паркс и есть убийца из "Дома страха", было достаточно. Я хотел сказать ей, что меня больше заботит упокоение жертвы, чем поимка преступника, но это прозвучало бы дико, даже учитывая случай с Томом.

— Я тоже так не думаю.

— И, между прочим, ты должен мне сорок долларов за межбиблиотечный обмен.

— Я заплачу.

Она ткнула меня под ребра.

— Я надеюсь. Не ради же удовольствия мне приходится подрабатывать.

Она поставила портфель между лодыжек и открыла папку. Я увидел какие-то копии, два или три отпечатанных на машинке листа и несколько глянцевых фотографий вроде тех, что получали кролики, соглашавшиеся на предложение Голливудской Девушки.

— Ну что ж, тогда начнем. Я начала с "Чарльстон Ньюс" и заметки в "Курьер", о которой ты мне сказал, — она протянула мне копии. — Это воскресный выпуск. Пять тысяч слов домыслов и около восьми сотен — непосредственно информации. Прочитаешь позже, если захочешь — вкратце я расскажу тебе, о чем речь.

— Четыре девушки. Пять, если считать ее — она указала на "Дом страха". — Первую звали Дилайт Маубрей, для друзей — Ди-Ди. Родом из Уэйкросс, что в Джорджии. Белая, двадцать один год. За два или три дня до смерти она рассказала подруге по имени Жасмин Уизерс, что встретила нового парня: красавчика, на несколько лет старше нее. 31 августа 1961-го, через девять дней после того, как она пропала, ее тело нашли у тропинки на окраине Окифинокских болот. Если бы он затащил ее в сами болота, поиски продлились бы гораздо дольше.

— Если бы вообще завершились, — сказал я. — В этих болотах крокодилы разорвали бы ее через двадцать минут.

— Грубо, но верно — Она дала мне следующую копию. — Вот статья из "Уэйкросс джорнал геральд".

В ней было фото, на котором мрачный полицейский демонстрировал гипсовый слепок следов, оставленных каким-то автомобилем.

— Согласно рабочей версии, он бросил ее там, где перерезал ей глотку. В статье говорится, что следы оставлены грузовиком.

— Выбросил, словно мусор, — сказал я.

— И снова грубо, но верно, — она протянула мне еще одну копию газетной вырезки. — А это номер два, Клодин Шарп из Роки Маунт. Отсюда, из Северной Каролины. Белая, двадцать три года. Обнаружена убитой в местном кинотеатре второго августа 1963-го. Показывали "Лоуресна Аравийского" — длинный и шумный фильм. Автор заметки уверяет, что "анонимный источник в полиции" сообщил, будто бы убийца перерезал горло жертве во время одной из батальных сцен. Голые домыслы, конечно же. Убийца оставил окровавленную рубашку и перчатки на месте преступления, после чего, должно быть, вышел в чистой рубашке, которую носил под первой.

— Прямо как парень, убивший Линду Грей, — сказал я. — Не находишь?

— Выглядит именно так. Копы опросили всех ее друзей, но Клодин никому не рассказывала о новом парне.

— Не сказала, с кем идет вечером в кино? Даже родителям?

Эрин терпеливо посмотрела на меня.

— Ей было двадцать три, Дев, а не четырнадцать. Ее родители жили на другом конце города. Она работала в аптеке и жила в маленькой квартирке на втором этаже там же.

— Все это было написано в газете?

— Конечно же, нет. Мне пришлось сделать несколько звонков. Да что там несколько — я почти что стерла пальцы до костей, если хочешь знать. Так что за межгород ты мне тоже должен. Мы еще поговорим о Клодин Шарп, а пока идем дальше. Жертва номер три, если верить "Ньюс" и "Курьер" — девушка из города Санти, что в Южной Каролине. Переносимся в шестьдесят пятый: Ева Лонгбаттом, восемнадцать лет. Черная. Пропала четвертого июля. Парочка рыбаков нашла ее тело на северном берегу Санти-ривер через девять дней. Изнасилована, убита ударом ножа в сердце. Больше никто из жертв не подвергался

сексуальному насилию, причем все остальные были белыми — так что можешь, конечно, отнести ее на счет убийцы из "Комнаты страха", но я бы не стала. Последней — до Линды Грей — была вот эта девушка.

Эрин дала мне фотографию из школьного альбома, с которой смотрела прелестная девушка с золотыми волосами. Из тех, что становятся ведущими чирлидершами и королевами бала, из тех, что встречаются с футболистами... и при этом все равно умудряются быть всеми любимыми.

— Дарлин Штамнахер. Думаю, стань она кинозвездой, фамилию бы изменила — а она мечтала о кино. Белая, девятнадцать лет. Из Макстона, Северная Каролина. Пропала 29 июня 1967 года. Обнаружена два дня спустя после обширных поисков в каком-то сарае на отшибе к югу от Элрода. С перерезанным горлом.

— Господи, да она же красавица. Неужели у нее не было постоянного парня?

— У такой-то прелестницы? Спрашиваешь! О нем-то полицейские сразу и подумали, только он с тремя приятелями все это время был в походе в Блу-Ридж. Все трое ручались за него. Это не он, если только ему не удалось улететь обратно на крыльях.

— А потом была Линда Грей, — сказал я. — Номер пять, если их всех убил один и тот же человек.

Эрин назидательно подняла палец.

— Если только все жертвы были обнаружены. 62-ой, 64-ый, 66-ой... в общем, сам понимаешь.

А между спицами "Колеса" всё выл и стонал ветер.

— Теперь перейдем к тому, что меня беспокоит, — сказала Эрин, словно бы пятерых убитых девушек для беспокойства было недостаточно. Она достала еще одну копию из своей папки. Это был флаер — на Языке их называли "крикунами" — рекламирующий некое "Шоу тысячи чудес Мэнли Уэлмана". На флаере два клоуна держали в руках пергамент. На пергаменте перечислялись некоторые из чудес — такие как **КРУПНЕЙШАЯ В АМЕРИКЕ ВЫСТАВКА УРОДЦЕВ! И ДИКОВИН!** Были там и аттракционы, и игры, и детские забавы, и **САМЫЙ ЖУТКИЙ В МИРЕ ДОМ СТРАХА!**

Заходи, коль осмелишься, подумал я.

— Ты добыла это с помощью межбиблиотечного обмена? — спросил я.

— Да. При желании так можно получить все, что угодно. Это объявление было опубликовано в "Уэйкросс джорнал геральд" и печаталось всю первую неделю августа 1961-го.

— Ярмарка Уэлмана проходила в Уэйкроссе в то же самое время, когда пропала первая девушка?

— Ее звали Ди-Ди Маубрей. Нет. К тому времени ярмарка уже съехала. Но она еще шла, когда Ди-Ди рассказала подруге о новом парне. А теперь взгляни сюда. Это из "Роки Маунт телеграм". Публиковалось в газете целую неделю в июле шестьдесят третьего — обычная реклама с продлением, думаю, не нужно даже объяснять.

Еще одно объявление на целую страницу, приглашающее на "Шоу тысячи чудес Мэнли Уэлмана". Те же клоуны, тот же пергамент — только вот с той остановки в Уэйкроссе прошло два года, а место выставки уродцев заняла лотерея с выигрышем в десять тысяч долларов.

— Когда в кинотеатре убили Клодин Шарп, ярмарка была в городе?

— Съехала днем раньше, — она указала на нижнюю часть объявления. — Тут внизу есть даты, Дев.

Я еще не был так хорошо знаком с датами, как она, но спорить не стал.

— Что насчет третьей девушки, Лонгбаттом?

— Я не нашла никаких сведений о ярмарке в районе Санти. А сведений насчет шоу

Уэлмана и не нашла бы: оно разорилось осенью 1964-го. Я прочитала об этом в "Аутдор трэйд энд индастри". Как смогли выяснить я и мои многочисленные помощники-библиотекари, это единственное издание, рассказывающее о ярмарочном бизнесе и парках развлечений.

— Господи, Эрин, бросай фотографию и ищи себе богатого писателя или кинопродюсера. Будешь у него помощником по изысканиям.

— Я уж лучше поснимаю. Изыскания слишком похожи на работу. Но не отвлекайся, Девин. В районе Санти ярмарки не было, но убийство Евы Лонгбаттом в любом случае непохоже на остальные четыре. По крайней мере, так мне кажется. Тех девушек никто не насиловал, если помнишь.

— Насколько мы знаем. Газеты в таких случаях бывают стеснительны.

— Да, они пишут "обесчещена" или "стала жертвой полового преступления" вместо "изнасилована", но информацию так или иначе доносят, поверь.

— А что с Дарлин Шумейкер? Она была...

— Штамнахер. Этих девушек убили, Дев. Уж постарайся хотя бы запомнить их имена.

— Запомню, дай только время.

Она накрыла мою руку своей.

— Извини. Я на тебя слишком много вывалила, да? У меня-то было несколько недель, чтобы погоревать над всем этим...

— А ты горевала?

— В общем-то, да. Все это довольно-таки жутко.

Она была права. Когда читаешь или смотришь детектив, ты можешь, весело насвистывая, пройти мимо кучи трупов, интересуясь только тем, кто их уколошил — дворецкий или злая мачеха. Но тут речь шла о реальных девушках. Их плоть, наверное, терзало воронье; черви забирались в их глаза и ноздри и вгрызались в серое вещество их мозга.

— А возле Макстона была ярмарка, когда убили эту Штамнахер?

— Нет, но в Ламбертоне вот-вот должна была начаться окружная ярмарка. Это ближайший сколько-нибудь приличный городишко. Вот.

Она вручила мне еще одну копию, рекламу Робисонской окружной летней ярмарки. Эрин снова постучала пальцем по листку. На сей раз она указывала на строчку "50 безопасных аттракционов от "Саутерн Стар Эмьюзмент".

— Я нашла эту "Саутерн Стар" в каталоге "Ярмарочная торговля и индустрия" Компания основана сразу после Второй мировой. Базируется в Бирмингеме, путешествует по всему Югу с аттракционами. Не такими грандиозными, как "Шаровая молния" или "Мозготряс", но у них хватает раскладушек и карусельщиков, которые ими управляют.

Я не смог сдержать ухмылки. Похоже, Эрин не забыла Язык. Раскладушками назывались аттракционы, которые легко собрать и разобрать. Если вы когда-нибудь катались на "Чашках-вертушках" или "Дикой Мыши" — это и были раскладушки.

— Я позвонила боссу "Саутерн Стар". Сказала, что летом работала в Джойленде и пишу курсовую об индустрии развлечений. Может, я и правда ее напишу. По сравнению с этим моим исследованием курсовая — просто детский лепет. Так вот, он сказал мне то, о чем я и сама догадалась: что у них большая текучка кадров. Он не мог так сразу вспомнить, брали ли они кого-то из шоу Уэлмана, но думает, что скорее всего да: пару "парней на все руки", пару карусельщиков. Так что убийца Ди-Ди и Клодин мог быть на той ярмарке, и Дарлин Штамнахер могла с ним познакомиться. Официального открытия еще не было, но местные жители любят поглазеть на то, как карусельщики и газуны ставят аттракционы.

Она взглянула на меня без выражения.

— Думаю, так все и было.

— Эрин, а про связь с ярмаркой упоминается в статье, которую напечатала "Ньюз энд Курьер" после смерти Линды Грей? Или следует сказать — связь с парком развлечений?

— Не-а. Можно еще глотнуть из твоей бутылочки? Я замерзла.

— Можем зайти внутрь...

— Нет, меня от этих убийств морозом пробирает. Каждый раз, как я о них думаю.

Я дал ей бутылку и тоже приложился к ней, когда Эрин сделала свой глоток.

— Может, ты и есть Шерлок Холмс, — сказал я. — А копы? Думаешь, они это упустили?

— Не уверена, но думаю... да, упустили. Если бы это был детективный сериал, какой-нибудь мудрый старый коп типа лейтенанта Коломбо взглянул бы на картину в целом и сложил два и два, но, наверно, в реальной жизни таких людей немного. И потом, большую картину трудно увидеть, потому что ее части разбросаны по трем штатам и восьми годам. В одном можно быть уверенным: если он когда-нибудь и работал в Джойленде, его там и след простыл. Наверняка в парке развлечений текучка поменьше, чем в разъездной компании типа "Саутерн Стар", но все равно куча людей приходит и уходит.

Я и сам это знал. Карусельщики и киоскеры — не самый оседлый народ, да и газуны приходят и уходят, как прилив и отлив.

— Меня еще кое-что беспокоит, — сказала она, передавая мне свою пачечку фотографий восемь на десять дюймов. На каждой из них на белых полях были надписи "Фото сделано вашей Голливудской Девушкой".

Я просмотрел их и почувствовал, что мне нужен еще глоточек, как только понял, что держу в руках: фотографии Линды Грей и парня, который ее убил.

— Господи Иисусе, Эрин, это не газетные снимки. Где ты их взяла?

— У Бренды Рафферти. Пришлось ее слегка умаслить, сказать, какой она была хорошей мамочкой для нас, Голливудских девушек, но в конце концов она поддалась. Это свежие отпечатки с негативов, которые были в ее личных папках и которые она мне одолжила. Вот тут есть кое-что интересное, Дев. Видишь ленту на Линде Грей?

— Да.

"Лента" — так сказала миссис Шоплоу. Голубая лента.

— Бренда говорит, что его заретушировали на фотографиях, которые дали газетам. Надеялись, что это поможет поймать убийцу, да только оно не помогло.

— Так что тебя беспокоит?

Видит Бог, меня беспокоили все снимки, даже те, где Грей и мужчина просто проходили мимо на заднем плане, и узнать их можно было только по ее блузке без рукавов и ободку, а его — по бейсболке и темным очкам. Только на двух фотографиях Линду Грей и ее убийцу было четко видно. На первой они стояли в очереди на "Чашки-вертушки" — его рука непринужденно лежала на выпуклости ее зада. На втором, самом ясном снимке они были в Тире Энни Оукли. Но ни на одном нельзя было разглядеть лицо мужчины. Я бы мог пройти мимо него и не узнать.

Эрин взяла фото с "Чашек".

— Взгляни на его руку.

— Да, татуировка. Я ее вижу, и миссис Шоплоу тоже о ней говорила. Как ты думаешь, что это? Ястреб или орел?

— Наверное, орел, но это неважно.

— Да ну?

— Ага. Помнишь, я сказала, что еще вернусь к Клодин Шарп? Молодая женщина, которой перерезали глотку в кинотеатре на "Лоуренсе Аравийском". Для такого городка, как Роки-Маунт, это была большая новость. "Телеграм" писала о ней почти месяц. Копы обнаружили только одну наводку, Дев. Девушка, с которой Клодин училась в школе, увидела ее

в буфете и поздоровалась, и Клодин ей ответила. Девушка сказала, что рядом с ней был мужчина в темных очках и бейсболке, но она не подумала, что они вместе, потому что он был намного старше. Она вообще заметила его только потому, что он был в темных очках в кинотеатре... и потому, что у него на руке была татуировка.

— Птица.

— Нет, Дев. Коптский крест. Вот такой. — Она вытащила еще один ксерокс и показала мне. — Она сказала копам, что сперва приняла его за какой-то нацистский символ.

Я взглянул на крест. Элегантный, но на птицу не походил совершенно.

— Две татушки, по одной на каждой руке, — сказал я наконец. — На одной птица, на другой — крест.

Она покачала головой и снова протянула мне фото с "Чашек-вертушек".

— На какой руке у него птица?

Он стоял слева от Линды Грей, обнимая ее за талию.

Рука, лежавшая на ее ягодице...

— На правой.

— Да. Но девушка, видевшая его в кино, сказала, что крест был на правой руке.

Я подумал.

— Она ошиблась, вот и все. Свидетели часто путаются.

— Конечно. Мой отец мог бы говорить об этом весь день. Но взгляни, Дев.

Эрин вручила мне фото из тира, лучшее из всех, потому что на нем они не просто проходили на заднем плане. Пробежавшая мимо Голливудская девушка увидела их, отметила симпатичную пару и щелкнула аппаратом, надеясь, что снимок купят. Да только парень дал ей от ворот поворот. Причем грубо, по словам миссис Шоплоу. Я вспомнил, как она описывала фото: они стоят бок о бок, и он учит ее правильно держать винтовку, как это любят делать парни. Шоплоу, вероятно, видела мутный и зернистый газетный снимок. А это был оригинал, настолько четкий и ясный, что казалось, можно шагнуть прямо в него и предостеречь Линду Грей. Он стоял вплотную к ней, накрыв ладонью ее руку на стволе духового ружья 22 калибра.

Рука была левая. И татуировки на ней не было.

Эрин сказала:

— Ну, видишь?

— Там нечего видеть.

— В том-то и дело, Дев. В том-то и дело.

— Ты хочешь сказать, что это два разных человека? Тот, что с крестом на руке, убил Клодин Шарп, а другой парень с птицей на руке — Линду Грей? Это как-то маловероятно.

— Полностью согласна.

— Так к чему же тогда ты ведешь?

— Мне показалось, что я кое-что увидела на одном снимке, но я не была уверена, так что отнесла отпечаток и негатив одному аспиранту, Филу Хендрону. Он фотолaborаторный гений, практически живет на отделении фотографии. Помнишь наши здоровенные "спид-графики"?

— А как же.

— В основном они были просто для пущего эффекта — хорошенькие девушки со старомодными камерами, но Фил говорит, что они вообще-то довольно приличные. Из негативов много что можно вытащить. Например...

Она вручила мне увеличенное фото с "Чашек-вертушек". Голливудская Девушка снимала молодую пару с малышом, но на этом отпечатке их почти не было видно.

Теперь в центре фотографии оказались Линда Грей и ее спутник-убийца.

— Посмотри на руку, Дев. Взгляни на татуировку!

Прищурившись, я последовал ее совету.

— Трудно разглядеть, — пожаловался я. — Рука смазана сильнее всего остального.

— Я так не думаю.

На этот раз я поднес снимок поближе к глазам.

— Это... Господи, Эрин! Это что, чернила? Они подтекают? Самую чуточку?

Она торжествующе улыбнулась.

— Июль 1969-го. Жара страшная. Наверно, пот со всех лился градом. Если не веришь — взгляни на другие фотографии, и увидишь пятна пота под мышками. И кроме того, у него ведь была и другая причина покрываться испариной. Он задумал убийство. Причем дерзкое убийство.

— Черт! Пират Пит! — воскликнул я.

Она наставила на меня указательный палец.

— Бинго!

"У Пирата Пита" — так называлась сувенирная лавка рядом с "Брызгами и визгами", над которой гордо реял "Веселый Роджер". Внутри продавался обычный ассортимент: футболки, кофейные кружки, пляжные полотенца и даже плавки, если вдруг ваше чадо забыло свои. На всём, ясное дело, красовалась эмблема Джойленда. Еще там был прилавок, у которого вы могли сделать переводную татуировку на любой вкус.

Если же самим сделать ее у вас не получалось, то Пират Пит (или один из его салаг-помощников) за небольшую мзду вам помогали.

Эрин согласно кивала.

— Вряд ли убийца сделал татуировку именно там: он мужик с мозгами и не стал бы так глупо поступать. Но я уверена, что птица у него на руке — всего лишь картинка, как и коптский крест, который та девушка видела в кинотеатре в Рокки-Маунте. — Тут Эрин наклонилась вперед и схватила меня за руку. — Знаешь, что я думаю? Думаю, он их делает потому, что они привлекают внимание. Татуировки притягивают взгляд, а всё остальное просто... — Она постучала пальцем по нечетким фигурам, которые раньше были главными объектами фотографии, пока в Барде ее не увеличили.

— Во всем остальном убийца сливается с окружением.

— Точно. А сделав свое дело, он просто их смывает.

— Копы знают об этом?

— Понятия не имею. Можешь сам им сказать — мне ведь нужно возвращаться на учебу. Правда, я не уверена, что после стольких лет это их заинтересует.

Я еще раз просмотрел фотографии. Эрин, без сомнения, обнаружила кое-что важное, хоть я и сомневался, что само по себе ее открытие приведет к поимке убийцы из "Дома страха".

Но на фотографиях было что-то еще. Что-то еще.

Знаете, как иногда какое-нибудь слово вертится на кончике языка, но слетать с него отказывается? Вот так я себя тогда и почувствовал.

— А происходили ли убийства, похожие на эти пять — или четыре, если вынести за скобки Еву Лонгбаттом — уже после убийства Линды Грей? Ты не выяснила?

— Пыталась. Если вкратце, то вряд ли, но точно сказать не могу. Я перелопатила по меньшей мере пятьдесят убийств девушек и женщин и больше не нашла ни одного, которое бы подпадало под наши критерии. — Она начала их перечислять:

— Лето. Свидание со старшим по возрасту незнакомцем. Перерезанное горло. Какая-то связь с ярм...

— Привет, ребятки.

Мы испуганно вздрогнули. К нам подошел Фред Дин. Сегодня он надел рубашку для

гольфа, ярко-красные шорты и кепку с длинным козырьком и вышитой золотой нитью надписью "ХЭВЕНС-БЭЙСКИЙ СПОРТКЛУБ". Я-то привык его видеть в костюме, где вся его непринужденность ограничивалась снятием галстука и расстегиванием верхней пуговицы сорочки. В этих же шмотках он выглядел молодым до неприличия, если не считать седины на висках.

— Здравствуйте, мистер Дин, — вставая, поздоровалась Эрин. В одной руке она все еще сжимала свои записи и несколько фотографий. В другой — папку. — Не знаю, помните ли вы меня...

— Конечно, — ответил тот. — Голливудских Девчонок я не забываю, только имена иногда путаю. Ты Эшли или Джерри?

Эрин улыбнулась, положила бумаги в папку и протянула мне. Я туда добавил фотографии, которые все еще держал в руках.

— Я Эрин.

— Точно. Эрин Кук. — Тут он мне подмигнул, что было еще необычнее, чем видеть его в этих старомодных шортах для гольфа.

— А у тебя губа не дура, Джонси.

— Не дура. — Я не стал вдаваться в объяснения о том, что на самом деле Эрин — девушка Тома Кеннеди. Да Фред, наверное, Тома и не помнит: тот ведь не щеголял по парку в коротком зеленом платье и на высоких каблуках.

— Решил заскочить за бухгалтерскими книгами: на носу квартальная выплата налогов. Та еще колючка в пятой точке. Наслаждаешься визитом к местам боевой славы, а, Эрин?

— Да, сэр, еще как.

— В следующем году вернешься?

Она немного смутилась, но решила не лукавить:

— Вряд ли.

— Что ж, все по-честному. Но если вдруг передумаешь, Бренда Рафферти будет рада тебя пристроить. — Фред переключился на меня. — Этот паренек, которого ты хочешь привести в парк... Вы с мамой уже назначили день?

— Да, вторник. Среда или четверг, если во вторник будет дождь. Мальчишке нельзя мокнуть.

Эрин с любопытством на меня посмотрела.

— Советую придерживаться вторника, — сказал Фред. — На побережье надвигается шторм. Слава богу, не ураган, а тропические атмосферные завихрения. Обещают ливень и сильный ветер. До нас они доберутся в среду утром.

— Ладно, — ответил я. — Спасибо за совет.

— Рад был тебя увидеть, Эрин. — Отсалютовал ей Фред и направился к стоянке.

Подождав, пока он скроется из виду, Эрин захихикала.

— Ну и как тебе эти шортики?

— Да уж, — сказал я. — Просто шикарные. — Но смеяться над ними я и не думал. Как и над самим Фредом: именно его усилиями Джойленд все еще существовал — пусть и на соплях, честном слове и бухгалтерских фокусах. Пусть носит любые шорты, какие захочет. Эти хоть были не в клеточку.

— Какого это паренька ты собрался привести в парк?

— Долгая история. Расскажу по дороге обратно.

Так я и сделал, пересказав ей версию скромника-бойскаута и опустив перепалку в больнице. Эрин терпеливо дослушала до конца, и когда мы подошли к ведущим на пляж ступенькам, задала всего один вопрос:

— Дев, только честно: мамочка хорошенькая?
Сговорились они все, что ли?

Тот вечер Том и Эрин провели в буги-баре "Серфер Джо" — летом они частенько там зависали. Том звал и меня, но я отказался: третий лишний, сами понимаете. Кроме того, я сомневался, что в баре будет та же шумная и веселая атмосфера, что и летом: в городках вроде Хэвенс-Бэй есть огромная разница между июлем и октябрём. Об этом я им и сказал, продолжая играть роль старшего брата.

— Ты не понимаешь, Дев, — ответил Том. — Мы с Эрин не ищем там веселья — мы его туда приносим. Минувшее лето нас этому научило.

Тем не менее, вернулись они довольно рано — я слышал, как они поднимались по лестнице, и голоса их звучали почти трезво. Они шептались и приглушенно хихикали, отчего я ощутил легкое чувство одиночества.

Не из-за Венди, нет — просто потому, что был один. Оглядываясь назад, я понимаю, что даже это было шагом в правильном направлении.

Когда они пошли в бар, я начал просматривать записи Эрин, но не обнаружил ничего нового. Через пятнадцать минут я отложил их в сторону и вернулся к фотографиям, сделанных "ВАШЕЙ ГОЛЛИВУДСКОЙ ДЕВУШКОЙ". Сначала я просто просматривал их, потом сел на пол, разложил рядами и принялся менять фотографии местами, будто решая какую-то головоломку, чем, по сути, и занимался.

Эрин беспокоила связь убийств с ярмарками и татуировки, которые, похоже, были ненастоящими. Меня это тоже волновало, но было и еще кое-что. Что-то, чего я пока понять не мог. Это раздражало, поскольку я чувствовал, что разгадка прямо под носом. В результате я убрал все фотографии назад в папку, оставив лишь две. Самые важные. Я держал их в руках и переводил взгляд с одной на другую.

Линда Грей и ее убийца в очереди на "Чашки-вертушки".

Линда Грей и ее убийца в тире.

Не обращай внимания на татуировку, сказал я себе. Дело не в этом.

Дело в другом.

Но в чем еще, черт возьми? Его глаза прятались за темными очками. Бородка скрывала нижнюю часть лица, а надвинутая на глаза кепка мешала рассмотреть лоб и брови. Рисунок на кепке изображал сома, который выглядывал из большой красной буквы К — эмблема "Мадкэтс", южнокаролинской команды младшей бейсбольной лиги. В разгар сезона парк прямо-таки пестрел такими кепками. Их было так много, что мы называли их рыболками, а не песболками. Ублюдок с трудом мог найти более распространенный головной убор, в чем, конечно же, и состояла идея.

Я смотрел на фотографии по очереди — "Чашки-вертушки", тир, снова "Чашки". В конце концов я сунул снимки в папку и бросил ее на стол.

Я читал до тех пор, пока Том и Эрин не вернулись из бара, а потом пошел спать.

Может, ответ придет ко мне во сне, подумал я. Проснусь и закричу: вот черт, конечно же!

Звук прибоя меня усыпил. Мне снилось, что я на пляже с Энни и Майком. Мы Энни, обнявшись, стояли у самой воды и смотрели, как Майк запускает змея. Он отматывал бечеву и бежал за ней — бежал, потому что с его ногами все было в порядке. Майк был здоров. Мне лишь приснилось, что у него мышечная дистрофия Дюшена.

Проснулся я рано, потому что накануне позабыл задернуть занавески.

Я взял папку, вытащил те две фотографии и снова всмотрелся в них под лучами

рассветного солнца. Я был уверен, что найду разгадку.
Но не нашел.

Гармония расписаний позволила Тому и Эрин приехать из Нью-Джерси в Северную Каролину вместе, да только в расписаниях гармония — скорее исключение, чем правило. Поэтому в воскресенье у них получилось доехать вместе лишь до Вилмингтона (я их отвез на своем "форде"). Поезд Эрин отправлялся в штат Нью-Йорк и Аннандейл-на-Хадсоне за два часа до томова "Берегового экспресса", который умчит его обратно в Нью-Джерси.

В карман куртки Эрин я положил чек.

— За межбиблиотечный обмен и межгород.

Она его вынула, а посмотрев на сумму, попыталась вернуть.

— Восемьдесят долларов — слишком много, Дев.

— Этого еще мало, учитывая, сколько всего ты накопила. Бери, лейтенант Коломбо.

Она засмеялась, положила чек обратно в карман и поцеловала меня на прощание — еще один сестринский поцелуй, совсем не похожий на тот, которым она меня наградила тем последним летним вечером. В объятиях Тома она провела гораздо больше времени. Они договорились провести День благодарения у томовых родителей в западной Пенсильвании. Отпускать Эрин ему явно не хотелось, но пришлось, когда по громкоговорителю объявили посадку на Ричмонд, Балтимор, Уилкс-Барре и далее на север.

Она укатила, а мы с Томом пошли пообедать в довольно сносном ресторанчике на другой стороне улицы. Я уже изучал раздел десертов, как вдруг Том прокашлялся и сказал:

— Послушай, Дев.

Что-то в его голосе заставило меня тут же поднять глаза. Щеки его разругались сильнее обычного. Я положил меню на стол.

— Это ваше расследование, на которое ты подбил Эрин... думаю, вам надо его прекратить. Оно ее беспокоит, и, мне кажется, даже влияет на учебу. — Тут он рассмеялся и посмотрел в окно на вокзальную суету. — Наверное, я сейчас больше напоминаю ее папашу, чем парня, так ведь?

— Ты обеспокоен, вот и всё. Волнуешься за нее.

— Волнуюсь? Дружище, да я по уши в нее влюблен. Важнее Эрин у меня теперь в жизни ничего нет. Не думай, что это я из ревности. Дело вот в чем: чтобы перейти ко мне в универ и сохранить стипендию, ей нужно поддерживать приличные оценки. Ты же это понимаешь, правда?

Да, я понимал. Но, в отличие от Тома, я понимал и кое-что еще: он хотел, чтобы Эрин держалась подальше от Джойленда не только телесно, но и мысленно. Там с ним произошло нечто такое, чего он никак не мог осознать. Да он и не пытался, что в моих глазах делало его глупцом. Меня снова охватила зависть, заставившая желудок сжаться вокруг еды, которую тот пытался переварить.

Я улыбнулся. С огромным, надо сказать, усилием:

— Вас понял. Объявляю наше маленькое исследование законченным. — Так что расслабься, Томас. Можешь больше не думать о том, что тогда случилось в "Доме страха". Что ты тогда увидел.

— Отлично. Но мы же по-прежнему друзья, так ведь?

— Друзья навеки.

И мы скрепили это дело рукопожатием.

Сцену "Деревни "Туда-Сюда" украшали три декоративных задника: замок Прекрасного Принца, волшебный бобовый стебель Джека и ночное звездное небо с неоновым силуэтом "Каролинского колеса". Все три порядком выцвели за прошедшие летние месяцы. В понедельник утром я обновлял их, стоя в крохотном закулисье (и надеясь, что не испорчу задники окончательно — в конце концов, я не Ван Гог), когда один из временных газунов передал мне сообщение от Фреда Дина. Он ждал меня в своем кабинете.

Я шел с некоторой опаской, предполагая, что он хочет задать мне взбучку за наш с Эрин субботний визит в парк — и крайне удивился, когда увидел Фреда. Он был одет не в один из своих костюмов, и не в смешную форму для гольфа, а в вылинявшие джинсы и вылинявшую футболку с логотипом Джойленда — ее рукава были закатаны, демонстрируя по-настоящему крепкие бицепсы. Лоб перетягивала повязка. Он не был похож на бухгалтера или офисного работника — он был похож на настоящего карусельщика.

Заметив мое удивление, он улыбнулся.

— Нравится прикид? Должен признаться, мне самому нравится. Я так одевался в пятидесятых, когда выступал с "Шоу братьев Блитц" на Среднем Западе. Мать не возражала, а вот отец был в ужасе. А ведь он сам был ярмарочником.

— Знаю, — сказал я.

Он приподнял брови.

— Правда? Слухами земля полнится, верно? Так или иначе, впереди много дел.

— Дайте список. Я уже почти закончил раскрашивать деко...

— А вот и нет, Джонси. Сегодня ты уйдешь отсюда в полдень, и я не хотел бы видеть тебя здесь до завтрашнего утра. До девяти, когда ты приведешь сюда своих гостей. И не переживай о зарплате — я прослежу, чтобы тебе проставили эти часы.

— Что происходит, Фред?

Он улыбнулся, и эту улыбку прочитать я не смог.

— Пусть это будет сюрпризом.

Понедельник выдался теплым и солнечным. Когда я возвращался в Хэвенс-Бэй, Энни и Майк обедали на своем привычном месте. Майло меня увидел и бросился мне навстречу.

— Дев! — закричал Майк. — Подходи, угощайся сэндвичем! У нас их тут куча!

— Пожалуй, не стоит...

— Мы настаиваем, — сказала Энни. Затем ее бровь приподнялась. — Если только вы не больны или типа того. Я не хочу, чтобы Майк подцепил заразу.

— Со мной все в порядке, просто отправили домой пораньше. Мистер Дин, мой босс, не объяснил, почему. Сказал, что это сюрприз. Думаю, что-то насчет завтрашнего дня, — я посмотрел на нее с некоторым сомнением. — У нас же все в силе, верно?

— Да, — сказала она. — Когда я сдаюсь — я сдаюсь. Просто... нам не стоит выматывать его. Ведь этого не случится, Дев?

— Мам, — сказал Майк.

Она не обратила на него внимания.

— Не случится?

— Нет, мэм.

Хотя вид Фреда Дина, похожего на ярмарочную разновидность дальнобойщика со всеми его выпирающими мышцами, меня слегка беспокоил. Достаточно ли ясно я ему объяснил, насколько хрупок мальчик? Наверное, но...

— Тогда подойдите и возьмите сэндвич, — сказала она. — Надеюсь, вам нравится яичный салат.

Я плохо спал той ночью, почти уверенный в том, что тропический шторм, о котором говорил Фред, придет на день раньше и испортит экскурсию Майка, но во вторник на рассвете небо было безоблачным. Я спустился в гостиную и включил телевизор — как раз вовремя, чтобы попасть на прогноз погоды, выходящий без пятнадцати семь. Шторм по-прежнему ожидался, но во вторник его могли ощутить на себе лишь жители побережья Флориды и Джорджии. Мне оставалось лишь надеяться, что мистер Истербрук захватил с собой галоши.

— Рановато ты сегодня, — сказала миссис Шоплоу, высунув голову из кухни. — А я вот делаю болтунью с беконом. Угощайся.

— Что-то мне есть не хочется.

— Чушь. Твой организм все еще растет, Девин, и тебе нужно есть. Эрин рассказала мне о твоих сегодняшних планах, и, думаю, это отличная идея. Все пройдет гладко.

— Надеюсь, вы правы, — сказал я, но Фред в рабочей одежде не выходил у меня из головы. Фред, отпустивший меня пораньше. Фред, который готовил сюрприз.

Мы обо всем договорились за обедом накануне, и когда я подъехал на своей старой машине к большому зеленому особняку в половине девятого утра во вторник, Энни и Майк уже были готовы. И Майло тоже.

— Ты уверен, что никто не будет ругаться, если мы его возьмем? — спросил Майк в понедельник. — Я не хочу, чтобы у нас были неприятности.

— В Джойленд пускают служебных собак, — заверил я, — а Майло у нас будет служебной собакой. Да, Майло?

Майло склонил голову набок. Понятие "служебная собака" ему было явно незнакомо.

Сегодня на Майке были его огромные, неуклюжие скобы. Я дернулся было помочь ему сесть в фургон, но он отмахнулся и уселся сам.

Это потребовало больших усилий, и я уже думал, что он раскашляется, но все обошлось. Он чуть ли не подпрыгивал от возбуждения. Энни, невероятно длинноногая в джинсах "Ли Райдерс", вручила мне ключи от фургона.

— Поведете вы.

И, понизив голос, чтобы Майк не услышал:

— Я слишком волнуюсь.

Я тоже волновался. Я нахрапом втянул ее в это мероприятие. Майк мне помог, но взрослым-то был я. Если что-то пойдет не так, я и буду виноват. Молиться я никогда не умел, но, загружая в фургон костыли и коляску Майка, попросил небеса, чтобы все прошло нормально. Потом выехал со двора, повернул на Бич-Драйв и проехал мимо плаката "ПОДАРИТЕ СВОИМ ДЕТЯМ НЕЗАБЫВАЕМУЮ ПОЕЗДКУ В ДЖОЙЛЕНД!"

Энни сидела в пассажирском кресле, и я подумал, что никогда еще она не была так красива, как в это октябрьское утро, в своих линялых джинсах и тонком свитерке, с волосами, подвязанными пасмой голубой шерсти.

— Спасибо вам, Дев, — сказала она. — Надеюсь только, что мы поступаем правильно.

— Конечно, — сказал я с уверенностью в голосе, которой на самом деле не чувствовал.

Потому что теперь, когда дело было сделано, у меня появились сомнения.

Вывеска Джойленда светилась — это было первое, что я заметил.

А второе — что из динамиков лилась развеселая летняя музыка: парад хитов конца шестидесятых — начала семидесятых. Я собирался припарковаться на одном из мест, отведенных для инвалидов — они были всего футах в пятидесяти от входа — но не успел я к ним свернуть, как Фред Дин вышел из открытых ворот парка и поманил нас внутрь. Сегодня он был не просто в костюме, а в тройке, которую приберегал для редких визитов знаменитостей, достойных ВИП-тура. Костюм я видел и раньше, а вот черный шелковый цилиндр, какие бывают на дипломатах в старых кинохрониках, узрел впервые.

— Это что, нормально? — спросила Энни.

— А то, — сказал я слегка обалдело. Ничего нормального в этом не было.

Я въехал через ворота на Джойленд-авеню и остановился у скамейки перед "Деревней "Туда-Сюда", где когда-то сидел с мистером Истербруком после своего первого выступления в роли Гови.

Майк хотел выйти из фургона так же, как в него сел — самостоятельно. Я стоял наготове, чтобы поймать его, если он потеряет равновесие, пока Энни вытаскивала сзади коляску. Навостривший уши Майло сидел у моих ног, постукивая хвостом и посверкивая глазками.

Пока Энни подвозила к нам кресло, подошел Фред, окутанный облаком одеколонного аромата. Он был... ослепителен. Другого слова не подберешь. Он снял цилиндр, поклонился Энни и протянул руку.

— Вы, должно быть, мама Майка.

Не забывайте, что в то время обращение "миз"^[22] еще не было в ходу, и как я ни нервничал, но не мог не восхититься тем, как он ловко обошел проблему "мисс/миссис".

— Да, — ответила она.

Не знаю, что ее смутило — то ли его любезность, то ли контраст в том, как они были одеты (она — для обычного визита в парк развлечений, он — для официального визита), но она, безусловно, была смущена. Однако руку ему пожала.

— А этот юноша...

— ...сам Майкл.

Он протянул руку мальчику, который с широко распахнутыми глазами стоял на своих стальных подпорках.

— Спасибо, что посетили нас.

— Не за что... То есть, это вам спасибо. Спасибо, что разрешили нам прийти, — он пожал руку Фреда. — Парк такой огромный!

Никакой он, конечно, был не огромный. Диснейленд — вот огромный парк. Но для десятилетки, ни разу не бывшего в парке развлечений, он наверняка выглядел именно таким. На мгновение я увидел Джойленд его глазами, увидел как будто впервые, и все мои сомнения насчет того, стоило ли его сюда везти, растаяли.

Фред наклонился, чтобы осмотреть третьего члена семьи Росс, уперев руки в колени.

— А ты — Майло!

Майло гавкнул.

— Да, — сказал Фред, — мне тоже очень приятно. Он протянул руку и подождал, пока Майло подаст ему лапу, а затем пожал ее.

— Откуда вы знаете, как зовут нашу собаку? — спросила Энни. — Дев сказал?

Он выпрямился с улыбкой.

— Нет, не Дев. Знаю потому, что это место — волшебное, дорогая моя. Например... — Он показал пустые ладони и спрятал их за спину. — В какой руке?

— В левой, — подыграла ему Энни.

Фред вытянул вперед левую руку — пустую.

Она, улыбаясь, закатила глаза.

— Ну, в правой.

На сей раз в руке оказалась дюжина роз. Настоящих. Энни и Майк охнули от изумления. Я тоже. Даже теперь, столько лет спустя, я все еще понятия не имею, как он это сделал.

— Джойленд — для детей, дорогая моя, и поскольку сегодня Майк здесь единственный ребенок, парк принадлежит ему. Но эти цветы — для вас.

Она взяла их, как во сне, зарылась лицом в бутоны, втянула в себя аромат их сладкой красной пыльцы.

— Я отнесу их в фургон, — предложил я.

Она удержала их еще на мгновение, потом отдала мне.

— Майк, — сказал Фред, — ты знаешь, чем мы здесь торгуем?

Майк неуверенно взглянул на него.

— Аттракционами? И играми?

— Мы продаем веселье. Ну что, пошли веселиться?

Я помню день, который Майк провел в парке — и Энни, конечно, тоже, — как будто это было вчера. Но нужен гораздо более талантливый рассказчик, чем я, чтобы объяснить, как этот день разорвал последние путы, которыми Венди Кигэн еще связывала мое сердце и чувства. Могу лишь сказать то, что вы и так знаете: бывают дни драгоценные. Их немного, но в жизни каждого наберется несколько штук. Вот это был один из них. Когда мне грустно, когда жизнь наваливается на меня и все вокруг кажется дешевой мишурой, как Джойленд-авеню в дождь, — я возвращаюсь к тому дню, чтобы напомнить себе, что жизнь — не всегда лохотрон. Иногда призы настоящие. Иногда они драгоценны.

Конечно, работали не все аттракционы, и это было к лучшему, потому что многие из них не годились для Майка. Но больше половины парка в то утро действовало: свет, музыка, даже некоторые ларьки, где с полдесятка газунов продавали попкорн, картошку фри, колу, сахарную вату и "Лайское наслаждение". Не представляю, как Фред и Лэйн устроили все это за один день, но им это удалось.

Мы начали с "Деревни", где Лэйн уже ждал нас возле Поезда Туда-Сюда. На нем была полотняная фуражка машиниста вместо обычной шляпы, но он заломил ее под все тем же лихим углом. Кто бы сомневался.

— Все на борт! Этот паровозик детишек возит, так что садись, да поторопись! Мамы бесплатно, собаки бесплатно, дети — на паровозе туда и обратно.

Он указал на Майка, затем на пассажирское сиденье паровоза.

Майк вылез из кресла, оперся на костыли и заковылял к нему.

Энни было дернулась, но он ее остановил:

— Нет, мам, не надо. Я сам.

Он обрел равновесие и захромал к Лэйну — живой мальчик с ногами робота. Майк позволил Лэйну усадить себя на пассажирское сиденье.

— А эта веревка — от свистка? Можно дернуть?

— Для того она и существует, — сказал Лэйн, — но следи за поросятами на рельсах! Тут неподалеку бродит волк, и они его до смерти боятся.

Мы с Энни усадились в один из вагончиков. Ее глаза сияли. На щеках расцвели розы не хуже фредовых. Губы, хотя и плотно сжатые, дрожали.

— Вы в порядке? — спросил я.

— Да, — она переплела свои пальцы с моими и сжала их почти до боли. — Да. Да. Да.

— На панели огоньки зеленые! — крикнул Лэйн. — Подтверди, Майкл.

— Подтверждаю!

— Кого надо опасаться на рельсах?

— Свиной!

— Я балдею, малыш, когда ты говоришь! Дерни как следует веревку-свистульку, и поехали!

Майк дернул за канат. Свисток загудел. Майло гавкнул. Запыхтели пневматические тормоза, и поезд тронулся.

Поезд Туда-Сюда был типичной "малышовкой". Все аттракционы в "Деревне" были малышовками — для детишек от трех до семи лет. Но надо помнить, как редко Майк Росс где-то бывал, особенно после того, как переболел пневмонией год назад, и сколько дней он просидел с матерью в конце той дорожки, слушая грохот аттракционов и счастливые визги из парка и зная, что все это не для него. А для него — ловить ртом воздух, когда начнут отказывать

легкие, кашлять, постепенно терять возможность ходить даже с костылями и скобами, и, наконец, кровать, на которой он умрет в подгузнике под пижамой и с кислородной маской на лице.

"Деревня "Туда-Сюда" выглядела покинутой без салаг, исполняющих свои сказочные роли, но Фред и Лэйн запустили все механические штуковины: волшебный бобовый стебель, который вырастал из земли в облаке пара, ведьму, хихикающую перед Леденцовым домиком, Сумасшедшее чаепитие, волка в ночном колпаке, который сидел в засаде под откосом и внезапно выскакивал к проходящему поезду. За последним поворотом нас ждали три хорошо известные всем детям домика: один из соломы, другой из веток, третий — из кирпича.

— Следи за поросятами! — крикнул Лэйн, и тут они как раз выскочили на рельсы, издавая усиленное динамиками хрюканье. Майк закатился смехом и дернул свисток. Как всегда, поросята спаслись... в последнюю секунду.

Когда мы подъехали к станции, Энни отпустила мою руку и поспешила к паровозу.

— Все в порядке, малыш? Дать ингалятор?

— Нет, все нормально. — Майк повернулся к Лэйну. — Спасибо, мистер машинист!

— Не за что, Майк. — Он протянул руку ладонью вверх. — Хлопни рукой, коль еще живой!

Майк так и сделал, и со смаком. Вряд ли он когда-нибудь чувствовал себя более живым.

— А теперь мне пора, — сказал Лэйн. — У меня сегодня дел хоть отбавляй, — и он мне подмигнул.

Энни наложила вето на "Чашки-вертушки", но — с некоторой опаской — одобрила "Креслоплан". Когда кресло Майка взмыло в небо на тридцать футов и принялось там раскачиваться, она сжала мою руку... ослабив хватку лишь тогда, когда услышала, как Майк смеется.

— Боже мой, — сказала она. — Ты только посмотри на его волосы! Как они развеваются!

Энни улыбалась. А еще она плакала, хотя, казалось, этого не замечала. Как и мою руку, обнявшую ее талию.

Аттракционом управлял Фред — и ему хватило смекалки разогнать его лишь наполовину. Если бы он врубил максимальную скорость, Майк повис бы параллельно земле, удерживаемый лишь центробежной силой. Когда кресло опустилось, Майк не мог идти — так его качало. Мы с Энни взяли его под руки и отвели к инвалидному креслу. Фред принес костыли.

— Нифига себе! — казалось, это единственное, что он способен сейчас сказать. — Нифига себе. Нифига себе.

Следующим пунктом были "Крутые моторки" — сухопутный, вопреки названию, аттракцион. Майк и Майло с видимым удовольствием рассекали рисованные волны на одной лодке, а мы с Энни — на другой.

Хотя к тому времени я работал в Джойленде уже четыре месяца, я никогда не катался на "Моторках" — и завопил, когда мы едва не врезались в судно Майка... успев увернуться лишь в последнюю секунду.

— Трусишка! — крикнула Энни мне прямо в ухо.

Выбравшись из лодки, Майк дышал тяжело, но не кашлял. Мы покатали его по Песьей тропе, где купили по содовой. Газун за прилавком отказался взять протянутую Энни пятерку: "Сегодня все за счет заведения, мэм".

— Можно мне сосиску, мам? И сахарной ваты?

Она сначала нахмурилась, потом вздохнула и пожала плечами.

— Ладно. Но ты должен помнить, что тебе по-прежнему нельзя все эти штуки. Сегодняшний день — исключение, ясно? И больше никаких быстрых аттракционов.

Он поехал к будке с "Лайским наслаждением", сопровождаемый лаем Майло, который бежал следом. Энни повернулась ко мне.

— Это не из-за диеты, если ты так подумал. Просто если у него заболит живот, его может стошнить, а приступы тошноты очень опасны для детей в его состоянии. Они...

Я поцеловал ее — просто мягко коснулся своими губами ее губ. Все равно что попробовал на вкус каплю чего-то невероятно сладкого.

— Успокойся, — сказал я. — Неужели он выглядит больным?

Ее глаза округлились. На мгновение я подумал, что она просто влепит мне пощечину и уйдет — день будет безнадежно испорчен, причем исключительно по моей собственной дурости. А потом она улыбнулась, бросив на меня изучающий взгляд — отчего в животе у меня потеплело.

— Думаю, ты способен на большее... представься тебе такая возможность.

И, прежде чем я смог что-то ответить, она поспешила вслед за сыном.

Да если бы она и осталась, ответить мне было нечего: она совершенно сбила меня с толку.

Энни, Майк и Майло забрались в одну из "Летучих гондол", которые пересекали парк сверху по диагонали. Мы с Фредом Дином ехали под ними на электрокаре. Кресло Майка мы заснули в багажное отделение.

— Отличный парень, — заметил Фред.

— Так и есть, но я не ожидал, что вы устроите... такое.

— Это не только для мальчика, но и для тебя. Ты принес парку пользы гораздо больше, чем думаешь, Дев. Так что я просто спросил у мистера Истербрука разрешения на большое шоу, а он дал зеленый свет.

— Вы ему звонили?

— Так точно.

— Этот фокус с розами... как вы его провернули?

Фред одернул манжеты и скромно ответил:

— Фокусник никогда не разбалтывает свои секреты. Сам, что ли, не знаешь?

— Вы, наверное, поднаторели в этом деле, когда работали на братьев Блиц?

— Нет, сэр, вовсе нет. У братьев я работал карусельщиком и зазывалой на центральной аллее. И, хотя у меня не было действующих водительских прав, иногда перевозил разный хлам на грузовике, когда приходилось перебираться по ночам с одного места на другое.

— И где же вы научились фокусам?

Фред потянулся к моему уху, достал из-за него серебряный доллар и бросил мне его на колени.

— Тут и там, там и сям. Прибавь газу, Джонси — что-то мы подотстали.

От "Небесной станции", где останавливалась гондола, мы направились к карусели, у которой нас уже поджидал Лэйн Харди. Кепку машиниста он снова сменил на котелок. Из громкоговорителей парка по-прежнему гроыхал рок-н-ролл, но под широким, переливающимся всеми цветами радуги навесом карусели играла каллиопа. "Велосипед на двоих" — в записи, но такая милая, старомодная песенка.

Прежде, чем Майк попытался залезть на аттракцион, Фред опустил на колено и рассудительно произнес:

— Без джойлендской песболки на карусель нельзя. у тебя она есть?

— Нет, — ответил Майк. Он еще не кашлял, но под глазами у него уже появились темные круги. Там, где его щеки не пылали от возбуждения, кожа выглядела бледной. — Я не знал, что нужно...

Фред снял свой цилиндр, продемонстрировал нам, что внутри он пуст — каким и должен быть, когда фокусник показывает его аудитории. Потом Фред сам заглянул в него и просиял.

— Ага! — он достал из цилиндра новехонькую пёсболку и водрузил ее на макушку Майка. — Как раз твой размер! Уже выбрал зверюшку, на которой поедешь? Лошадь? Единорог? Может, русалка? Или лев?

— Да, лев, пожалуйста! — закричал Майк. — А ты, мам, садись рядом на тигра!

— Как скажешь, — сказала она. — Всегда хотела оседлать тигра.

— Эй, чемпион, — сказал Лэйн. — Давай я помогу тебе подняться.

Энни тем временем понизила голос и обратилась к Фреду.

— Еще чуть-чуть — и все, хорошо? Тут здорово, он никогда не забудет этот день, но...

— Он слабеет, — ответил Фред. — Понимаю.

Энни села рядом с Майком на зеленоглазого, застывшего в рыке тигра. Майло, ухмыляясь своей собачьей ухмылкой, устроился между ними. Карусель пришла в движение, и "Велосипед на двоих" сменился "Шумом на Двенадцатой улице". Фред положил мне руку на плечо.

— Встретимся у "Колеса" — это будет последний аттракцион на сегодня — но сначала заскочи в костюмерную. И побыстрее.

Я хотел было спросить, зачем, но потом и сам все понял. А поняв, направился в костюмерную. Бегом.

Тем вторничным утром в октябре 1973-го я носил меха в последний раз. Надел я их в костюмерной и по Песье подземке вернулся к центру парка на электрокаре, выжав из него все соки. Откинута голова Гови болталась у меня на плече. На поверхность я выбрался за шалманом мадам Фортуны. И как раз вовремя: Лэйн, Энни и Майк уже приближались по центральной аллее. Майк сидел в кресле, а Лэйн его толкал. Никто из них не заметил, как я выглянул из-за угла шалмана — вытянув шеи, они все смотрели на "Каролинское колесо". А вот Фред меня заметил. Я поднял лапу. Он кивнул, повернулся и махнул уже своей лапой кому-то в маленькой кабинке над отделом заказов. Пару секунд спустя из всех колонок хлынула Гови-музыка: Элвис запел "Гончую".

Я выпрыгнул из своего укрытия и начал танцевать танец Гови — что-то вроде недоделанной чечетки. Майк раскрыл рот. Энни приложила ладони к вискам, словно у нее разыгралась жуткая мигрень, а потом засмеялась. А дальше последовало, наверное, одно из лучших моих выступлений. Я прыгал и скакал вокруг кресла Майка, почти не замечая Майло, который делал примерно то же самое, только в другом направлении. За "Гончей" настал черед "Роллинг стоунз" с их "Выгуляй собаку". Слава богу, песня эта довольно короткая: не думал я, что настолько вышел из формы.

Закончил я раскрытием лап для объятий и криком: "Майк! Майк! Майк!" Гови тогда заговорил впервые. В свое оправдание могу лишь сказать, что получилось у меня очень похоже на лай.

Встав с кресла, Майк тоже раскрыл руки и рухнул вперед.

Он знал, что я его подхватчу, и я подхватил. Меня все лето обнимали детишки в два раза младше него, но ни одни объятия не были такими приятными. Жаль, что я не мог его развернуть, сжать так, как сжал тогда Хэлли Стансфельд и выдавить из него болезнь, словно кусок хот-дога.

Уткнувшись лицом в мех, Майк сказал:

— А из тебя получился отличный Гови, Дев.

Я погладил его по голове, сбив с него пёсболку. Так близко выдать слова за лай у меня бы не получилось, поэтому я просто подумал: "Хорошему мальчишке положен хороший пес. Спроси у Майло".

Майк посмотрел в голубые сетчатые глаза Гови.

— Пойдешь с нами на лифтушку?

Я энергично кивнул и потрепал его по голове. Лэйн поднял майкову новую пёсболку и водрузил ему на голову.

Подошла Энни. Руки она скромно сложила перед собой, но глаза сияли радостью.

— Можно расстегнуть вам молнию, мистер Гови?

Я бы и не против, но допустить, конечно, этого не мог. У любого представления свои правила, а одно из непоколебимых правил Джойленда гласило: Гови, Пес-Симпатяга всегда остается Гови, Псом-Симпатягой.

На глазах у кроликов меха снимать нельзя.

Нырнув в Песью подземку, я снял меха, бросил их на кар и присоединился к Энни и Майку на ведущем к "Каролинскому колесу" пандусе. Энни с опаской глянула вверх и сказала:

— Всё ещё хочешь на нем прокатиться, Майк?

— Да! На нем — больше всего!

— Что ж, хорошо. Наверное. — И уже мне:

— Высоты я не боюсь, но и особой любви к ней не испытываю.

У открытой двери кабинки стоял Лэйн.

— Забирайтесь, ребятки. Запущу вас ввысь, где воздух — зашибись. — Он наклонился и почесал Майло за ушами. — А тебе, дружок, придется посидеть тут.

Я сел у внутренней стены кабинки, поближе к колесу. Энни — посредине, а Майк — около дверцы, откуда открывался самый лучший вид. Лэйн опустил перекладину безопасности и вернулся к рычагу, не забыв при этом подвинуть котелок.

— Готовьтесь восхищаться! — крикнул он, и мы поползли вверх со скоростью коронационной процессии.

Мир постепенно открывался нашим глазам: сначала парк, потом ярко-синяя гладь океана справа от нас, а слева — бескрайние просторы Северной Каролины. В самой верхней точке нашего путешествия Майк отпустил перекладину, поднял руки над головой и закричал:

— Мы летим!

К моей ноге кто-то прикоснулся. Энни. Я посмотрел на нее, и одними губами она произнесла одно единственное слово: "Спасибо". Не помню, сколько мы сделали оборотов: кажется, больше обычного, но я не уверен. Зато в память мне врезалось бледное, полное удивленного восхищения лицо Майка. И обжигающе горячая рука Энни у меня на бедре.

Которую она не убирала до самой остановки.

Майк повернулся ко мне.

— Теперь я узнал, каково это быть воздушным змеем.

Я тоже.

Когда Энни сказала Майку, что пора закругляться, мальчик не стал возражать.

Его силы были на исходе. Когда Лэйн помог ему усесться в кресло, Майк протянул руку — ладонью вверх.

— Хлопни рукой, коль еще живой.

Лэйн звонко шлепнул по руке мальчика своей.

— Возвращайся в любое время, Майк.

— Спасибо. Было так здорово.

Лэйн и я покатали его по центральной аллее. Будки по обеим ее сторонам вновь закрылись, но один из шалманов все еще работал: "Тир Энни Оукли". У деревянного прилавка с ружьями, на законном месте Папаши Аллена, стоял Фред Дин в своем костюме-тройке. Позади него туда-сюда ездили заводные зайцы и утки, а над ними стояли керамические цыплята. Стояли на месте, но были очень маленькими.

— Не желаете ли попрактиковаться в стрельбе по мишеням, прежде чем покинете наш парк? — спросил Фред. — Сегодня не будет проигравших. Сегодня кааааждый-прекаждый что-нибудь, да выиграет.

Майк оглянулся на Энни.

— Мам, можно?

— Конечно, солнышко. Но только недолго, хорошо?

Он попытался встать с кресла, но не смог — слишком устал. Лэйн и я приподняли его, каждый со своей стороны. Майк взял винтовку и сделал пару выстрелов, но руки его уже не слушались, пусть ружье и было легким. Пульки ударились о задник и упали в специальный желобок.

— Да уж, тот еще снайпер, — сказал он, опустив ружье.

— Что ж, ты никого не подстрелил, — согласился Фред, — но, как я уже сказал, сегодня выигрывает каждый.

И с этими словами он снял с полки самого большого Гови — главный приз, чтобы получить который даже опытные стрелки выкладывали по восемь-девять долларов.

Майк поблагодарил его и сел. Он выглядел потрясенным. Плюшевый пес был почти с него ростом.

— Мам, теперь твоя очередь!

— Нет, не стоит, — ответила она, но я подумал, что ей все же хочется. Было что-то такое в ее взгляде, оценивающим расстояние от стойки до мишеней.

— Пожалуйста! — Мальчик посмотрел сначала на меня, потом на Лэйна. — Она здорово стреляет. Один раз выиграла турнир по стрельбе из положения лежа в Кемп Перри — еще до того, как я родился — и дважды занимала второе место. Кемп Перри — это в Огайо.

— Я не...

Но Лэйн уже протягивал ей одну из модифицированных винтовок 22 калибра.

— Подходите сюда. Посмотрим, какая из вас Оукли, Энни.

Она взяла ружье и осмотрела его — как редко кто из "кролей".

— Сколько здесь пуль?

— По десять в обойме, — ответил Фред.

— Если уж соглашусь, то можно будет взять две обоймы?

— Сколько хотите, мэм. Сегодня ваш день.

— Раньше мама еще и по тарелочкам стреляла, вместе с дедом, — сообщил Майк.

Энни подняла ружье и выпустила десять пуль, с паузами в секунду-другую между выстрелами. Она сбила двух уток и трех зайцев. Керамических цыплят трогать не стала.

— Вот это меткость! — воскликнул Фред. — Любой приз со средней полки по вашему желанию.

Она улыбнулась.

— Да какая же это меткость... Отец бы со стыда сгорел. Я лучше перезаряжусь, хорошо? Приз не нужен.

Фред достал из-под стойки бумажный кулек (на Языке он назывался "мелкострел") и вставил его узким концом в отверстие на ружье. Десять шариков с треском закатились внутрь.

— Прицел, случаем, не сбит? — спросила она Фреда.

— Что вы, мэм. В Джойленде все по-честному. Но если я скажу вам, что Папаша Аллен — человек, который обычно стоит за этой стойкой — долгими часами настраивает прицелы на винтовках, то солгу.

Я работал в команде Папаши, так что знал, что на самом деле Фред выразился еще весьма дипломатично. Прицелами винтовок Папаша стал бы заниматься в самую последнюю очередь. Чем лучше стреляли лохи, тем больше призов ему полагалось выдавать — а все призы он покупал за свой счет. Как и остальные хозяева призовых аттракционов. Игрушки, конечно, были дешевыми, но не бесплатными.

— Чуть выше и левее, — сказала Энни — скорее, себе, чем нам.

А потом подняла ружье, уперла в выемку на плече и десять раз спустила курок. На этот раз пауз между выстрелами вообще не было, и целилась она не в уток с зайцами. Она целилась в керамических цыплят, и разнесла вдребезги восемь из них.

Когда она положила ружье на стойку, Лэйн принялся вытирать банданой пот и грязь с загривка. А вытирая, едва слышно пробормотал:

— Иисусе-наш-Христос... Никто еще не выбивал восемь штук.

— По последней я только чиркнула, но с такого расстояния должна была брать все, — она не хвалилась — просто констатировала факт.

— Говорил же, она хорошо стреляет, — извиняющимся тоном сказал Майк. — Даже хотела попасть на Олимпиаду, только ее выгнали из колледжа.

— Вы самая настоящая Энни Оукли, — сказал Лэйн, убирая бандану в задний карман. — Любой приз, милая леди. Какой хотите.

— Я уже получила свой приз, — сказала она. — Это был чудесный, изумительный день. Я никогда не смогу отблагодарить вас за него, парни.

Она повернулась ко мне.

— Вас и его. Ведь ему пришлось меня *уговаривать* на всё это. Из-за моей глупости. — Она поцеловала Майка в макушку. — Но сейчас мне надо везти своего мальчика домой. А где Майло?

Мы огляделись по сторонам и обнаружили Майло напротив "Дома страха". Пес сидел, обернув лапами хвост.

— Майло, ко мне! — крикнула Энни.

Уши Майло шевельнулись, но сам он не сдвинулся с места. Даже не повернул голову в нашу сторону — так и сидел, уставившись на единственный темный аттракцион Джойленда. Я почти поверил в то, что он читает капающие, написанные в стиле ужасика буквы: ЗАХОДИ, КОЛЬ ОСМЕЛИШЬСЯ.

Пока Энни смотрела на Майло, я успел украдкой взглянуть на Майка.

Хоть он и выглядел уставшим, выражение на его лице прочитать не составило особого труда: удовлетворение. Знаю, безумно было бы думать, что он и джек-рассел спланировали это

вместе... но именно так я и подумал.

И думаю до сих пор.

— Отвези меня к нему, мам, — попросил он. — Меня он послушает.

— Нет нужды, — сказал Лэйн. — Если у тебя есть поводок, я с удовольствием приведу Майло сюда.

— Он в кармане, на спинке кресла, — сказала Энни.

— Хм, может, и нет, — сказал Майк. — Проверить стоит, но я, кажется, забыл его дома.

Энни проверила, а я подумал: черта с два ты его забыл.

— Ох, Майк, — укоризненно произнесла Энни. — Твоя собака, ты и должен за нее отвечать. Сколько раз я тебе это говорила?

— Прости, мам, — ответил ей Майк, а Лэйну с Фредом добавил: — Просто мы редко пользуемся поводком: обычно Майло прибегает сам.

— Кроме тех случаев, когда он нам нужен. — Энни сложила руки рупором и прокричала: — Майло, ко мне! Пора домой!

И уже сладким голосом добавила:

— Печенюшка, Майло! Будешь печенюшку?

Этот голос и меня убедил бы бросить все и побежать — может даже с высунутым языком — но Майло все так же не шевелился.

— Пойдем, Дев, — сказал Майк. Словно я тоже участвовал в его плане, но каким-то образом позабыл об этом. Я взялся за рукоятки кресла и покатил Майка по Джойленд-авеню к "Дому страха". Энни пошла следом. Фред и Лэйн остались на своих местах — Лэйн лишь оперся на стойку с ружьями. Котелок он снял и теперь вертел его на пальце.

Когда мы подошли к собаке, Энни раздраженно спросила:

— Что с тобой, Майло?

Услышав голос хозяйки, Майло завилял хвостом, но головы не повернул. Он стоял на страже, и собирался стоять до тех пор, пока его не оттащат.

— Майкл, пожалуйста, заставь своего пса подняться, и мы пойдем домой. Тебе нужен от...

Фразу она закончить не успела — ей помешали два события. Не уверен, какое из них случилось раньше. Я часто вспоминал эти мгновения — чаще всего ночами, когда не мог уснуть — и до сих пор не уверен. Думаю, сначала раздался грохот: звук покотившегося по рельсу вагончика. Но, возможно, первым упал навесной замок. Кто знает, может, и то, и другое случилось одновременно.

Замок упал с входных ворот "Дома страха" и остался лежать на дощатом настиле, поблескивая в лучах октябрьского солнца. Фред Дин позже высказал предположение, что дужка замка была вставлена неплотно, и вибрация приближающегося вагончика расшатала его окончательно.

В этом был смысл, потому что дужка, когда я ее проверил, и в самом деле были откинута. И все равно — чушь какая-то.

Я сам вешал этот замок, и хорошо помню щелчок, с которым дужка вошла в паз. Я даже помню, как дернул его, чтобы проверить, все ли нормально — как мы все обычно и делаем, когда закрываем замки. И это уж не говоря о вопросе, на который Фред даже и не пытался ответить: как вообще вагончик мог куда-то покатиться без электричества? А вот что случилось потом...

Поездка по "Дому страха" заканчивалась следующим образом: в самом конце "Камеры пыток", когда вам казалось, что все закончилось, наперерез вагончику вылетал вопящий скелет (салаги прозвали его Хагаром Ужасным). Скелет пролетал мимо, и перед вами возникала

каменная стена со светящимся в темноте рисунком: гниющий зомби и надгробие с надписью КОНЕЦ ПУТИ. Само собой, каменная преграда распахивалась как раз вовремя, но такой двойной удар по психике был очень эффективным. Когда вагончик выезжал на улицу, делая небольшой полукруг перед тем, как проехать еще через одни ворота и остановиться, даже взрослые мужики орали как бешеные. Эти вопли (сопровожаемые неизменными смешками — "вот же гады, подловили") служили аттракциону лучшей рекламой.

Криков в тот день не было. Их и не могло быть, потому что выехавший наружу вагончик был пуст. Сделав полукруг, он уперся носом в другие ворота и замер.

— Та-ак, — сказал Майк. Не сказал даже, а прошептал — я едва его расслышал, а Энни, уверен, не услышала вовсе: все ее внимание было приковано к вагончику. Мальчик улыбался.

— Почему он поехал? — спросила Энни.

— Понятия не имею, — ответил я. — Может, короткое замыкание. Или какой-то скачок напряжения.

И то, и другое объяснение звучали веско, если, конечно, вы не знали о выключенных генераторах.

Я встал на цыпочки и заглянул в остановившийся вагончик. Сперва я заметил поднятую перекладину. Если Эдди Паркс или один из его салаг-помощников забывал ее опустить, она опускалась сама, едва вагончик приходил в движение: этого требовали обязательные правила безопасности. Поднятая перекладина выглядела глупо, но в этом был свой смысл: ведь питание подавалось лишь на те аттракционы, которые Фред и Лэйн запустили для Майка.

А потом я заметил еще кое-что — под полукруглым сиденьем, такое же настоящее, как и розы, которые Фред подарил Энни... только не красное.

Голубая лента.

Мы отправились назад к фургону. Майло, демонстрируя свое лучшее поведение, семенил рядом с креслом Майка.

— Вернусь, как только отвезу их домой, — сказал я Фреду. — Отработаю свои часы.

Он покачал головой.

— Сегодня с тебя хватит. Лучше ляг пораньше и приходи завтра к шести. Захвати пару сэндвичей, потому что работать придется допоздна. Похоже, шторм надвигается быстрее, чем прогнозировали.

Энни выглядела встревоженной.

— Может, мне стоит собрать вещи и увезти Майка в город? Конечно, он так устал, но...

— Следите за радиопередачами этим вечером, — посоветовал Фред. — Если объявят эвакуацию, у вас будет достаточно времени... впрочем, не думаю, что до этого дойдет. Для вас все ограничится сильным ветром. Я немного беспокоюсь за высокие аттракционы — "Шаровую молнию", "Мозготряс" и "Колесо".

— Все с ними будет хорошо, — сказал Лэйн. — Выстояли же в прошлом году во время "Агнессы", а ведь тогда был тот еще ураган.

— А у этого шторма есть имя? — спросил Майк.

— Его зовут "Гильда", — ответил Лэйн. — Только это не ураган, а так, небольшое субтропическое завихрение.

— Ветер начнет крепчать около полуночи, а спустя час или два зарядит ливень. Может, Лэйн и прав насчет высоких аттракционов, но день нас все равно ждет тяжелый. У тебя есть дождевик, Дев?

— Конечно.

— Тогда, думаю, завтра он тебе пригодится.

В машине мы послушали прогноз погоды, который слегка Энни успокоил. Ожидалось, что средняя скорость ветра не превысит тридцати миль в час, и что лишь редкие его порывы перейдут эту отметку. Также ожидалась некоторая эрозия берега с небольшими затоплениями на материке. Вот, собственно, и всё. Ди-джей назвал такую погоду "идеальной для запуска воздушных змеев", и мы засмеялись. Приятно было осознавать, что у нас уже накопилось довольно много общих впечатлений.

Когда мы подъехали к викторианскому особняку, Майк уже почти заснул. Я его поднял и пересадил в кресло.

Труда мне это не составило: за последние четыре месяца я здорово подкачался, а без жутких скоб на ногах Майк весил не больше семидесяти фунтов (70 фунтов = 32 кг, прим. пер.). Усадил и покатил кресло к дому за семенящим впереди Майло.

Майк захотел в туалет, но когда мама собралась его туда отвезти, он попросил, чтобы ему помог я. Вкатив Майка в ванную, я помог ему встать и, пока он держался за поручни, приспустил ему штаны.

— Терпеть не могу, когда ей приходится так мне помогать. Чувствую себя младенцем. Может быть, но мочился он с энергией здорового ребенка. Потянувшись к ручке слива, Майк пошатнулся и чуть было не нырнул в унитаз. Мне пришлось его подхватить.

— Спасибо, Дев. Я уже сегодня голову мыл. — И в ответ на мой смех он широко улыбнулся. — Вот бы на нас налетел настоящий ураган. Было бы круто.

— Если бы налетел, ты бы так не думал. — Я вспомнил Дорию, которая ударила по Нью-Гэмпширу и Мэну два года назад. Тогда девяностомильные ветры валили деревья по всему Портсмуту, Киттери, Сэнфорду и Бервикам.

На наш дом тогда едва не рухнула огромная, старая сосна. Подвал затопило, и мы четыре дня просидели без электричества.

— Думаю, мне бы не хотелось, чтобы в парке что-нибудь упало. Для меня теперь это самое лучшее место в мире. По крайней мере, из тех, где я был.

— Вот и хорошо. Держись-ка крепче, пока я тебе штаны натяну. Не будем сверкать перед мамочкой голой задницей.

Он засмеялся, но смех быстро перешел в кашель. Когда мы вышли из ванной, Энни взяла дела в свои руки и по коридору укатила Майка в его спальню.

— Не вздумай удрать, Девин, — бросила она через плечо.

С работы меня отпустили рано, поэтому удирать я не собирался, если уж она хотела, чтобы я остался еще ненадолго. Я ходил по гостиной и рассматривал вещи, которые, наверное, были дорогими, но не очень-то интересными (по крайней мере, на взгляд двадцатиоднолетнего молодого человека). Огромное, почти во всю стену, панорамное окно спасало эту комнату от излишней мрачности, заливая ее дневным светом. Оно выходило на задний двор, деревянный настил и океан. Я видел, как с юго-востока подбираются первые тучки, но небо пока еще оставалось ярко-синим. Помню, как подумал о том, что все-таки попал в этот огромный дом, хотя пересчитать все ваннные комнаты шанса мне, наверное, так и не представится. Помню, как подумал о синей ленте и о том, увидит ли ее Лэйн, когда будет возвращать взбунтовавшийся вагончик на место. О чем еще я думал? О том, что я все-таки увидел призрака. Пусть и не человека.

Вернулась Энни.

— Он хочет тебя видеть, но надолго не задерживайся.

— Ладно.

— Третья дверь направо.

Я прошел по коридору, легонько постучался и вошел. Если не замечать поручней на стенах, кислородные баллоны в углу и вытянувшиеся по стойке смирно ножные скобы у кровати, то комната могла сойти за комнату обычного мальчишки. Да, ни бейсбольной перчатки, ни скейтборда в ней не было, зато были плакаты с Марком Спитцем и "Майамскими дельфинами". А на почетном месте над кроватью "Битлз" переходили Эбби-Роуд.

В воздухе стоял едва уловимый запах растирки. В кровати лежал Майк, такой маленький, что почти затерялся под зеленым покрывалом. Рядом с ним калачиком свернулся Майло, которого он рассеянно поглаживал. Трудно было поверить, что я видел перед собой того самого ребенка, который в победном жесте вскинул руки над головой на пике нашей поездки на "Колесе". Но грустным Майк не выглядел. Наоборот, он чуть ли не светился.

— Ты ее видел, Дев? Видел, как она уходила?

Я с улыбкой покачал головой. Тому я завидовал, Майку — нет. Майку — никогда.

— Хотел бы я, чтобы там был мой дедушка. Он бы тоже ее увидел и услышал, что она сказала, когда уходила.

— И что же?

— Сказала "спасибо". Нам обоим. Еще она сказала тебе быть осторожнее. Ты точно ее не слышал? Хоть немножко?

Я снова покачал головой. Нет. Даже немножко.

— Но ты знаешь. — Лицо Майка побледнело и осунулось: по нему сразу было видно, что он очень болен. Зато глаза оставались живыми и здоровыми.

— Ты же знаешь, так ведь?

— Да, — ответил я, думая о ленте. — Майк, а ты знаешь, что с ней случилось?

— Кто-то ее убил, — почти прошептал он.

— А она не сказала...

Он покачал головой, не дав мне закончить.

— Тебе надо поспать, — сказал я.

— Да. После сна почувствую себя лучше. Так всегда бывает. — Он закрыл глаза. Потом снова открыл. Медленно.

— Мне больше всего понравилось "Колесо". Лифтушка. На нем как будто летишь.

— Да, — сказал я. — Летишь.

Майк снова закрыл глаза и уже не открывал. Я на цыпочках прокрался к двери. Только взялся за ручку, как он сказал:

— Будь осторожен, Дев. Они не белые.

Я оглянулся. Майк спал. Точно спал. На меня смотрел один лишь Майло. Я вышел из комнаты и тихонько прикрыл за собой дверь.

Энни была на кухне.

— Я варю кофе, но, может, ты предпочитаешь пиво? У меня есть "Блю Риббон".

— Лучше кофе.

— Как тебе дом?

Я решил сказать правду.

— Мебель, на мой вкус, немного старомодна, но я никогда не ходил в школу декораторского искусства.

— Как и я, — ответила она. — Что там, даже колледж не закончила.

— Добро пожаловать в клуб.

— Да брось, ты-то закончишь. Переболеешь той девчонкой, что тебя бросила, вернешься на учебу, выступишься и отправишься в прекрасное светлое будущее.

— Откуда ты знаешь...

— Про девчонку? Во-первых, на тебе разве что нет плаката "МЕНЯ БРОСИЛИ". Во-вторых, Майк в курсе. Он мне рассказал. Он — мое светлое будущее. А ведь когда-то я хотела стать антропологом. Хотела выиграть золотую медаль на Олимпиаде. Хотела поехать по миру и стать Маргарет Мид^[23] своего поколения. Хотела писать книги и вообще делать все, чтобы вернуть любовь отца. Ты знаешь, кто он?

— Моя хозяйка говорит, что он проповедник.

— Так и есть. Бадди Росс, человек в белом костюме и с роскошной сединой. Выглядит как постаревший "Человек "Глэд" из рекламы^[24]. Мега-церковь, эфиры на радио, теперь еще и телевидение. За кулисами — редкостный засранец с парочкой положительных черт.

Она приготовила две чашки кофе.

— Но точно так же можно сказать о любом из нас, верно?

— Говоришь так, словно сожалеешь о чем-то, — не самое тактичное замечание, но мы, кажется, уже были достаточно близки для подобных разговоров. По крайней мере, я на это надеялся.

Она взяла кофе и села напротив меня.

— Как поется в старой песенке, есть немного. Но Майк — чудесный мальчик, и, надо отдать отцу должное, он нас поддерживает — чтобы я могла не работать и полностью посвятить себя сыну. Думаю, такая любовь лучше, чем никакая. Сегодня я приняла решение. Думаю, это случилось, когда ты нацепил на себя этот смешной костюм и танцевал свой смешной танец. Когда смотрела, как Майк смеется.

— Расскажи.

— Я решила дать отцу то, чего он хочет — пригласить его обратно в жизнь Майка, пока не стало слишком поздно. Он говорил ужасные вещи — что господь наказал меня за грехи болезнью сына, например, но я решила оставить это позади. Ждать извинений мне бы пришлось очень долго... потому что в глубине души он до сих пор так считает.

— Извини.

Она пожала плечами, как будто это не имело значения.

— Я ошибалась, когда не хотела отпускать Майка в Джойленд, и цепляться за старые обиды — "ты мне, я — тебе" — тоже было ошибкой. Мой сын — не предмет торгов. Как ты думаешь, Дев, в тридцать один год еще не поздно взрослеть?

— Спросишь, когда я туда доберусь.

Она засмеялась.

— Туше! Извини, я на минутку.

Вернулась она через пять. Я сидел на кухне, потягивая кофе. Когда Энни вошла, свитер она держала в правой руке. Ее живот был смуглым от загара, а бледно-голубой лифчик почти совпадал по цвету с выцветшими джинсами.

— Майк заснул, — сказала она. — Пойдешь со мной наверх, Девин?

Спальня была большой, но какой-то пустой, словно даже спустя долгие месяцы вещи в ней не были полностью распакованы. Энни повернулась и обвила руками мне шею. Ее широко распахнутые глаза были совершенно спокойными. Улыбка коснулась кончиков губ, оставив на щеках небольшие ямочки.

— "Ты способен на большее, представься тебе такая возможность". Помнишь эти мои слова?

— Да.

— Я не ошиблась?

Ее губы были сладкими и влажными. Я чувствовал на вкус ее дыхание.

Она чуть отстранилась и произнесла:

— Это случится лишь раз. Ты же понимаешь?

Не хотелось, но понимал.

— Только если это не... ну...

Теперь она улыбалась по-настоящему. Почти смеялась. В полутьме я видел ее зубы и ямочки на щеках.

— Только если это не трах в знак благодарности? Поверь, это не так. Последний раз, когда у меня был парень твоего возраста, я сама была девчонкой.

Она взяла мою руку и положила на шелковую чашечку бюстгалтера. Я ощутил мягкое, мерное биение ее сердца.

— Должно быть, не все, связанное с отцом осталось в прошлом, потому что сейчас я чувствую себя удивительно распутной.

Мы снова поцеловались. Ее руки опустились к моему поясу и расстегнули пряжку ремня. С тихим скрипом разошлась "молния", и рука Энни скользнула по твердому выступу на шортах. Я выдохнул.

— Дев?

— Что?

— Ты когда-нибудь занимался этим раньше? И даже не пытайся мне лгать.

— Нет.

— Она что, совсем душой была? Та твоя девушка?

— Наверное, мы оба были дураками.

Она улыбнулась, запустила холодную руку в шорты и сжала меня. Эта уверенная хватка, вкупе с нежно поглаживающим плоть большим пальцем, превращала все попытки Венди ублажить бойфренда в жалкую пародию.

— Значит, ты девственник.

— Виноват.

— Ну и хорошо.

Одним разом, к счастью, дело не ограничилось, потому что сначала я смог продержаться лишь восемь секунд. В лучшем случае девять. Я вошел в нее — да, смог дотерпеть — но на этом все и закончилось. Наверное, лишь раз в жизни я смущался сильнее — когда знатно пернул на исповеди в Лагере молодых методистов — да и то не уверен.

— О боже, — сказал я и прикрыл глаза рукой.

Она засмеялась, но ничего обидного в этом смехе не было.

— В некотором роде ты мне польстил. Попробуй расслабиться. Я спущусь вниз и еще раз проверю, как там Майк. Не хочу, чтобы он застал меня в постели с Гови, Псом-Симпатягой.

— Очень смешно. — Кажется, покрасней я еще сильнее, то просто бы вспыхнул.

— Думаю, ты будешь готов к моему возвращению — одна из приятных сторон жизни в двадцать один год, Дев. Если бы тебе было семнадцать, ты, наверное, был бы готов уже сейчас.

Энни вернулась с двумя бутылками содовой в ведерке со льдом, но едва она выскользнула из своего халата и предстала передо мной обнаженной, о содовой я думал меньше всего. Во второй раз все прошло более удачно: я продержался минуты четыре. Затем она начала мягко постанывать, и я не сдержался. Но какими же были эти четыре минуты!

Мы дремали. Голова Энни лежала на моем плече.

— Все хорошо? — спросила она.

— Поверить не могу, как хорошо.

Лица ее я не видел, но почувствовал, что она улыбается.

— После стольких лет эта спальня, наконец, используется не только для сна.

— Твой отец вообще жил тут?

— Недолго. Я вообще начала возвращаться сюда лишь потому, что Майку здесь нравится.

Иногда я готова признать, что он практически наверняка умрет, но чаще всего отказываюсь в это верить. Просто отворачиваюсь. Договариваюсь с собой: "Если он не поедет в Джойленд, то не умрет. Если я не помирюсь с отцом, чтобы тот смог приезжать и навещать внука, он не умрет. Если мы просто останемся здесь, он не умрет". Пару недель назад, когда мне пришлось впервые в этом сезоне надеть на него пальто для прогулки по пляжу, я заплакала. Когда Майк спросил, что случилось, я ответила: женские дни. Он знает, что это такое.

Я вспомнил, как Майк сказал ей в больнице: это же не насовсем. Но, рано или поздно, "насовсем" случится. Так происходит со всеми нами.

Она села, укутавшись в простыню.

— Помнишь, как я сказала, что Майк оказался моим будущим? Моей блестящей карьерой?

— Да.

— Я ведь ни о чем другом и думать не могу. Всё, кроме Майка — это просто... пустота. Как там говорится? В Америке не играют вторых актов.

Я взял ее за руку.

— Не думай о втором, пока не закончился первый.

Она высвободила руку и нежно провела ладонью по моему лицу.

— Ты молод, но вовсе не глуп.

Было приятно это слышать, но чувствовал я себя все-таки глупо. С одной стороны, из-за Венди. С другой... я вдруг поймал себя на мысли о тех фотографиях из папки Эрин. Было в них что-то...

Она снова легла. Простыня соскользнула, обнажив ее соски, и я вновь почувствовал знакомое напряжение. Да, все-таки хорошо быть двадцатиоднолетним.

— В тире было весело. Я уже и забыла, как иной раз это здорово: просто дать рукам и глазам делать свое дело. Отец впервые дал мне ружье, когда мне было шесть лет. Маленькую однозарядку двадцать второго калибра. Мне она нравилась.

— Правда?

Она улыбнулась.

— Да. Это было нашей общей страстью. Единственной, как выяснилось. — Она приподнялась на локте. — Он же продавал всю эту чушь насчет адского пламени и серного запаха с юношеских лет. И речь не только о деньгах: его собственные родители прожужжали ему все уши этой ерундой, и, не сомневаюсь, он верил каждому их слову. Хотя знаешь что? Он по-прежнему в первую очередь южанин, и лишь во вторую — проповедник. У него есть пикап за пятьдесят тысяч долларов, но пикап всегда останется пикапом. Он обожает печенье и подливку в "Шонис". Образчиком уточненного юмора для него являются Минни Перл и Джуниор Сэмплс [участники комедийного шоу Нее Нав, шедшего на экранах США с 1969 по 1992 год, прим. пер.]. Он обожает разухабистые песенки. И ему нравятся его пушки. Мне

плевать на его дела с Иисусом, да и пикапами никогда не интересовалась, но вот оружие... эту страсть он дочери передал. Постреляю — и чувствую себя лучше. Дурное наследство, верно?

Я ничего не ответил — лишь выбрался из постели и открыл две бутылки "Кока-Колы". Одну протянул Энни.

— Штук пятьдесят он держит у себя дома в Саванне — по большей части ценный антиквариат — и еще полдюжины хранится здесь, в сейфе. У меня самой в Чикаго два ружья, хотя до сегодняшнего дня последний раз я стреляла два года назад. Если Майк умрет... — Она приложила бутылку ко лбу, словно пытаюсь унять головную боль. — Когда Майк умрет, первым делом я избавлюсь от них. Слишком велик будет соблазн.

— Майк бы не хотел...

— Нет, конечно же нет, я знаю, но дело не только в нем. Если бы я верила — как мой святоша-отец — что Майк будет ждать меня по ту сторону золотых ворот в загробном мире, это одно. Но я не верю в это. Еще девочкой всю жопу стерла, пытаюсь поверить, но не вышло. Бог и рай в итоге продержались лишь на четыре года дольше Зубной феи. Думаю, там только тьма. Ни мыслей, ни воспоминаний, ни любви — лишь тьма. Забвение. Вот почему мне так трудно смириться с тем, что его ждет.

— Майк считает, что там не только забвение, — сказал я.

— Что? Почему? Почему ты так думаешь?

Потому что девушка была там. Майк видел ее и видел, как она ушла. Ушла и сказала спасибо. А еще ее видел Том, а я видел ленту.

— Спроси сама, — ответил я. — Но не сегодня.

Отставив "колу" в сторону, Энни с любопытством на меня посмотрела. На ее губах снова играла улыбка, а на щеках появились ямочки.

— Второй раз ты получил. Как насчет третьего?

Я поставил свою бутылку на пол рядом с кроватью.

— Вообще-то...

Она протянула ко мне руки.

***

Первый раз был осечкой. Второй вышел здоровским.

Третий... о, третий был просто восхитительным.

Пока Энни одевалась, я ждал внизу. Когда она спустилась, на ней вновь были джинсы и свитер. Мне вспомнился голубой бра под этим свитером, и будь я проклят, если определенная часть моего тела снова не зашевелилась.

— У нас все хорошо? — спросила она.

— Да, но мне бы хотелось, чтобы было еще лучше.

— Мне бы тоже, но лучше уже не будет. Если я тебе нравлюсь так же, как ты мне, то должен принять это. Сможешь?

— Да.

— Здорово.

— Вы здесь с Майком надолго задержитесь?

— Если дом сегодня не унесет ветром, ты хотел сказать?

— Не унесет.

— Еще на неделю. Семнадцатого у Майка назначено обследование в Чикаго, мне бы хотелось выехать пораньше, — она сделала глубокий вдох. — И поговорить с отцом насчет визита. Нужно обсудить некоторые условия, и "никакого Иисуса" будет первым из них.

— Я еще увижу тебя до отъезда?

— Да, — она обняла меня и поцеловала. Затем сделала шаг назад. — Но уже не так. Это лишь все испортит. Я уверена, что ты понимаешь.

Я кивнул, соглашаясь.

— Тебе лучше идти, Дев. И спасибо еще раз. Лучшую поездку мы сберегли напоследок, верно?

Это было правдой. Не мрачную поездку, но светлую.

— Мне бы хотелось сделать больше. Для тебя. Для Майка.

— И мне, — сказала она. — Но так уж устроен наш мир. Приходи завтра на ужин, если шторм не разгуляется. Майк будет очень рад тебя видеть.

Она была прекрасна — босоногая, в выцветших джинсах. Мне хотелось обнять ее, взять на руки и перенести в какое-нибудь безопасное и спокойное будущее.

Вместо этого я оставил ее. Так уж устроен наш мир, сказала она, и как же она была права.

Как она была права.

В ста ярдах вниз по Бич-роу, на материковой стороне дороги, располагалась небольшая группа магазинчиков — слишком изысканных, чтобы назвать их торговым центром: бакалея для гурманов, салон красоты под названием "Взгляни на себя", аптека, отделение банка "Саутерн Траст" и ресторан "Ми Каса", где, без сомнения, питалась местная элита. Когда я возвращался в Хэвенс-Бэй в пансион миссис Шоплоу, то даже не взглянул на эти магазинчики. Если мне и требовалось доказательство того, что дара Майка и Роззи Голд я был лишен, то именно тогда я его и получил.

"Ляг пораньше", посоветовал мне Фред Дин — и именно так я и поступил. Лег на спину, подложил руки под голову, как обычно делал минувшим летом... Я слушал шум волн и вспоминал прикосновения ее рук, упругость ее груди, вкус ее губ. Сильнее всего были воспоминания о ее глазах и веере волос на подушке. Я любил ее не так, как Венди — любовь такого рода, столь сильная и глупая, случается лишь раз в жизни — но все же любил. Любил тогда, и люблю сейчас. За ее доброту. За ее терпение. Может, у каких-нибудь парней и было лучшее знакомство с мистерией секса, но ни у кого не было столь же сладостного. В конце концов, я уснул.

Меня разбудил далекий звук хлопающей ставни. Я взял с ночного столика часы и обнаружил, что сейчас без пятнадцати час. Я решил, что пока стук не прекратится, мне все равно не уснуть, так что встал, оделся, направился к двери, потом вернулся к шкафу за дождевиком. Спустившись вниз по лестнице, я остановился. Из большой спальни, находившейся за гостиной, доносился протяжный храп миссис Шоплоу. Никакая ставня не могла нарушить ее сна.

Как выяснилось, дождевик мне не требовался — во всяком случае, пока, потому что дождя еще не было. Ветер, впрочем, разгулялся сильный — миль двадцать пять в час или даже сильнее. Низкий, ровный гул прибоя превратился в приглушенный рев. Я подумал, что метеорологи могли недооценить силу Гильды, а вспомнив об Энни и Майке в доме на пляже, почувствовал укол тревоги.

Обнаружив хлопающую ставню, я заново закрепил ее железным крючком, потом вернулся в дом, поднялся к себе, разделся и снова лег в постель. Заснуть, впрочем, не удалось: ставня умолкла, но с ветром, завывающим в стропилах, я поделаться ничего не мог (учитывая, что каждый сильный порыв превращал завывание в настоящие вопли). И теперь, когда мозг начал работать, я уже не мог его остановить

Они не белые, подумал я. Мне это ни о чем не говорило — но должно было. Существовала какая-то связь между этой фразой и тем, что я видел сегодня в парке.

Над тобой простерлась тень, молодой человек — так сказала Роззи Голд в день, когда мы познакомились. Интересно, как долго она работала в Джойленде и где работала до того? Была ли она потомственной ярмарочницей? И имело ли это значение?

У одного из детей дар видения. У кого — мне неизвестно.

Зато я ведал. Майк видел Линду Грей. И освободил ее. Как говорится, указал на выход, который она не могла найти сама. За что еще ей его благодарить?

Я закрыл глаза и увидел Фреда в тире, блистательного в своем цилиндре и костюме. Увидел Лэйна с винтовкой 22 калибра в руках.

Энни: *Сколько здесь пуль?*

Фред: *По десять в обойме. Сколько хотите. Сегодня ваш день.*

Мои глаза широко раскрылись. Все наконец-то сложилось в единое целое. Я сел, слушая ветер и шумный прибой.

Я включил свет, вытащил из стола папку Эрин и снова разложил фотографии на полу. Сердце в груди колотилось. С фотографиями все было хорошо, а вот с освещением — не очень, так что я снова оделся, положил документы в папку и опять отправился вниз.

Посреди гостиной стоял стол для игры в "Скраббл", лампа над которым светила довольно ярко (хоть какая-то польза от моих многочисленных вечерних фиаско). Гостиную и комнаты миссис Шоплоу разделяла раздвижная дверь, и я закрыл ее, чтобы свет не мешал моей хозяйке. Потом вернулся к столу, убрал коробку со "Скрабблом" на телевизор и разложил свои фотографии. От возбуждения я не мог сидеть — вместо этого просто наклонился над столом и менял фотографии местами. На третий раз моя рука вдруг онемела. Я увидел. Увидел его. В суде, конечно, за доказательство не сойдет, но мне хватит. Колени подкосились, и я, наконец, сел.

Внезапно зазвонил телефон, по которому я столько раз говорил с отцом — всегда аккуратно записывая время и продолжительность беседы в табличку совести. В ветреной ночной тишине звонок прозвучал как крик. Я подскочил к нему и снял трубку до того, как звонок

прозвенел во второй раз.

— Ал-л-л... — это все, что я смог из себя выдавить. Сердце стучало слишком сильно, чтобы сподобиться на большее.

— Ты, — произнес голос на том конце телефонного провода. Он звучал одновременно весело и удивленно. — А я думал, что буду говорить с хозяйкой. У меня даже была наготове история о несчастном случае.

Я попытался ответить, но не смог.

— Девин? — Дразнящий голос. Радостный. — Ты там?

— Мне... подождите секунду.

Я прижал трубку к груди и вдруг задался вопросом (просто невероятно, как работает наш мозг в такие минуты): слышит ли он, как бьется мое сердце. Что касается меня — я слышал приглушенный храп миссис Шоплоу. Хорошо, что я додумался закрыть дверь, и вдвойне хорошо, что в ее спальне не было параллельного аппарата. Я вновь приложил трубку к уху.

— Чего вы хотите? Зачем звоните?

— Думаю, ты знаешь, Девин... а если и нет, уже слишком поздно, не так ли?

— Вы что, тоже медиум?

Глупость, конечно, но в те минуты мой язык действовал отдельно от мозгов.

— Нет, это к Роззи, — ответил он. — К нашей мадам Фортуне.

Он засмеялся. Его голос звучал расслабленно, но вряд ли он был спокоен. Убийцы не звонят тебе среди ночи, если они спокойны. Особенно если не знают точно, кто возьмет трубку.

Но у него наготове была история, подумал я. Он же бойскаут. Безумен, но всегда готов. Взять, к примеру, татуировку. Вот что приковывало взгляд, если вы смотрели на все эти фотографии. Не лицо. Не бейсболка.

— Я знал, что у тебя на уме, — сказал он. — Знал еще до того, как девчонка притащила тебе ту папку. Папку со снимками. А сегодня... мамочка и ее калека-сыночек... ты им тоже сказал, Девин? Они, наверное, тебе помогали?

— Они ни о чем не знают.

Ветер взвыл. Я услышал его и в трубке... словно бы мой собеседник стоял на улице.

— Не знаю, можно ли тебе верить.

— Можно. Можно, поверьте.

Я смотрел на фотографии. Парень с татуировкой держит руку на заднице Линды Грей. Парень с татуировкой помогает ей целиться в тире.

Лэйн: *Посмотрим, какая из вас Оукли, Энни.*

Фред: *Вот это меткость!*

Парень с татуировкой и рыболовкой на голове. Блондинистая борода, темные очки. Татуировку в виде птицы можно было разглядеть только потому, что перчатки лежали в заднем кармане. Он воспользуется ими, когда окажется с Линдой Грей в "Доме страха". В темноте.

— Не знаю, — снова сказал он. — Ты сегодня пробыл довольно долго в том большом доме, Девин. Обсуждали фотографии, которые привезла Кук? Трахались? И то, и другое, наверное. Мамочка просто отпад, спору нет.

— Они ни о чем не знают, — повторил я. Говорил я тихо, не сводя глаз с раздвижной двери — все еще ждал, что она распахнется, и в гостиную войдет похожая на призрак миссис Шоплоу в кремовой маске и ночнушке. — Да и я не знаю ничего, что смог бы доказать.

— Может, и так, но это лишь вопрос времени. Звякнувший колокольчик уже не заглушить. Слышал такую поговорку?

— Конечно, конечно. — На самом деле, слышал ее впервые, но тогда я был готов согласиться с ним, даже если бы он сказал, что Бобби Райделл^[25] (каждый год выступавший в

Джойленде) станет президентом.

— Вот что ты сделаешь. Ты приедешь в Джойленд, и мы всё обсудим с глазу на глаз. Как мужчина с женщиной.

— С чего бы? Если вы тот, кто...

— Ну, разумеется, тот. — В его голосе звучало нетерпение. — И если ты пойдешь в полицию, они обнаружат, что я устроился в Джойленд уже через месяц после убийства Линды Грей. Потом они свяжут меня с шоу Уэллмана и "Саутерн Стар", и дело в шляпе.

— Так может, мне позвонить им прямо сейчас?

— Ты хоть знаешь, где я? — Теперь в голосе зазвучали нотки гнева. Не гнева — яда. — Знаешь, где я сейчас стою, ты, мелкий пронырливый сукин сын?

— Где-то в Джойленде, наверное. В канцелярии.

— А вот и нет. Я у магазинчиков на Бич-роу. Там, где богатенькие сучки покупают свою вегетарианскую херь. Сучки вроде твоей подружки.

Мне показалось, будто кто-то приставил к основанию моего затылка ледяной палец и начал медленно — очень медленно — вести им вдоль позвоночника. Я промолчал.

— Рядом с аптекой есть платный телефон-автомат. Не будка, конечно, но это ничего — дождя-то еще нет. Только ветер. Тут я и стою. Отсюда, знаешь ли, открывается прекрасный вид на дом твоей подружки. На кухне горит свет — тот, что она, вероятно, оставляет на ночь — но в остальных комнатах темно. Я могу повесить трубку и оказаться там через минуту.

— У них сигнализация! — Я понятия не имел, так ли оно на самом деле.

Он рассмеялся.

— Неужели ты думаешь, что сейчас мне есть до нее какое-то дело? Она не мешает мне перерезать девке горло. Но сначала я заставлю твою подружку смотреть, как убиваю мелкого уродца.

Но не изнасилуешь, подумал я. Не изнасиловал бы, даже будь у тебя время. Потому что не можешь.

Я почти произнес это, но сдержался. Даже в том испуганном состоянии, в котором я находился, мне было ясно, что провоцировать его сейчас было бы очень плохой идеей.

— Вы сегодня так хорошо к ним отнеслись, — вместо этого сказал я. — Цветы... призы... аттракционы...

— Да-да, обычные лоховские штучки-дрючки. Лучше расскажи мне о вагончике, который выкатился из "Дома страха". Что это было?

— Я не знаю.

— Думаю, знаешь. Мы еще обсудим это. В Джойленде. Мне знаком твой "форд", Джонси. У него мигает левая фара, а на антенне болтается славная маленькая вертушка. Если не хочешь, чтобы я начал резать глотки твоим знакомым, выходи прямо сейчас. Выходи и кати по Бич-роу в Джойленд.

— Я...

— Завали хлебало, когда я с тобой говорю. Проедешь магазины и увидишь меня — рядом с одним из парковых грузовиков. Если через четыре минуты после того, как я повешу трубку, тебя не будет, убью бабу и пацана. Ясно?

— Я...

— Тебе ясно?

— Да!

— Я буду ехать за тобой до парка. За ворота не волнуйся — они уже открыты.

— Выходит, вы убьете либо их, либо меня. Такой у меня выбор?

— Тебя? — в его голосе я слышал неподдельное удивление. — Я не собираюсь убивать

тебя, Девин. Это лишь поставит меня в еще более трудное положение. Нет, я собираюсь исчезнуть. Не в первый, и, наверное, не в последний раз. Я лишь хочу поговорить. Хочу понять, как ты на меня вышел.

— Об этом я могу рассказать и по телефону.

Он засмеялся.

— Неужто упустишь шанс схватить меня? Неужто не хочешь вновь оказаться Псом-Героем? Девчушка, Эдди Паркс и прелестная мамочка со своим ущербным сопляком в качестве кульминации, — он вновь стал серьезным. — Четыре минуты.

— Я...

Он повесил трубку. Я уставился на фотографии. Потом открыл выдвижной ящик стола для "Скраббл", вытащил оттуда блокнот и нащупал один из карандашей, которыми Тина Акерли всегда записывала счет. Я написал: *"Миссис Шоплоу, если вы читаете это, значит, со мной что-то случилось. Я знаю, кто убил Линду Грей и остальных"*.

И добавил его имя — большими буквами.

А потом побежал к двери.

Я снова и снова пытался включить зажигание, но стартер лишь чихал, и двигатель не заводился. Тут начал садиться аккумулятор: все лето я напоминал себе купить новый, но неизменно тратил деньги на что-нибудь другое.

Голос отца: *двигатель захлебывается, Девин.*

Сняв ногу с педали газа, я просто сидел в темноте. А время-то бежало, бежало. Может, мне следует вернуться в дом и позвонить в полицию? Позвонить Энни я не мог, потому что у меня не было ее номера, а с таким знаменитым папашей его, наверное, и в телефонной книге не найти. Знал ли об этом он? Вряд ли, просто ему сопутствовала дьявольская удача. Этого нахального ублюдка-убийцу уже давно должны были поймать. Но не поймали. Потому что он дьявольски удачлив.

Энни услышит, как он вламывается в дом, и застрелит его.

Да только она сказала, что все оружие хранится в сейфе. И даже если она достанет ружье, то к тому времени этот урод уже успеет приставить бритву к горлу Майка.

Я снова повернул ключ. Без моей ноги на педали газа и с полным карбюратором бензина "форд" сразу же завелся. Я выехал со стоянки и повернул на Джойленд. Красный неоновый свет "Колеса" и синие огни "Шаровой молнии" выделялись на фоне бегущих по небу туч. Эти два аттракциона всегда освещались в такие беспокойные ночи: они служили маяками для кораблей и предупредительными сигналами для легких низколетящих самолетов.

Бич-роу пустовала. Порывы ветра (иногда такие сильные, что встряхивали машину) гнали по ней тучи песка. На асфальте начали вырастать небольшие дюнки. В свете фар они походили на костлявые пальцы.

Проезжая мимо магазинчиков, я заметил на парковке одинокую фигуру, стоявшую рядом с джойлендским ремонтным пикапом. Фигура проводила меня взмахом руки.

А вот и огромный викторианский особняк. На кухне горел свет. Кажется, люминесцентная лампа над раковиной. Я вспомнил, как Энни тогда вошла в комнату со свитером в руках. Вспомнил ее загорелый живот. Ее лифчик, по цвету почти совпадавший с джинсами. *Пойдешь со мной наверх, Девин?*

В зеркале заднего вида я увидел приближающийся свет фар.

Он зажег фары дальнего света, за которыми машину было не разглядеть. Да мне и не требовалось: я знал, что это он на ремонтном пикапе, как знал и то, что его обещание меня не убивать было ложью. Утром миссис Шоплоу таки прочтет записку, которую я для нее оставил. Прочтет и написанное в ней имя. Вопрос только в том, сколько времени ей понадобится на то, чтобы поверить в такое.

Он ведь у нас такой душка со своими стишками-прибаутками, обаятельной улыбкой и лихим котелком. Лэйн Харди, любимец женщин.

Ворота, как мне и обещали, были открыты. Въехав в парк, я уж было хотел припарковаться около наглухо закрытого тира, но нажатием на клаксон и миганием фар он мне просигналил: езжай дальше. Когда я добрался до "Колеса", фары снова мигнули. Я выключил двигатель. Меня не покидала мысль, что завести его снова мне уже не доведется. Неоновый свет лифтушки отбрасывал кроваво-красные блики на приборную панель, сиденья и мою кожу.

Фары пикапа потухли. Я услышал, как открылась, а потом захлопнулась дверь. И я слышал, как в опорах "Колеса" гарпией верещал ветер. А еще до меня доносилось дробное и равномерное постукивание: колесо шаталось на своей огромной, толщиной с дерево, оси.

Убийца Линды Грей — и Ди-Ди Маубрей, и Клодин Шарп, и Дарлин Штамнахер — подошел к моей машине и постучал по окну дулом пистолета. Другой рукой он меня поманил. Я открыл дверь и вышел.

— Ты же говорил, что не собираешься меня убивать, — сказал я дрожащим, как мои ноги, голосом.

Лэйн улыбнулся своей обаятельной улыбкой.

— Ну... куда поток польется — тем дело обернется. Правильно?

Сегодня Лэйн сдвинул котелок влево и посильнее натянул его на голову, чтобы ветром не унесло. Его волосы, обычно связанные по рабочим дням в конский хвост, развевались теперь вокруг шеи. Ветер дунул сильнее. "Колесо" недовольно скрипнуло и мазнуло по лицу Лэйна дрожащим неоновым светом.

— За лифтушку не волнуйся, — сказал он. — Если бы она была сплошной, ее бы снесло, а так ветер просто дует сквозь опоры. Тебе о другом волноваться надо. Расскажи-ка мне про тот вагончик. Меня он больше всего интересует. Как ты это сделал? С помощью какого-то приборчика? С дистанционкой? Обожаю такие штучки. Ведь за ними будущее, знаешь ли.

— Не было никакого приборчика.

Кажется, он меня не услышал.

— Да и в чем вообще был смысл? Захотел меня испугнуть прямо там? Если да, то ты зря старался. Насторожил ты меня еще раньше.

— Это всё она, — сказал я. Не знал, так ли это на самом деле, но впутывать Майка в нашу беседу я не собирался. — Линда Грей. Ты разве ее не видел?

Его улыбку как ветром сдуло.

— А на большее фантазии у тебя не хватает? На что-нибудь поинтереснее древней истории о призраке? Ну же, напрягись.

Значит, он тоже ее не видел. Хотя, наверное, он все же что-то подозревал. Наверняка уже не узнать, но, думаю, не зря он вызвался пойти за Майло. Не хотел никого из нас и близко подпускать к "Дому страха".

— Но она и правда там была. Я видел ее ленту. Помнишь, как я заглянул в вагончик? Так вот лента лежала под сиденьем.

Лэйн выкинул руку вперед с такой быстротой, что защититься у меня не было никакой возможности. Дулом пистолета он раскроил мне кожу на лбу. Перед глазами у меня посыпались звезды. А потом из раны потекла кровь, и кроме нее я уже ничего не видел. Я отшатнулся и наткнулся на железный поручень, который шел вдоль ведущего к "Колесу" пандуса. Только он и удержал меня от падения. Я вытер лицо рукавом дождевика.

— Не знаю, зачем ты пытаешься напугать меня этой байкой в такое-то время, — сказал Лэйн, — и мне это не нравится. О ленте ты узнал потому, что увидел ее на одной из фотографий

в папке, которую тебе притащила твоя любопытная подружка-поблядушка.

Он улыбнулся. Обаятельным этот оскал было не назвать.

— Не заговаривай дяде зубы, пацан.

— Но... ты же папки не видел. — Хотя даже со звенящей от удара головой я мог ответить на этот вопрос. — Ее видел Фред. И рассказал тебе. Правильно?

— Ага. В понедельник. За обедом в его кабинете. Фред тогда сказал, что ты и та сучка из колледжа играете в детективов, пусть он и выразился немного иначе. Ему это даже показалось милым. Мне — нет, потому что я видел, как ты снял печатки с Эдди Паркса, когда тот свалился с сердечным приступом. Тогда-то я и понял, что ты играешь в детектива. Та папка... Фред сказал, что сучка накропала уйму записей. И я понял, что рано или поздно она узнает о моей связи с шоу Уэллмана и "Саутерн стар".

В голове у меня мелькнула тревожная картинка: Лэйн Харди кладет в карман свою бритву и отправляется в Аннандейл.

— Эрин ничего не знает.

— Да расслабься ты. Думаешь, она мне нужна? Пораскинь мозгой, пока мозга с тобой. И пошевеливайся. Дуй по пандусу, дружок. Мы с тобой прокатимся на аттракционе. Поднимемся ввысь, где воздух — зашибись.

Я уж было хотел его спросить, а не сошел ли он с ума, но теперь такой вопрос показался мне довольно дурацким.

— Чего лыбишься, Джонси?

— Да так, — ответил я. — Ты же не собираешься подниматься наверх при таком-то ветре, так ведь? — Да только двигатель "Колеса" работал. Вой ветра, рокот волн и скрип самого "Колеса" почти его заглушали, но теперь, прислушавшись, я обратил внимание на его мерный гул. Почти мурлыканье. И тут я понял кое-что очевидное: похоже, он собирался всадить себе пулю в голову после того, как покончит со мной. Вы, наверное, думаете, что такая мысль должна была прийти мне в голову гораздо раньше, ведь сумасшедшие склонны к подобным поступкам — в газетах о таком часто пишут.

И, скорее всего, будете правы. Но представьте себе, в каком напряжении и пребывал в те минуты.

— Наша старушка "Каролина" не опаснее кирпичного дома, — сказал Лэйн. — Да я на ней поднимусь и при шестидесятимильном ветре, а не тридцатимильном, как сейчас. Два года назад по побережью прошлась Карла с ветрами в два раза сильнее нынешних. И "Колесо" спокойно их выдержало.

— А как ты собираешься передвинуть рычаг, если мы оба будем в кабинке?

— Залезай и увидишь. А не то... — Он поднял пистолет. — А не то я тебя пристрелю прямо тут. Мне все равно.

Я поднялся по пандусу, открыл дверь кабинки и начал в нее забираться.

— Нет, нет, нет, — сказал он. — Ты сядешь у дверцы. Там вид лучше. Подвинься-ка, парниша. И засунь руки в карманы.

Лэйн протиснулся мимо меня, опустив пистолет. Кровь снова заливала мне глаза и щеки, но вытащить руку из кармана дождевика и вытереть ее я побоялся: я видел, как на курке пистолета палец Лэйна побелел от напряжения. Забравшись в кабинку, Лэйн сел у дальней стенки.

— Теперь ты.

Я залез. А что еще мне оставалось делать?

— И дверцу закрой, пока еще живой.

— А ты поэт, — сказал я.

Лэйн оскалился.

— Лесть тебя ни к чему не приведет. Закрой дверцу, а не то я прострелю тебе колено. Думаешь, кто-нибудь что-нибудь услышит при таком-то ветре? Вряд ли.

Я закрыл дверь. Когда я снова посмотрел на Лэйна, то увидел, что теперь в одной руке он держал пистолет, а в другой — какой-то приборчик. С антенной.

— Я же тебе говорил, что люблю такие штучки. Это обычная дистанционка от гаражной двери с парой небольших изменений. Посылает радиосигнал. Я ее как-то показал мистеру Истербруку этой весной. Сказал, что эта штука идеально подходит для техобслуживания колеса, когда рядом нет ни одного салаги или газуна, чтобы толкать рычаг. Он запретил мне ее использовать, потому что она не одобрена комиссией штата. Старый пугливый сукин сын. Я собирался оформить на нее патент. Наверное, сейчас уже поздно. Возьми.

Я взял. Действительно, дистанционка от гаража. У моего отца была почти такая же.

— Видишь кнопку со стрелкой вверх?

— Да.

— Нажми на нее.

Я большим пальцем дотронулся до кнопки, но не нажал. Даже здесь, внизу, ветер был очень сильным. Каким же он станет, когда мы двинемся ввысь, где воздух — зашибись? Мы летим! — кричал тогда Майк.

— Нажимай или получишь пулю в колено, Джонси.

Я нажал на кнопку. Двигатель "Колеса" заурчал, и наша кабинка начала подниматься.

— А теперь выкинь его.

— Чего?

— Выкинь приборчик или получишь пулю в колено, после чего отплясывать ты уже не сможешь. Считаю до трех. Один... д...

Я выкинул приборчик за борт кабинки. А мы все поднимались и поднимались навстречу ветру. Справа я видел атакующие берег волны. Барашки были такими белыми, что, казалось, светились. Слева от меня спали во тьме равнины. На Бич-роу не было видно ни одной машины. Усилившийся ветер сметал со лба мои липкие от крови волосы. Кабинка закачалась. Для пущего эффекта Лэйн заелозил туда-сюда... но пистолет, который теперь указывал мне в бок, даже не шелохнулся. На дуле отражались красные неоновые полосы.

Он крикнул:

— Ну сегодня-то уж точно не похоже на карусельку для бабушек, а, Джонси?

Он был прав. В ту ночь старое степенное "Каролинское колесо" вселяло ужас. Когда мы поднялись на самый верх, безумный порыв ветра с такой силой встряхнул всю конструкцию, что я почувствовал, как заскрипели стальные распорки, на которых держалась наша кабина.

Котелок Лэйна улетел в ночь.

— Вот дерьмо! Что ж, найду другой.

"Лэйн, а как мы отсюда спустимся?" Вопрос висел на кончике языка, но я молчал. Боялся, что он ответит мне "никак", и, если шторм не опрокинет колесо и не повредит генератор, мы так и будем кататься по кругу до самого утра, пока нас не обнаружит Фред. Два мертвеца на джойлендской лифтушке. Так что мой следующий ход был довольно предсказуем.

Лэйн улыбался.

— Хочешь вырвать пистолет, да? Вижу по глазам. Что ж, как говорил Грязный Гарри, ты должен спросить себя: везуч ли ты сегодня?

Мы спускались вниз. Кабина по-прежнему раскачивалась, но уже не так сильно. Я решил, что с везением у меня не очень.

— Сколько человек ты убил, Лэйн?

— Не твое собачье дело. И, раз уж пистолет у меня, вопросы буду задавать я. Давно ты знал? Некоторое время точно. По крайней мере, с того дня, когда эта дрянь из колледжа показала тебе фотографии. Ты просто взял паузу, чтобы калека смог побывать в парке. Промашка, Джонси. Лоховская промашка.

— Вообще-то, понял только сегодня, — сказал я.

— Классно врешь, за мною грош.

Мы проехали мимо пандуса и снова начали подниматься. Я подумал: "Он, наверное, собирается застрелить меня на самом верху. После чего или застрелится сам, или вытолкнет меня за борт, а потом прыгнет на рампу, когда кабинка опустится вниз, и постарается не сломать при этом ногу или ключицу". Вариант с убийством и самоубийством выглядел более вероятным — но не раньше, чем он удовлетворит свое любопытство.

— Можешь считать меня тупицей, но не лжецом. Я все смотрел на те фотографии и увидел на них что-то знакомое, но лишь сегодня до меня дошло, что именно. Твоя кепка. На тебе была рыболка, а не котелок, но на фотографии с "Чашек-вертушек" ты наклонил ее в одну сторону, а на фото в тире — в другую. Я просмотрел остальные снимки — те, где вы на заднем плане — и увидел то же самое. Туда-сюда, туда-сюда. Ты всегда так делаешь. Даже не задумываясь.

— И это все? Сраная кепка?

— Нет.

Мы поднимались к высшей точке во второй раз, и я подумал, что у меня, возможно, получится протянуть еще один круг. Лэйн хотел меня выслушать.

Начался дождь. Упругие струи — словно кто-то над головой включил душ. По крайней мере, смывает кровь с лица, подумал я. Когда я взглянул на Лэйна, то понял, что дождь смывает не только кровь.

— Как-то раз я увидел тебя без котелка и подумал, что твои волосы начинают седеть, — мне приходилось почти кричать, чтобы он меня слышал — из-за ветра и дождя, капли которого хлестали нас по щекам. — А вчера я заметил, как ты потираешь загривок. Мне показалось, что у тебя на шее грязь... но вечером, догадавшись насчет кепки, я задумался о фальшивой татуировке. Эрин увидела, как пот размывал ее. Думаю, копы упустили эту деталь.

Колесо завершало второй оборот, мы спускались все ниже, и я мог разглядеть постепенно увеличивающиеся в размерах машину, на которой я приехал, и джойлендский ремонтный пикап. Позади них что-то большое — может быть, подхваченный ветром кусок брезента — металось по Джойленд-авеню.

— Но то была не грязь, а краска для волос. Она смывалась, как та татуировка. Да и сейчас смывается. У тебя в ней вся шея. И видел в тот день я не седину, а пряди белых волос.

Он провел рукой по шее и взглянул на черное пятно, оставшееся на ладони. Я почти бросился на него, но он поднял пистолет и мне в лицо уперся черный глазок ствола. Маленький, но удивительно жуткий.

— Да, я когда-то был блондином, — ответил он. — Но сейчас почти полностью поседел. У меня была тяжелая жизнь, Джонси.

Он печально улыбнулся, как будто отпустил грустную шутку, касавшуюся нас обоих.

Мы опять поднимались, и лишь на секунду я подумал, что мог принять за кусок брезента машину, которая ехала по дороге с выключенными фарами. Надеяться на это было безумием, но я все равно надеялся.

На нас обрушился ливень. Вода струилась по дождевику, волосы Лэйна метались на ветру, точно изодранный флаг. Я рассчитывал удержать его от выстрела по крайней мере на еще один оборот. Может, даже два? Возможно, но маловероятно.

— И как только я смирился с тем, что ты убил Линду Грей — а это было непросто, Лэйн, после того, как ты взял меня под свое крыло и всему научил — борода, очки и кепка уже не имели никакого значения. Я видел, что это *ты*. Тогда, правда, ты еще не работал в парке...

— Я управлял складским погрузчиком во Флоренсе. — Он наморщил нос. — Лоховская работа. Терпеть ее не мог.

— Ты работал во Флоренсе, там же встретил Линду Грей, но насчет Джойленда был в курсе, так? Не уверен, что ты потомственный ярмарочник, но тебя всегда тянуло к ярмаркам. Ты просто не мог без них жить. И когда ты предложил Линде прокатиться, она согласилась.

— Я был ее тайным бойфрендом. Сказал, что так надо, потому что я намного ее старше. — Он улыбнулся, — А она и купилась. Все покупаются. Ты удивишься, как много можно скормить молоденьким девицам.

Ах ты ж больной выродок, подумал я. Больной, больной выродок.

— Ты привез ее в Хэвенс-Бэй, вы остановились в мотеле, а потом ты убил ее здесь, в Джойленде, хотя прекрасно знал о Голливудских Девушках с фотокамерами. Смело. Но в этом-то и вся соль, верно? Конечно же, так и есть. Ты убил ее на аттракционе, полном "кроликов"...

— Лохов, — поправил он. В "Колесо" ударил сильнейший порыв ветра — каких еще не было в этот вечер, но Лэйн, кажется, его и не заметил. — Называй их теми, кто они есть. Просто лохи, все они. Похоже, их глаза соединены напрямую с жопой, а не с мозгом. Они ими лупают, но ни черта не видят.

— Тебя возбуждает риск, так? Вот почему ты вернулся и нанялся в штат.

— И месяца не прошло, — его улыбка стала еще шире. — Все это время я крутился у них прямо под носом. И знаешь что? Мне ведь... ну, ты понимаешь, стало лучше. После той поездки в "Доме страха". Все плохое осталось позади. Я мог навсегда остаться таким — мне тут нравится, да и жизнь, вроде как, начала налаживаться. У меня были мои приборчики, я даже запатентовать их хотел.

— Ну, думаю, рано или поздно ты бы все равно сорвался.

Мы снова оказались на самом верху. По нам опять били ветер с дождем. Я дрожал. Моя одежда насквозь промокла, а щеки Лэйна стали черными от краски. Она темными разводами сползала по его коже. Вот как выглядит его рассудок, подумал я. Глубоко внутри, где он никогда не улыбается.

— Нет. Я исцелился. Да, я должен разобраться с тобой, но только потому, что ты сунул нос, куда не следует. Это грустно, потому что ты мне нравился. Правда нравился.

Мне показалось, что он говорит правду, что делало происходящее еще ужаснее.

Мы начали снижаться. Аллеи под нами выглядели ветреными и промокшими. Не было на них никакой машины с выключенными фарами — всего лишь кусок брезента на ветру, принятый за машину моим измученным разумом. Кавалерии не будет. И надежда на обратное меня просто погубит. Я остался сам по себе, и единственным моим шансом было вывести его из себя. Вывести из себя по-настоящему.

— Тебя возбуждает риск, но изнасилование тебя не волнует, верно? Будь так, ты бы отвозил их в какое-нибудь безлюдное место. Думаю, промежность твоих секретных подружек пугала тебя до безумия. И что ты делал потом? Лежал в кровати и дрожил, наслаждаясь своей храбростью: "ну надо же, прирезал беззащитную девушку"?

— Заткнись.

— Ты мог их очаровать, а вот трахнуть — нет. — Ветер завывал, кабинка шаталась из стороны в сторону. Меня ждала смерть, но мне уже было наплевать. Не знаю, насколько сильно я его разозлил, но сам был зол за двоих. — Почему ты стал таким? Мамочка цепляла прищепку на пипиську? Дядя Стэн заставлял его отсосать? А может...

— Заткнись! — Он поднялся, держась одной рукой за поручень, а другой — наставив на меня ствол. Удар молнии осветил его: безумные глаза, мокрые волосы, дрожащие губы... и пистолет. — Закрой свой грязный...

— ДЕВИН, ПРИГНИСЬ!

Я не думал, просто сделал, что велели. Раздался звук, похожий на удар хлыстом — еле слышный в ревущей ночи. Пуля, должно быть, просвистела рядом, но я ни услышал, ни почувствовал ее, как бывает в книгах. Наша кабинка проплыла мимо посадочной площадки, и я увидел Энни Росс, стоящую на пандусе с ружьем в руках. За спиной Энни виднелся фургон. Ее волосы развевались на ветру, обрамляя лицо цвета белой кости.

Мы поехали вверх. Я посмотрел на Лэйна. Он замер с приоткрытым ртом. Черная краска стекала по щекам. Глаза закатились, лишь нижние половинки радужек виднелись из-под век.

От его носа почти ничего не осталось. Одна ноздря каким-то образом еще держалась на верхней губе, но все остальное представляло собой кровавое месиво вокруг черного отверстия размером с десятицентовик.

Он медленно опустился на сиденье, изо рта выпали несколько передних зубов. Я выхватил пистолет из его руки и выбросил за борт. Я чувствовал... да ничего я в тот момент не чувствовал. Разве что глубоко внутри начал понимать, что, может быть, переживу эту ночь.

— О, — сказал он. И еще: — А. Потом наклонился вперед и уронил подбородок на грудь. Было похоже, будто он тщательно взвешивает все варианты развития событий.

Когда кабина поднялась на самый верх, небо прорезали новые молнии, которые озарили моего попутчика огненно-голубым светом. Подул ветер, и колесо недовольно застонало. Мы снова спускались.

Снизу раздался голос, почти неразличимый в бушующем урагане:

— Дев, как мне его остановить?

Сначала я хотел сказать, чтобы она нашла дистанционку, но при такой погоде она могла искать ее полтора часа и все равно не найти. А если бы и нашла, прибор мог оказаться сломанным — от падения или короткого замыкания, если он угодил в лужу. Но был и другой способ, получше.

— Подойди к двигателю! — крикнул я. — Ищи красную кнопку! КРАСНАЯ КНОПКА, ЭННИ! Кнопка аварийной остановки!

Я проехал мимо нее и успел заметить, что она в тех же джинсах и свитере, что и раньше — только теперь одежда промокла насквозь и прилипла к телу. Ни тебе куртки, ни шапки. Она явно приехала впопыхах, и я знал, кто ее послал.

Насколько все было бы проще, если бы Майк с самого начала обратил внимание на Лэйна. Но даже Роззи ничего не подозревала, а ведь она знала его несколько лет, да и сам Майк, как я узнал позже, ни о чем таком не знал.

Я пошел на новый круг. Лэйн лежал рядом. С его волос на колени стекали струйки черного дождя.

— Подожди, пока я не спущусь!

— Что?

Я не стал повторять — ветер был слишком сильным. Мне оставалось только надеяться, что она не нажмет кнопку, когда мы будем наверху. Кабинка поднялась выше, где буря бушевала сильнее всего. Снова блеснула молния, на этот раз сопровождаемая раскатом грома, и, словно этот звук разбудил его (возможно, так и было), Лэйн поднял голову и посмотрел на меня. По крайней мере, попытался. Его зрачки опустились, но глаза смотрели теперь в разные стороны. Я так и не смог забыть эту жуткую картину — она до сих пор иногда внезапно встает перед моими глазами в самые странные минуты: когда я проезжаю через будку дорожного

сбора, когда пью утренний кофе и слушаю несущих дурные вести дикторов CNN, когда встаю в туалет в три часа ночи. Лэйн открыл рот, и оттуда хлынула кровь. Он издал стрекочущий звук, похожий на пение цикады. Его скрутила конвульсия, он начал отбивать быструю чечетку на металлическом днище кабинки. Потом его ноги замерли, и он снова уронил голову на грудь.

Да умри ты уже, подумал я. Умри.

"Колесо" стало опускаться. Одна из молний ударила в "Мозготряс" — в короткой вспышке я увидел металлические рельсы и подумал: а ведь могло ударить и сюда. Самый сильный порыв ветра за ночь обрушился на кабинку, и я вцепился в поручни, пытаюсь в ней удержаться. Лэйна болтало, как тряпичную куклу.

Я глянул вниз, на Энни — ее бледное лицо было обращено к небу, глаза щурились от дождя. Энни стояла внутри ограждения, рядом с двигателем. Уже неплохо. Я сложил ладони рупором и прокричал:

— Красная кнопка!

— Вижу!

— Не нажимай, пока не скажу!

Земля приближалась. Я вцепился в поручень. Когда колесом управлял покойный (во всяком случае, мне хотелось в это верить) Лэйн Харди, оно всегда останавливалось мягко и плавно. Мне было неизвестно, как сработает аварийная остановка, но в ближайшие секунды предстояло это выяснить.

— *Давай, Энни! Жми!*

Хорошо, что я держался. Кабинка прекратила спуск в десяти футах от места высадки и в пяти — над землей и бешено закачалась. Лэйна отбросило вперед. Его голова и туловище перевесились через поручень. Я машинально схватил его за рубашку и затянул обратно. Одна из ладоней Лэйна шлепнулась мне на колени, и я с отвращением ее смахнул.

Я понял, что кабинка не откроется, и мне придется пролезть под поручнем.

— Осторожнее, Дев! — Энни стояла рядом с кабиной и тянула ко мне руки, словно хотела меня поймать. Ружье, оборвавшее жизнь Лэйна Харди, она облокотила на двигатель "Колеса".

— Отойди, — попросил я и высунул ногу из кабинки. Вокруг продолжали сверкать молнии. Завывал ветер, и "Колесо" отвечало ему тем же. Я схватился за распорку и выбрался наружу. Руки заскользили по мокрому железу, и я упал, приземлившись на колени. Секунду спустя Энни уже поднимала меня на ноги.

— С тобой все в порядке?

— Да.

Вообще-то, нет: мир кружился вокруг меня, и я был на грани отключки. Пришлось наклонить голову, взяться за колени и сделать пару глубоких вдохов. На мгновение показалось, что это не поможет, а потом все начало возвращаться на свои места. Я распрямился, стараясь не делать резких движений.

Сложно сказать наверняка, — шел дождь — но мне показалось, что Энни плачет.

— Мне пришлось. Он хотел тебя убить. Ведь хотел же? Пожалуйста, Дев, скажи, что хотел. Майк говорил, что хочет, и...

— Насчет этого можешь не переживать, поверь. И я был бы не первым. Он уже убил четырех девушек. — Тут я вспомнил размышления Эрин о тех годах, когда жертв не было (во всяком случае, их не находили). — А может, и больше. *Наверняка* больше. Нужно вызвать полицию. Там есть теле...

Я уже начал поднимать руку, чтобы указать на "Зеркальный дворец Мистерио", как она вцепилась в мое запястье.

— Нет. Нельзя. Пока нельзя.

— Энни...

Она приблизила свое лицо к моему, точно хотела поцеловать... но поцелуй — последнее, что было у нее на уме.

— Как я здесь оказалась? Неужели я должна сказать полицейским, что посреди ночи моему сыну явился призрак и сказал, что тебя убьют на этом колесе, если я не приду? Майка нельзя впутывать в эту историю, и если ты скажешь, что я слишком за него переживаю, я... я сама тебя убью.

— Нет, — ответил я. — Не скажу.

— Ну и как же я здесь оказалась?

Поначалу я не знал, что сказать. Вы должны понимать, что я тогда и сам был напуган до чертиков. Впрочем, нет. Не напуган. Даже близко не напуган. Я был в шоке. Вместо "дворца Мистерио" я повел ее к фургону и усадил за руль, потом обошел машину и сел на пассажирское сиденье. К этому времени у меня возникла идея. Простая идея, и потому мне казалось, что она должна сработать. Я закрыл дверь и вытащил из кармана бумажник. А когда открывал, то едва его не выронил, так меня трясло. Внутри бумажника обнаружилось достаточно клочков бумаги, на которых можно было бы написать, да только писать мне было нечем.

— Энни, пожалуйста, скажи мне, что у тебя есть ручка или карандаш.

— Может, в бардачке. Тебе нужно позвонить в полицию, Дев, а мне — вернуться к Майку. Если они арестуют меня за бегство с места преступления... или за убийство...

— Никто тебя не арестует, Энни. Ты спасла мне жизнь.

Я рылся в бардачке. Там лежали руководство по обслуживанию автомобиля, горы заправочных чеков, упаковка таблеток от изжоги, пачка M&M's, даже брошюра "Свидетелей Иеговы", которая спрашивала, знаю ли я, где проведу загробную жизнь. А вот ручки или карандаша не было.

— В таких ситуациях... раздумывать нельзя... мне всегда говорили... — ее зубы стучали друг о друга, и поэтому слова вылетали изо рта короткими порциями. — Просто прицелься... и стреляй, пока не... ну, понимаешь... пока не передумал... я целилась между глаз, но... ветер... думаю, ветер...

Она вдруг схватила меня за плечо и до боли его сжала. Глаза ее округлились.

— Я не задела тебя, Дев? У тебя рана на лбу и кровь на рубашке!

— Это не ты, а он. Приложился разок пистолетом. Энни, тут ничего нет...

Но я ошибся: в самой глубине бардачка валялась шариковая ручка. На корпусе ручки можно было прочитать выцветшие буквы: ПОЙДЕМ КРОГЕРИТЬ! [\[26\]](#) Не скажу, что эта ручка спасла Энни и Майку Росс от серьезных проблем с полицией, но от бесконечных вопросов вроде "что привело вас в Джойленд такой темной и ненастной ночью?" уберегла точно.

Я передал ей ручку и визитку из бумажника (чистой стороной). Чуть раньше, сидя в собственной машине и переживая, что отложенная покупка нового аккумулятора убьет Энни и Майку, я хотел вернуться в дом и ей позвонить... да только тогда я не знал ее номера. Теперь я попросил Энни написать его на визитке.

— И добавь ниже: если планы изменятся, позвони.

Пока она писала, я завел двигатель фургона и включил печку на полную мощность. Закончив, она протянула мне карточку. Я убрал ее в бумажник, сунул его в карман, а ручку вернул в бардачок. Потом я обнял ее и поцеловал в холодную щеку. Ее дрожь не унялась, но заметно ослабела.

— Ты спасла мне жизнь, — сказал я. — Теперь давай сделаем так, чтобы это не принесло тебе или Майку неприятностей. Слушай меня очень внимательно.

И она слушала.

Шесть дней спустя индейское лето вернулось в Хэвенс-Бэй на прощальный танец. Погода для обеда на краю деревянного настила Россов стояла отличная, но пойти туда мы не могли: его оккупировали репортеры и фотографы. Им это не возбранялось, потому что в отличие от двух акров прилегающей к викторианскому особняку земли, пляж был доступен всем. Истории о том, как Энни одним выстрелом обезвредила Лэйна Харди (теперь его навечно запомнят как Убийцу-ярмарочника) обошли всю страну.

И не такие уж плохие то были истории. Наоборот. Заголовок на первой странице Вилмингтонской газеты гласил: "Дочь евангелиста Бадди Росса обезвреживает Убийцу-ярмарочника". У "Нью-Йорк пост" получилось короче: "Бой-мамочка!" Интерес подогревали фотографии из энниной юности, на которых она выглядела не просто роскошной, но дьявольски красивой. "Инсайд-вью", один из самых популярных таблоидов тех времен, выпустил дополнительный тираж. Они откопали фото семнадцатилетней Энни, сделанное после соревнования по стрельбе в Кемп-Перри. На ней были узкие джинсы, футболка "Национальной стрелковой ассоциации" и ковбойские сапоги. На сгибе одной руки она преломила старинный дробовик, а в другой держала синюю ленту победителя.

Рядом с фотографией улыбающейся девушки поместили фото двадцатиднолетнего Лэйна Харди (его настоящее имя было Леонард Хопгуд), сделанное после его ареста в Сан-Диего за эксгибиционизм. "КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ", гласил заголовок.

Газеты Северной Каролины не забыли и обо мне (все-таки я был хоть и второстепенным, но героем), а вот таблоиды по большей части обошли меня стороной.

Рылом не вышел, наверное.

Майк считал, что мама-герой — это очень круто. Энни же выносила поднявшийся вокруг нее цирк с огромным трудом, и с нетерпением ждала, когда газеты переключатся на очередную "бомбу". В дни своей бурной молодости "грешная дочь святого отца" по уши наелась вниманием прессы. Поэтому теперь давать интервью она отказывалась, и прощальный пикник мы устроили прямо у нее на кухне. На самом деле, нас было пятеро, потому что под столом сидел ждущий подачек Майло, а на одном из стульев пристроился воздушный змей с ликом Иисуса.

Их дорожные сумки уже стояли в прихожей. После обеда я отвезу их в вилмингтонский аэропорт, откуда самолет корпорации "Священнодействия Бадди Росса" увезет их в Чикаго и из моей жизни. У полиции Хэвенс-Бэй (как и у полиции штата, а, может, и у ФБР) наверняка появятся новые вопросы, и, скорее всего, Энни еще придется вернуться, чтобы дать показания перед судом присяжных, но она справится. Она ведь теперь у нас БОЙ-МАМОЧКА, а благодаря найденной в бардачке фургона ручке, в газетах так никогда и не появится фото Майка под заголовком "СПАСИТЕЛЬ-МЕДИУМ!".

Наша история была простой, и Майк в ней не играл никакой роли. Убийством Линды Грей я заинтересовался благодаря легенде о призраке в джойлендском "Доме страха". Помочь мне с исследованием я попросил Эрин Кук, с которой подружился летом во время работы в парке. Человек, которого сфотографировали в Джойленде вместе с Линдой Грей, кого-то мне напомнил. Кого именно, я понял уже после похода в парк с Энни и Майком. Только я собрался связаться с полицией, как мне позвонил Лэйн Харди. Он угрожал убить Энни и Майка, если я как можно быстрее не прибуду в Джойленд. Пока что всё правда, за одним маленьким исключением: Энни дала мне свой номер телефона, на случай если планы насчет похода в парк вдруг изменятся (я показал детективу визитку, но тот едва на нее взглянул). Итак, перед тем как отправиться в Джойленд, я позвонил Энни из пансиона миссис Шоплоу и сказал ей запереть все

двери, позвонить копам и оставаться на месте. Двери она заперла, но на месте не осталась. И в полицию не позвонила: она боялась, что Лэйн увидит мигалки и меня убьет. Поэтому она взяла из сейфа ружье и последовала за Лэйном на машине с выключенными фарами, в надежде застать его врасплох. И у нее получилось. Отсюда и БОЙ-МАМОЧКА.

— Дев, а как воспринял всю эту историю твой отец? — спросила Энни.

— Помимо обещания приехать в Чикаго и мыть тебе машины до скончания веков, если тебе того захочется? — Она рассмеялась, хотя отец и правда такое сказал.

— Он в порядке. В следующем месяце я возвращаюсь в Нью-Гэмпшир. Проведем вместе День благодарения. Фред попросил меня остаться до ноября, чтобы закончить подготовку парка в зиме, и я согласился. Да и лишние деньги мне не помешают.

— На учебу?

— Ага. Планирую записаться на весенний семестр. Папа пришлет мне бланк.

— Отлично. Этим ты и должен заниматься, а не менять лампочки и красить аттракционы в парке развлечений.

— Ты же будешь приезжать к нам в Чикаго? — спросил Майк. — Пока мне не стало хуже?

Энни поежилась, но промолчала.

— А как же, — сказала я, указывая на змея. — Я ведь должен буду его вернуть, правильно? Ты сам сказал, что одолжил мне его на время.

— Может, ты даже познакомишься с дедушкой. Насчет Иисуса он слегка сбрендил, зато в остальном классный. — Майк искоса поглядел на мать. — По крайней мере, я так считаю. У него в подвале стоит суперский электропоезд.

— Твой дедушка, наверное, не захочет меня видеть, — сказал я. — Я чуть было не устроил твоей маме кучу неприятностей.

— Он поймет, что ты не хотел ничего такого. Ты же не виноват, что работал с этим дядькой. — Майк выглядел обеспокоенным. Отложив бутерброд, он взял салфетку и покашлял в нее. — Мистер Харди казался таким хорошим. Катал нас на аттракционах.

Многие девушки тоже считали его милым, подумал я.

— А у тебя не было никаких... предчувствий насчет него?

Майк покачал головой и еще немного покашлял.

— Нет. Мне он нравился. И я думал, что нравлюсь ему.

Я вспомнил, как на "Каролинском колесе" Лэйн назвал его сопляком-калекой.

Положив руку на тонкую шею Майка, Энни сказала:

— Некоторые люди скрывают свое истинное лицо, солнышко. Иногда маску различить можно, но не всегда. Одурачить можно любого, даже человека с очень сильной интуицией.

Я пришел пообедать, отвезти их в аэропорт и попрощаться, но у меня была еще одна причина.

— Я хочу кое о чем тебя спросить, Майк. О том привидении, которое тебя разбудило и сказало, что я попал в беду. Можно? Тебя это не огорчит?

— Нет. Но в жизни это происходит не так, как по телевизору. Не было никакой белой прозрачной штуковины, которая бы летала по комнате и кричала "у-у-у-у-у". Я просто проснулся... и увидел призрака. Он сидел у меня на кровати, как обычный человек.

— Я не хочу, чтобы вы об этом говорили, — сказала Энни. — Может, Майка это и не огорчает, зато меня — очень.

— Еще один вопрос — и всё.

— Ладно, — Энни начала убирать со стола.

Во вторник мы повели Майка в Джойленд. А в ночь со вторника на среду Энни

выстрелила в Лэйна Харди на "Каролинском колесе", что оборвало его жизнь и спасло мою. Всю среду мы отвечали на вопросы полиции и бегали от репортеров. Потом, уже в четверг, ко мне пришел Фред Дин, и его визит не имел к смерти Лэйна Харди никакого отношения.

Хотя, кажется, имел.

— Вот что я хочу у тебя спросить, Майк. То была девушка из "Дома страха"? Это она сидела у тебя на кровати?

Глаза Майка округлились.

— Нет, конечно! Она ведь ушла. А если они уходят, то уже не возвращаются. Ко мне приходил какой-то дядька.

В 1991-ом, вскоре после его шестьдесят третьего дня рождения, у моего отца случился довольно серьезный сердечный приступ. Неделю он пролежал в Городской больнице Портсмута, после чего его выписали со строгим указанием соблюдать диету, сбросить двадцать фунтов и отказаться от вечерней сигары. Отец оказался одним из тех редких людей, которые восприняли эти указания всерьез. Сейчас, когда я пишу эти строки, ему восемьдесят пять, и, за исключением больного бедра и плохого зрения, чувствует себя вполне неплохо.

В 1973-ем году дела обстояли иначе. По словам моего ассистента (Гугл Хрома), средний срок госпитализации сердечников составлял тогда две недели: неделя в реанимации плюс неделя восстановления в отделении кардиологии. Реанимацию Эдди Паркс прошел нормально, потому что на момент нашего похода в Джойленд его уже перевели на восстановление. Там у него и случился второй инфаркт.

В лифте он умер.

— Что он тебе сказал? — спросил я Майка.

— Что мне надо срочно разбудить маму и отправить ее в парк, потому что иначе тебя убьет плохой человек.

Произошло ли это, когда я все еще разговаривал по телефону с Лэйном в гостиной миссис Шоплу? Даже если и нет, то немногим позже, потому что иначе Энни бы ни за что не добралась вовремя. Я спросил об этом Майка, но он не знал. Как только призрак ушел (Майк использовал именно это слово: не исчез, не вышел через дверь или через окно, а просто ушел), Майк нажал на кнопку интеркома рядом с кроватью. Когда Энни ответила на жужжание, Майк закричал.

— Всё, хватит, — сказала Энни не терпящим возражений тоном. Она стояла у раковины, уперев руки в бедра.

— Мам, да пусть спрашивает. — Кашль-кашль. — Серьезно. — Кашль-кашль-кашль.

— Мама права, — сказал я. — Хватит.

Пришел ли Эдди к Майку потому, что я спас ворчливому старикану жизнь? Трудно сказать что-нибудь определенное о мотивах тех, кто Двинулся Дальше (роззина фраза, заглавные буквы подчеркиваются поднятием ладоней), но я сомневался. Ведь после инфаркта он прожил всего неделю, которую он явно не провел на Карибах в окружении гологрудых прелестниц.

Но...

Я тогда пришел его поведать. И если к нему не приходил Фред Дин, то я был единственным. Я даже принес ему фотографию бывшей жены. Да, он назвал ее жалкой лживой сучкой. Возможно, она ей и была, но хоть какое-то усилие я сделал. Как, в конце концов, сделал и он. Уж не знаю, по какой причине.

По дороге в аэропорт Майк наклонился ко мне с заднего сиденья и сказал:

— Хочешь, расскажу кое-что смешное, Дев? Он ни разу не назвал тебя по имени. Просто пацаном. Думаю, он знал, что я пойму, о ком речь.

Я тоже понял.

Эдди-мать-его-Паркс.

Вот таким и был тот далекий и волшебный 1973-й год. Год, когда нефть продавалась по одиннадцать долларов за баррель. Год, когда мне разбили сердце. Год, когда я потерял девственность.

Год, когда я спас от удушения милую малышку и не дал умереть довольно мерзкому старикану от сердечного приступа (по крайней мере, от первого).

Год, когда я едва не погиб от руки маньяка на колесе обозрения. Год, когда я жаждал увидеть призрака, но так и не увидел... хотя, кажется, один из них видел меня. То был год, когда я научился говорить на секретном языке и танцевать "Хоки-поки" в песьем костюме. Год, когда я понял, что расставание с девушкой — далеко не конец света.

Год, когда я был двадцатиоднолетним салагой.

Я прожил хорошую жизнь — отрицать не буду — но иногда я все равно ненавижу этот мир. Пока я писал эти строки, Дик Чейни, ярый поборник пытки водой и главный проповедник церкви "Для достижения цели все средства хороши" получил новое сердце. Каково, а? Он продолжает жить. Другие умерли. Талантливые люди, как Кларенс Клемонс. Умные, как Стив Джобс. Просто хорошие, как мой старый друг Том Кеннеди. К этому привыкаешь. А что еще остается? У. Х. Оден как-то заметил, что Жнец забирает тех, «кто вечно смеется, над златом трясется и тех, кто красиво висит». Но свой список Оден начинает не с них. Начинает он с молодых и невинных.

Что и приводит нас к Майку.

Вернувшись на весенний семестр в университет, я снял дешевую квартирку неподалеку от кампуса. Одним холодным мартовским вечером я жарил на сковородке мясо с овощами для себя и для девушки, по которой я в то время с ума сходил. Зазвонил телефон. Как обычно, я шутливо ответил: "Оружейный магазин, Девин Джонс, владелец".

— Дев? Это Энни Росс.

— Энни! Ух ты! Подожди секунду, я радио приглушу.

Дженнифер, девушка, по которой я в то время с ума сходил, вопросительно на меня посмотрела. Я ей подмигнул, улыбнулся и взял трубку. — Ждите меня на весенние каникулы. Скажи Майку, я пообещал. На следующей неделе пойду за биле...

— Дев, стой. Стой.

Ее полный горечи голос обратил всю мою радость по поводу ее звонка в ужас. Я приложился лбом к стене и закрыл глаза. Хотя больше всего мне хотелось заткнуть уши.

— Майк умер вчера вечером, Дев. Он... — Голос ее задрожал. Потом успокоился. — Два дня назад у него начался жар, и врач сказал, что его надо отвезти в больницу. На всякий случай, сказал он. Вчера Майку уже вроде бы стало лучше. Он меньше кашлял. Сидел и смотрел телевизор. Болтал о каком-то важном баскетбольном турнире. А потом... вечером... — Она запнулась. Я слышал, как длинными, резкими вздохами она пытается привести себя в порядок.

Я тоже пытался, но из глаз полились слезы. Теплые, почти горячие.

— Все случилось так внезапно, — сказал она. А потом, едва слышно: "У меня сердце раскалывается".

Рука у меня на плече. Рука Дженнифер. Я накрыл ее своей. Подумал, а положил ли кто-нибудь там, в Чикаго, руку на плечо Энни.

— Отец с тобой?

— В крестовом походе. В Фениксе. Завтра возвращается.

— А братья?

— Джордж со мной. Фил вылетает последним рейсом из Майами. Мы с Джорджем сейчас... здесь. Там, где... Я не могу на это смотреть. Пусть Майк этого и хотел. — Энни уже рыдала. Я понятия не имел, о чем она говорит.

— Энни, что я могу для тебя сделать? Всё, что угодно. Вообще всё.

Она мне сказала.

Закончим мы солнечным апрельским днем 74-го. Вернемся на пляж, протянувшийся от городка Хэвенс-Бэй до Джойленда, парка развлечений, который два года спустя закроет навсегда свои ворота: большие парки таки доведут его до банкротства, несмотря на все усилия Фреда Дина и Бренды Рафферти. На пляже мы увидим красивую женщину в линялых джинсах и молодого человека в свитере Университета Нью-Гэмпшира. В руке у молодого человека какой-то предмет. На краю деревянного настила лежит Джек-Рассел-терьер, положив морду на лапу. Казалось, он растерял все свою былую бодрость. На столике для пикника, на который женщина ставила когда-то фруктовые коктейли, стоит керамическая урна. Она похожа на вазу без букета.

Мы заканчиваем не совсем там, откуда начали, но почти.

Почти.

— Я опять с отцом поругалась, — сказала Энни. — И на этот раз нет внука, чтобы нас помирить. Когда он вернулся из своего крестового похода и узнал, что Майка я кремировала, то просто взбесился. — Она грустно улыбнулась. — Если бы он тогда не отправился спасать очередные грешные души, то, скорее всего, он бы меня отговорил.

— Но ведь Майк хотел кремации.

— Странная просьба для ребенка, правда? Но да, именно этого он и хотел. И мы оба знаем, почему.

Да. Мы знали. Хорошему всегда приходит конец, а когда человек видит надвигающуюся тьму, то держится за все доброе и светлое. Держится изо всех сил.

— А ты хотя бы спросила у отца...

— Хочет ли он приехать? Вообще-то, да. Майк бы этого хотел. Папочка отказался участвовать в языческой, по его выражению, церемонии. И я даже рада. — Она взяла меня за руку. — Это для нас, Дев. Потому что мы были здесь, когда Майк был счастлив.

Я приложил ее руку к моим губам. Поцеловал и, слегка сжав, отпустил.

— Знаешь, он ведь спас мне жизнь не меньше тебя. Если бы он тогда не проснулся... если бы засомневался...

— Я знаю.

— Без Майка Эдди ничего не смог бы для меня сделать. Ведь я не вижу и не слышу призраков. Медиумом у нас был Майк.

— Тяжело, — сказала Энни. — Как же тяжело его отпускать. Даже ту малость, что осталась.

— Не передумала?

— Нет. Давай начинать.

Она взяла урну со столика. Майло поднял голову, посмотрел на урну и снова опустил голову на лапу. Не знаю, понимал ли он, что в урне хранятся останки Майка, но он знал, что Майка уже нет. Еще как знал.

Я протянул ей змея с Иисусом. К нему, по просьбе Майка, я приклеил маленький кармашек, в который поместится немного мелкого серого пепла. Я его открыл, а Энни поднесла к нему урну. Когда кармашек наполнился, Энни поставила урну на песок у себя между ног и протянула руки. Отдав ей катушку, я повернулся к Джойленду, над которым возвышалось "Каролинское колесо".

Я лечу, сказал Майк в тот день, вскинув руки над головой.

Ни тогда, ни сейчас его не удерживали никакие скобы. Думаю, Майк был намного мудрее своего помешанного на Христе деда. Может, мудрее всех нас. Разве есть на свете ребенок-калека, которому хотя бы разочек не захотелось полетать?

Я посмотрел на Энни. Она показала мне кивком, что готова. Я поднял змея над головой и отпустил. Холодный океанский ветер тут же увлек его ввысь. Мы следили за его полетом.

— Теперь ты, — сказала Энни и протянула руки. — Твой выход, Дев. Так он просил.

Я взял бечеву. Чувствовал, как змей рвется вверх, кренясь то влево, то вправо на фоне небесной синевы. Энни подняла урну и понесла ее вниз по песчаному склону. Наверное, она опустошила ее у самой воды, но этого я не видел, полностью увлекшись змеем. Как только я заметил, что из кармашка струйкой посыпался и разметался по ветру пепел, я отпустил бечеву. Смотрел, как свободный теперь змей взмывает все выше, и выше, и выше.

Майк бы захотел увидеть, как высоко он поднимется перед тем, как исчезнуть. И я.

Я тоже хотел.

24 августа, 2012

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ярмарочные пуристы (уверен, такие существуют) уже наверняка корпят над письмами, в которых с разной степенью возмущения пытаются сообщить мне, что многие слова сленга, который я назвал Языком, не существуют: к примеру, лохов никогда не называют "Кроликами". Пуристы будут правы, но лучше бы им сэкономить силы и время: друзья, потому все это и зовется вымыслом.

В любом случае, большая часть Языка и в самом деле взята из ярмарочного жаргона, в равной степени богатого и забавного. Колесо обозрения действительно зовется лифтушкой или хренолифтом, детские аттракционы — "малышовками", а "спалить поляну" на самом деле означает "покинуть город в спешке", и это лишь некоторые примеры. Я в долгу у "Словаря ярмарочного, циркового и водевильного жаргона", составленного Уэйном Кейсером. Он опубликован в интернете. Можете проверить сами — там еще около тысячи терминов и определений. Или даже больше. А еще обязательно прочитайте книгу Кейсера "На аллее".

Эту книгу редактировал Чарлз Ардай. Спасибо, дружище.

СтивенКинг

notes

Примечания

[\[1\]](#) Хэвен (англ.) — небеса, рай (здесь и далее - прим. пер.)

[\[2\]](#) Джойленд (англ.) — "страна радости"

[\[3\]](#) Имеется в виду песня Good Vibrations американского рок-коллектива The Beach Boys, вышедшая в 1966 году.

[\[4\]](#) Марка дешевого американского игристого вина

[\[5\]](#) По Фаренгейту; примерно 27 градусов по Цельсию

[\[6\]](#) Престижные районы на Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк

[\[7\]](#) Серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады между 1930 и 1936 годами

[\[8\]](#) Имеется в виду стихотворение Sick Rose английского поэта Уильяма Блейка (1794)

[\[9\]](#) +35 по Цельсию

[\[10\]](#) +39 по Цельсию

[\[11\]](#) Имеется в виду известный журнализм: "Если собака укусила человека — это не новость, а вот если человек укусил собаку — совсем другое дело".

[\[12\]](#) Doubting Thomas(англ.) — Томас (Фома) неверующий.

[\[13\]](#) Лента Алисы – широкая лента, носимая в качестве ободка на лбу. Названа по имени героини сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес»: именно с такой лентой в волосах ее изобразил иллюстратор Джон Тенниел.

[\[14\]](#) Американская актриса, играла главную роль в ситкоме "Та девчонка", выходившем на экраны США с 1965 по 1971 год

[\[15\]](#) Около 43 градусов по Цельсию.

[\[16\]](#) "Mad" ("Мэд") — сатирический журнал

[\[17\]](#) 24 градуса по Цельсию.

[\[18\]](#) Имеется в виду вторая часть "Трилогии Тайнибла" американского писателя Р. М. Костера о вымышленной стране Тайнибла, расположенной в Центральной Америке, и ее политических деятелях. Роман "Диссертация" вышел в свет в 1972 году.

[\[19\]](#) Брюки из плотного хлопка армейского кроя, часто носятся подвернутыми.

[\[20\]](#) Камень красноречия — камень, вмонтированный в стену ирландского замка Бларни, дающий поцеловавшему её дар красноречия.

[\[21\]](#) Аллюзия на сказку "Питер Пэн" шотландского писателя и драматурга Джеймса Барри.

[\[22\]](#) нейтральное обращение к женщине, не указывающее на ее замужнее или незамужнее положение.

[\[23\]](#) Маргарет Мид (1901-1978), известный американский антрополог.

[\[24\]](#) Glad — американская компания по производству мешков для мусора и пластиковых контейнеров; человек "Глэд" — герой рекламных роликов этой компании, седовласый спаситель семейного очага, приходящий на помощь в конфликтных ситуациях.

[\[25\]](#) Бобби Райделл, американский певец и актёр, родился в 1942 году.

[\[26\]](#) Let's go krogering! — самый известный рекламный слоган сети американских розничных магазинов Kroger.